

ISSN 2311-4053

9 772311 405775 >

ИЗДАЕТСЯ
С 13 АВГУСТА 2001 ГОДА

информ

2014,
№ 3 (185)

ПРОСТРАНСТВО

WWW.INFORMPROSTRANSTVO.RU

Издательство «БЕЛЫЙ ВЕТЕР»
МОСКВА
2014

При творческом участии:

АГУДАС ХАСИДЕЙ ХАБАД (МОСКВА)

МОСКОВСКИЙ ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ СОЮЗ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

ИНСТИТУТ МОДЫ, ДИЗАЙНА И ТЕХНОЛОГИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЕЛ–2000»

Главный редактор:

Евгений БЕНЬ

Общественный совет:

Лев АННИНСКИЙ, Сергей БЕЛОРУСЕЦ, Танхум БУСИН,
Федор ГАВРИН, Леонид ГОМБЕРГ, Владимир ЕНИШЕРЛОВ,
Кирилл КОВАЛЬДЖИ, раввин Ицхак КОГАН,
Анатолий КОЧАНОВ (председатель), Аркадий ЛИВШИЦ,
Давид МАГИДСОН, Евгений МИНИН, Галина НЕРПИНА,
Сергей ПОДРАЖАНСКИЙ, Ольга ПОТЕМКИНА,
Николай ПРОПИРНЫЙ, Игорь ХАРИЧЕВ

Оформление и верстка:

Андрей ЯШИН, Дмитрий БАЙБАРА

Веб-поддержка:

Дмитрий БАЗОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРКИ / К 100-ЛЕТИЮ ЮРИЯ ЛЕВИТАНА

Яков Басин. *Голос, труды и судьба*..... 4

ВОСПОМИНАНИЯ / К 90-ЛЕТИЮ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА

Сергей Филатов. *По зову совести своей*..... 18

Эльдар Рязанов. *Рыцарь без страха и упрека*..... 21

Даниил Гранин. *Порядочность потомственного офицера*..... 24

Евгений Сидоров. *Писатель чести и человеческого достоинства*..... 29

Евгений Лазарев. *«Боря, это я...»*..... 32

Лев Воллерштейн. *И в праздники, и в непогоду*..... 36

ТРАКТАТЫ /

Менахем Мендл Шнеерсон. *В ночь праздника Шавуот*..... 39

Борис Кобринский. *Символы-призывы и символы-предупреждения*..... 44

Мария Аннинская. *Трудный Виан и парадоксы перевода*..... 60

ПУБЛИЦИСТИКА /

Танхум Авраам Бусин. *«Солидный Господь для солидных господ»*..... 68

Анатолий Кочанов. *Будет ли расти продолжительность жизни?*..... 74

Павел Нерлер. *Разоблачение разоблачения, или про четыре ведра помоев*...76

ЭССЕ /

Ольга Потемкина. *Загадка «Шинели»*..... 84

Сергей Белорусец. *Из ретрописи «Песни для чтения»*..... 101

ПРОЗА /

Валерий Хлебутин. *Наше... всё*..... 111

Федор Гаврин. *Лягушонок, Старый Жаб и Жук Филька*..... 119

Игорь Харичев. *Открыватель тайн*..... 149

Сергей Каратов. *Подставил*..... 154

ПОЭЗИЯ /

Ирина Василькова. *Я звук и слух, я белое на белом*..... 158

Илья Фаликов. *Температура стиха*..... 167

Ирина Ермакова. *Корневая медь*..... 175

ОЧЕРКИ

Яков БАСИН

ГОЛОС, ТРУДЫ И СУДЬБА

*19 сентября 2014 года Юрию Борисовичу Левитану
исполнилось бы 100 лет.*

Его за глаза называли «голосом Сталина». Именно он в течение последних 19 лет нахождения у власти «вождя народов» оглашал на весь Советский Союз все документы, исходящие из-под его пера. Как образно выразился в одном из стихотворений поэт Александр Городницкий, *«в дни отступленья и отмищенья, // в дни поражений и тревог // он был звучащим воплощеньем, // небесным голосом того, // кого от центра до окраин // любили, страху вопреки, // и звали шепотом: «Хозяин», – // как будто были батраки».*

Он был одним из самых популярных людей многомиллионной страны, но его почти никто не знал в лицо. Знали и легко узнавали его неповторимый тембр голоса, но едва ли не за всю его творческую жизнь в прессе не появилось ни одной его фотографии. Никто не знал обстоятельств его жизни. Лишь недавно были обнародованы его подлинное имя и отчество. Обласканный славой и всенародной любовью, он был лишен малейшей возможности прямого общения с обожавшей его страной. Он был неким «человеком в маске» в современной интерпретации. Правда, в отличие от литературного героя, этот «человек в маске» жил в относительной свободе и был обеспечен всем необходимым для хорошей жизни. А в годы войны он был, кроме всего, еще и обеспечен круглосуточной охраной. Так и жил в специально для него созданной «золотой клетке».

1

Ночь с 25 на 26 января 1934 года осталась в истории СССР как некий крохотный отрезок времени, разделяющий не только две эпохи в жизни страны, но и две эпохи в глобальных процессах, происходивших в мире. С одной стороны, страна подводила некие промежуточные итоги своего существования за предыдущие 17 лет, пролетевших после октября 1917 года, и объявляла о своем выходе на новые рубежи государственного строительства. Не случайно открывающийся на следующий день XVII съезд партии уже успели окрестить «Съездом победителей». С другой стороны – после прихода за год до этого к власти в Германии нацистов и определившегося открытого противостояния двух социальных систем – страна нуждалась, в первую очередь, в коренной перестройке всех уровней управления и генеральной смене кадров. Утвердившемуся в Германии тоталитарному режиму необходимо было противопоставить не менее мощную и жестокую тоталитарную систему власти в СССР.

Судя по тому, как развивались события в стране в последующие годы, думается, именно таким образом складывались мысли Иосифа Сталина, сидящего в ту ночь, с 25 на 26 января 1934 года, в своем кремлевском каби-

нете. Облеченный всей полнотой диктаторской власти, только он и определял судьбу страны и всего его 162-миллионного населения. Завтра он прочтет свой доклад съезду. Уже через несколько часов текст этого доклада по системе радиовещания будет доведен до редакций всех газет страны. Стенографистки запишут его с голоса диктора Всесоюзного радио, и еще через день весь народ сможет доклад прочесть на газетных полосах.

Привыкший работать по ночам, Сталин обычно оставлял не выключенной радиоточку. Вот и сейчас он машинально обратил внимание на голос диктора, ведущего ночной технический эфир и чуть ли не по слогам зачитывающего передовицу завтрашнего выпуска «Правды». Глубокий, редкого тембра баритон диктора произвел на вождя впечатление. Этот голос был ему незнаком, но решение пришло немедленно. Уже через несколько минут у него на проводе был председатель Всесоюзного радиокomiteта Платон Керженцев, который, как, кстати, и все остальные руководители министерств и ведомств, подобно вождю, бодрствовал в своем кабинете в ожидании возможного звонка из Кремля – такие порядки были в те годы в высшем партийном руководстве страны Советов. Поздоровавшись с Керженцевым, Сталин сказал ему: «Завтра текст моего доклад на съезде по радио должен зачитывать диктор, который сейчас ведет передачу. Мне его голос понравился».

В эту ночь в Радиокomiteте никто не спал. Представить себе, что доклад Сталина будет зачитывать в прямом эфире молодой человек, который до этого вообще еще ни разу ни одной серьезной передачи не вел, никто, естественно, не мог. От одной только мысли, какие оговорки, искажения слов и целых фраз, неверные ударения и тому подобные ошибки может допустить при чтении доклада – и не кого-нибудь, а первого лица государства – этот совершенно неопытный диктор, можно было сойти с ума. Назревал грандиозный скандал, который мог обернуться трагедией для всего Комитета: крутой характер «хозяина» знали все. Но объяснить Сталину всю щекотливость ситуации не брался никто – распоряжение просто надо было принять к исполнению.

Новоявленного диктора немедленно отправили спать, а утром начали готовить к ответственной работе. Пакет с текстом доставили из Кремля около полудня. До начала эфира оставалось всего около двух часов. Бледный от волнения молодой человек, еще не осознавший всю пропасть, на краю которой он стоит, стал с ним знакомиться. И вот он – перед включенным микрофоном. Пять часов подряд он зачитывал сталинскую речь – размеренно, спокойно, едва ли не по слогам, но настолько выразительно, насколько позволял сухой текст официального доклада. Внимательно

следившие за его работой сотрудники радио, специалисты по сценической речи, другие дикторы не смогли позднее привести ни одного примера сколько-нибудь серьезной ошибки. Остался доволен и Сталин, который сказал Керженцеву: «Теперь пусть все мои выступления и другие важнейшие тексты читает по радио именно этот человек!». Так в одночасье 19-летний юноша стал главным диктором государства, и вскоре уже вся страна знала его имя – Юрий Левитан.

2

Постановление Совета народных комиссаров о создании Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР во главе с П. Керженцевым появилось в самый канун нового, 1934 года – 31 декабря. До съезда партии оставалось меньше месяца, а проблем в решении задач принятого постановления было много, и главной из них была проблема квалифицированных редакторских и литературных кадров радио. К этому времени советскому радиовещанию было уже 10 лет. В стране работали 66 вещательных станций. Население располагало двумя миллионами приемных точек. Вещание велось на 62 языках. И вот уже на следующий день после выхода постановления, 1 января, появился документ, касающийся руководства работой Радиокомитета. «Радио – одно из орудий партии по культурному строительству, – отмечалось в нем. – Диктор – одно из важнейших звеньев на радио. Необходимо поднять качество работы дикторов, привлекать их к художественному чтению».

Художественное чтение... Думается, одним из элементов успеха первых же шагов молодого диктора Юрия Левитана на этом поприще был не только сильный, редкого тембра голос, но и способность выразительного, артистического воспроизведения текстов. Не зря он готовился стать драматическим актером, хотя его родители мечтали, чтобы он стал военным инженером. Его отец Борис (Бер) Семенович работал в артели портным, мать Мария Юльевна была домохозяйкой. Семья проживала во Владимире, где сам Юрий Борисович (Юдка Беркович) и родился. В детстве его прозвали «Трубой» – за зычный голос. Мамы запропастившись где-то на улице мальчишек просили Юру покричать их сорванцов по имени, и голос Юры тогда разносился далеко окрест. Природная постановка голоса мальчишки произвела впечатление на соседа – в прошлом театрального парикмахера, который поддержал Юру в его стремлении стать актером, и юноша, поверив в свои возможности, все свободное время проводил в разных кружках самодеятельности и даже пел в хоре. Кумиром его был Василий Качалов. Ему тогда и в голову не приходило, что именно Качалов будет способствовать становлению его как диктора радио.

Едва закончив 9 классов школы, 17-летний Юрий получил путевку от Владимирского горкома комсомола для поступления в Государственный кинотехникум (будущий ВГИК) и отправился в Москву. Но он был волжанином с характерным «кокающим» говором, и его не приняли. В театральное училище при театре знаменитого Вахтангова он тоже не попал: там комиссии не понравилась его «заурядная внешность» – в нем не чувствовалось харизмы, которая должна была быть свойственна будущему актеру. Он уже собирался возвращаться в родной Владимир, когда на глаза ему на улице совершенно случайно попало объявление о конкурсном наборе в группу радиодикторов. Не имея ни малейшего представления, о чем идет речь, молодой человек отправился на этот конкурс.

Принимавшая у него документы секретарша комиссии пыталась объяснить ему всю бессмысленность его затеи: «У вас волжский говор, областной диалект, вас все равно не примут», но возвращаться домой, не попытавшись добиться успеха, Юрий не хотел. Оказавшись в компании конкурсантов – нарядно одетых столичных ребят, Юрий, однако, не оробел и прочел предложенный ему текст. Для членов приемной комиссии внешний вид юноши, его спортивные штаны, модная полосатая футболка, матерчатые тапочки и очки на носу не имели никакого значения. Их даже не смутили его провинциальный говор и знаменитое волжское «оканье». Для них самыми главными были необычный тембр голоса, его диапазон и четкая дикция. И так случилось, что среди членов комиссии был его кумир – великий мхатовец Василий Качалов, у которого Левитан позже будет брать уроки мастерства.

Среди поступивших тогда в дикторскую группу был Ростислав Плятт – будущая звезда советского театра. В своих воспоминаниях он писал позднее о событиях тех дней:

«Нам всем было ясно, что Левитана приняли как материал, подлежащий основательной обработке. Но прошло немного времени, и в нем обнаружилась черта, не сочетавшаяся с его мальчишеским видом и легкомыслием, – огромное трудолюбие. Он буквально вгрызлся в работу. Кончив занятия со своими педагогами, он никуда не уходил и оставался в помещении Радиокомитета с утра до вечера. И всегда был чем-то занят. То в пустой студии делал заданные ему упражнения, или, примостившись где-нибудь в углу, что-то запоем читал. То забегал в дикторскую и жадно вслушивался в разговоры старших, а то вдруг бросался помогать звуковикам в переноске какой-то тяжести. А бывало, бежал в буфет принести кому-то бутерброд... Словом, он вращался в радиобит, дышал воздухом радио, и неясно было, есть ли у него своя собственная домашняя жизнь...

В первое время Левитан выполнял работу дежурного в отделе выпуска программ и, его, учитывая сложившуюся ситуацию с не сложившимся бытом, поселили в «музыкальной комнате», где хранились граммофонные пластинки. Сутками он торчал в студии, слушая, как читают свои тексты известные артисты, зубрил скороговорки, зачитывал вслух статьи на самые невероятные темы, стараясь избавиться от присущего ему говора. Усердно занимался с приставленными к группе стажеров радиокомитета актерами МХАТа Ниной Литовцевой, Василием Качаловым, Натальей Толстой, Михаилом Лебедевым.

В передачах его еще не занимали, но он получил разрешение присутствовать в студии прямо во время эфира. Вот одну такую встречу с ним в студии я не забуду. Мы сидели у пульта; передача уже шла. У микрофона, стоявшего поодаль, читал текст один из лучших дикторов – М.М. Лебедев. Я разбирался в выданном мне материале и вдруг краем глаза увидел, что с Левитаном что-то происходит: он вытянулся в струнку, впился взглядом в Лебедева, и губы его двигались синхронно с губами диктора, казалось, вот-вот из них вырвется звук. И в этот момент я подумал: «Да, этот юноша выбрал себе профессию не зря!»

Потом его начали понемногу выпускать в эфир, правда, только в ночное время. По ошибкам и «накладкам» он занимал первое место в сводках отдела контроля. Его оговорки «Чудесный цветок монголия» или «непрочное зачатие» стали местными анекдотами. Но ошибался он так уверенно, что слушатели готовы были признать: это они ослышались, а не он оговорился. Но его упорство поражало окружающих, и ему охотно помогали свидетели его напряженного труда: то переворачивали по его просьбе текст вправо, влево, вверх ногами, то вообще помогали ему держать перед глазами текст в тот момент, когда он стоял на голове. И вот, наконец, пришел день, когда его услышал Сталин. С этого момента жизнь молодого диктора пошла совсем по другому руслу.

3

Как говорится, «одним росчерком пера», одним телефонным звонком Сталин сделал неизвестного юношу ведущим диктором Всесоюзного радио. Именно Левитан, начиная с того зимнего дня в январе 1934 года, вещал для огромной страны все те важнейшие документы и сообщения, которые эта страна должна была знать. Можно было бы предполагать, что именно уникальные голосовые данные принесли Левитану известность и славу, но, думается, это не так. Благодаря своему невероятному трудолюбию и творческой активности, он рано или поздно добился бы выдающихся результатов. Как позднее вспоминал бывший генеральный директор программ Центрального радиовещания

ния Гостелерадио А.И. Ахтырский, Левитан, усаживаясь к микрофону, «преображался и мог делать со своим голосом все что угодно – от спокойного будничного сообщения о завтрашней погоде до откровенно открытого ликования по поводу первого полета человека в космос». Буквально в несколько недель Юрий Левитан стал одним из самых знаменитых людей страны. И именно он сообщал самые волнующие всех сообщения: в 1934 г. – о «челюскинской» эпопее, в 1937 г. – о трансарктическом перелете экипажа Валерия Чкалова и высадке на Северном полюсе четверки папанинцев.

Однако время, на которое пришлось начало творческой карьеры Левитана, было не только невероятно сложным для всей страны, но и трагическим для многих миллионов простых тружеников. К этому времени возвеличивание Сталина и его ближайших сподвижников стало непременной частью ритуала любого собрания, любой конференции, митинга. Портреты членов Политбюро «украшали» фабричные цеха и школьные классы, фасады зданий и колонны демонстрантов. В честь «вождей» слагались поэмы и песни. Но вот 1 декабря 1934 г. в Смольном раздается выстрел. Убит С. Киров. В его смерти обвиняются члены антисталинской оппозиции, и в стране разворачивается невиданная «чистка». В Москве проходят открытые судебные процессы: 1936 г. – «процесс 16-ти» (Г. Зиновьев, Л. Каменев и др.), 1937 г. – «процесс 17-ти» («параллельный антисоветский троцкистский центр» – Г. Пятаков, К. Радек и др.). В тюрьмах и концлагерях – 5 млн. заключенных. Из 7 млн. арестованных в 1937–1938 гг. 3 млн. расстреляны. Подлинная информация о том, что происходит в стране, строго засекречена. Вся картину происходившего, всю глубину произвола, скорее всего, восстановить не удастся никогда. Но правительственные сообщения следуют одно за другим, и большинство из них доносится до страны «голосом Сталина» – диктором Юрием Левитаном.

Жизнь Левитана в силу всего этого проходит в условиях почти полной анонимности. Круг его общения крайне ограничен, но в близких друзьях недостатка нет. Его кличка в дружеском кругу – ЮрБор. Однако в условиях всеобщего доноительства ему приходится быть крайне осторожным в разговорах даже с самыми близкими друзьями. Несомненно, он весьма информированный человек, но малейшая утечка какой-либо информации, которую можно расценить как секретную, в обстановке шпиономании может стоить ему жизни. Он сдержан во всем, и в первую очередь, в высказывании собственного мнения, не совпадающего с официальным, даже перед самыми близкими людьми. О нем молчит пресса. Ему, известному всей стране человеку, не по-

священо ни одной газетной статьи. Никто не знает, как он выглядит: во всей стране не появилось ни одной его фотографии. Но пока ему покровительствует Сталин, он в полной безопасности, и то при условии, что он сам где-нибудь не потеряет контроль над собой и позволит себе «развязать язык».

Каждый его шаг отслеживается. Он не может уйти из-под контроля даже на одну минуту, потому что именно в эту минуту он может понадобиться для выхода в эфир. Ему помогают приобрести комнату в коммунальной квартире на ул. Горького, напротив Моссовета. Студия, в которой он работает, находится в здании ГУМа – в 10-и минутах ходьбы от дома. Царящий в системе власти «классовый подход» к подбору кадров затрагивает и его: в автобиографии появляется запись, что его отец – рабочий, и Левитан просит всех друзей на эту тему нигде не распространяться. К счастью, отец об этой подделке уже не узнал: он ушел из жизни в 1933 г.

Радиовещание в стране, тем временем, развивается быстрыми темпами. 14 мая 1935 г. происходит первая прямая передача из Колонного сада Дома Союзов – трансляция речи Сталина, посвященной пуску Московского метрополитена. Речь записана на пленку. 23 марта 1936 г. из большой студии Центрального вещания Левитан торжественно объявляет: «Начинаем первый всесоюзный радиофестиваль советского радиовещания». 12 мая 1937 г. происходит первый радиоконцерт для Америки. Через коротковолновую станцию для американских радиослушателей и любителей легкой музыки прозвучали произведения Исаака Дунаевского и Матвея Блантера. 24 мая происходит еще один концерт для Америки. На сей раз в эфире звучит музыка в исполнении Давида Ойстраха и юной пианистки, 17-летней Розы Тамаркиной.

Но одновременно ужесточается и обстановка в Радиокомитете. Из Кремля идет требование «усилить политический контроль» за вещанием. Вводится «глубокая проверка всего микрофонного материала, предназначенного для передачи по радио». Повышается «бдительность в подборе кадров, работающих во всех звеньях политического радиовещания». Нервозность всей этой обстановки, страх перед малейшей ошибкой возрастают в несколько раз.

В 1938 г. у Левитана появляется семья, и через год жена, красавица-студентка Института иностранных языков Раечка, приносит ему дочь Наташу. Но международная обстановка резко ухудшается, в воздухе все больше и больше пахнет пороховой гарью, и наступает день, когда Левитана срочно вызывают в студию, чтобы объявить всему народу о том, что Германия начала войну против СССР.

4

«Внимание! Говорит Москва! Граждане Советского Союза! Передаем заявление Советского правительства. Сегодня, в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну...» Считается, что эти трагические слова произнес в эфир Юрий Левитан. Но это не так. Первыми текст этого Заявления произнес по радио министр иностранных дел Вячеслав Молотов. А Левитан его потом уже повторил через какое-то время.

На протяжении большей части XX века радио было самым оперативным и единственным источником информации. Его значение для создания в стране «информационного поля» трудно переоценить. Благодаря проводному радио, выполнявшему роль технической основы системы оповещения, в годы войны были спасены многие человеческие жизни, а сводки Совинформбюро были единственным источником информации о положении на фронтах и в тылу. Память о войне была в СССР неразрывно связана с именем Левитана. Подсчитано, что за годы войны Левитан озвучил около 2000 сводок Совинформбюро и свыше 120 экстренных сообщений. Его необычайного тембра и глубины голос, вещавший о положении на фронтах и вселявший веру в победу, неотделим от истории Второй мировой войны. О значении Левитана для сохранения духа в войсках образно сказал скупой на похвалу генерал Черняховский: «Юрий Левитан мог заменить целую дивизию».

Огромное значение радио для укрепления духа и боеспособности войск ценил не только Сталин. Уникальность голоса советского диктора не давала покоя Гитлеру. Ведомство Геббельса безуспешно пыталось найти аналогичного диктора в Германии. Левитан был еще одним – и совсем немалым – преимуществом большевиков. Геббельс обещал 200 тысяч марок тому, кто доставит Левитана живым в Берлин. Будучи уверенным в своей победе, нацисты мечтали, что сообщение о ней прочел не кто иной, как Левитан. Их даже не смущало его еврейское происхождение, настолько он был им нужен. После окончания войны в архивах рейхсканцелярии был обнаружен документ – приказ о формировании спецгруппы СС, которая, в случае взятия столицы СССР, должна была найти самых опасных для Германии людей. Любопытно, что Левитан стоял в списке под №1. Под №2 стоял Сталин. Вот почему во время войны Левитана оберегали на государственном уровне. Его постоянно сопровождала охрана, а через прессу запускалась дезинформация о его внешности.

Уже через несколько дней после начала войны Кремль оценил проблемы, которые создает для них наличие у населения радиоприемников, через которые на территории страны можно было прослушивать передачи немецкого радио на русском языке. Постановлением Совнаркома населению предла-

галось сдать все радиоприемники. В случае отказа можно было получить тюремный срок. Как выяснилось уже после войны, пятая часть радиоприемников так и не была сдана «государству на хранение». Единственным источником информации для населения оставались репродукторы на столбах. Ссылаться в разговорах людям можно было только на данные, которые доносил голос Левитана. Остальное считалось слухами и грозило репрессиями.

Но советское командование очень быстро оценило и то, какую опасность представляет радиопередатчик Московского радио для обороняющихся советских войск. Лучшего маяка для наводки вражеской авиации трудно было придумать. Поэтому в августе 1941 г., когда немцы близко подошли к Москве, Левитана вывезли в Свердловск, откуда он и вел свои передачи. Факт этот сохранялся в большой тайне: одна только мысль, что слова: «Говорит Москва!» звучат не из самой Москвы, а из города на Урале, могла подорвать боевой дух не только армии, но и мирного населения. В Свердловск тогда прибыла большая группа дикторов, радиожурналистов, операторов, артистов и даже в полном составе Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио. У микрофона выступали крупнейшие писатели и публицисты страны. Однако Левитан не мог общаться с ними: он был полностью оторван от внешнего мира.

Он жил, в буквальном смысле слова, под конвоем. Ему выделили маленький подвальчик для жилья рядом со зданием Свердловского радиокомитета. Никто не знал, для кого и для чего этот подвальчик предназначался. Левитану не разрешалось выходить в город и общаться с посторонними. В Москве осталась жена с годовалым ребенком и своей матерью. Он спал не более двух часов в сутки: в эфир надо было выходить каждые три часа. По приказу Сталина трагедия отступления освещалась другими дикторами. Победные же сводки звучали только голосом Левитана. На окраине Свердловска, около бессточного озера Шарташ, того самого, который остался в истории России как место, где впервые в середине XVII в. обнаружили рудное золото, находился самый мощный в стране ретранслятор «РВ-96», куда шел сигнал из Свердловской студии.

Передачи Юрий Левитан вел вместе с диктором Ольгой Высоцкой. Помимо работы в эфире он озвучивал хроникально-документальные filmy, в том числе, киножурнал «Советский Урал», которые монтировались в подпольной свердловской радиостудии. (Информацию о пребывании Юрия Левитана и Ольги Высоцкой в Свердловске рассекретили лишь четверть века спустя). В марте 1943 г. Левитана со всеми предосторожностями перевозят в Куйбышев, и передачи он уже начинает вести оттуда. Здесь еще с октября 1941 г. находились Правительство и Верховный Совет СССР, Большой театр, Киностудия «Мосфильм» и ряд других учреждений. Правда, Ставка Верховного Главнокомандующего, Государственный комитет обороны и Генштаб РККА оставались в Москве. Здание Куйбышевского

радиокомитета, построенное в 1938 г., было приспособлено для размещения части оборудования Московского радиокомитета, и когда монтаж его был завершен, все вещание велось уже отсюда. Но победу Левитан встретил в Москве, и именно он зачитал по радио сообщение о взятии Берлина и акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Вечером 9 мая 1945 г. его вместе с председателем Радиокомитета А.А. Пузиным вызвали в Кремль и вручили текст Приказа Верховного главнокомандующего о Победе над фашистской Германией. До эфира оставалось 35 минут. Они вышли на забитую до отказа людьми Красную площадь. Надо было как-то пробиться к зданию ГУМа, но этого не удавалось. «Я – Левитан, я спешу в студию!» – говорил он людям. Но кто ему мог в тот момент поверить? Пришлось возвращаться в Кремль, где также была радиостудия. У микрофона он оказался в 21 час 55 минут, До выхода в эфир оставалось 5 минут.

5

Вплоть до середины 1950-х гг. Левитана в лицо знал достаточно ограниченный круг людей, а население описание его внешности знало только в тех деталях, которые в качестве слухов с целью конспирации распространяли сотрудники спецслужб. В силу этого представить себе, что правительственные сообщения и сводки с фронтов зачитывает человек, которому к началу войны исполнилось только 27 лет, было сложно. К окончанию войны за плечами Левитана было менее половины прожитой жизни. Он продолжал работать на радио, и, как и прежде, на его долю приходилось зачитывание сообщений ТАСС, ведение репортажей с Красной площади, озвучивание документальных фильмов о Второй мировой войне. В 1950 г. он записал на пленку текст заявления советского правительства о начале войны, поскольку в 1941 г. магнитофонных записей не велось. Даже важнейших сообщений. В марте 1953 г. его голосом освещали события, связанные с болезнью, смертью и похоронами Сталина.

Однако со временем Левитана стали ограждать от работы с текстами, представляющими обычную хронику жизни страны, и он стал выходить в эфир только во время проведения самых ответственных и масштабных мероприятий. Руководство радио просто решило, что его голос ассоциируется у населения с военными действиями и драматическим прошлым. У Левитана появилась иная работа: он стал готовить молодых дикторов к работе в студии, озвучивал кинохронику и читал дикторский текст секретных фильмов о советских военных разработках, предназначенных для просмотра в узком кругу партийной номенклатуры, военных чинов и закрытых НИИ. По самым скромным подсчетам, за годы своей работы на радио Левитан провел около 60 тысяч различных передач.

После «хрущевской оттепели», несмотря на серьезный откат к недавнему прошлому, наиболее одиозные формы сталинизма исчезли. Но «диктатура страха» еще не позволяла расслабиться. Левитана, одного из самых информированных людей в стране, друзья не раз пытались «расколоть» на некоторые наиболее щепетильные темы политики властей, но он по привычке отмалчивался и даже в самом узком кругу не позволял себе откровенничать. Не поддерживал он разговоры и на тему «еврейского вопроса», хотя при этом в целом о своей работе, о коллегах, о своих встречах с людьми мог говорить откровенно и очень интересно.

Много времени у него в те годы уходило на различные торжественные вечера и встречи с ветеранами войны. В Дни Победы он был одним из самых дорогих гостей в праздничных телевизионных программах. В течение 18-и лет подряд текст в телепередачах «Минута молчания» зачитывал только Юрий Левитан. Долгие годы он вел на Всесоюзном радио программу «Говорят и пишут ветераны». Он – первый из дикторов радио был в 1956 г. удостоен звания заслуженного артиста РСФСР. Следующее по регламенту звание он, популярнейший в стране человек, огромные заслуги которого не смог бы опровергнуть и самый откровенный антисемит, получает лишь спустя 17 лет. Уже начал срабатывать основной принцип государственного антисемитизма – три «не»: не замечать, не продвигать, не награждать.

Личная жизнь Левитана не сложилась. После 11-и лет брака жена, которую друзья то ли в шутку, то ли всерьез называли Мадам Приказ, ушла от него к другому мужчине – офицеру военной академии и уехала с ним по месту его нового назначения в Группу советских войск в Германии, родила там сына. И хотя этот брак ее не длился долго, с Левитаном они уже разошлись навсегда, а он больше так и не женился. Он жил в Москве в одной квартире вместе с дочерью Натальей и тещей Фаиной Львовной, обожавшей своего бывшего зятя. Теща прожила в доме зятя до самой смерти, дотянув до 92-х лет и пережив Юрия на два года...

Дочь Наташа в 1970 г. вышла замуж, родила сына Бориса. Она так же, как и отец, работала диктором на радио. Спустя 20 лет после смерти отца, в 2004 г. Наташа получила за его достижения в области радиоискусства и в память о нем премию «Радиомания» в номинации «Радиолегенда». Но в 2006 г. в семье произошла трагедия: Борис убил свою мать. Случилось это прямо у них дома. Он был признан невменяемым, у него была диагностирована шизофрения. Его отправили на принудительное лечение. После 6 лет лечения вышел на свободу. 19 апреля 2013 года его тело было найдено в Серебряном Бору, где семья пользовалась госдачей. Правнук Юрия Левитана Артур Судариков стал известным программистом и веб-дизайнером.

К началу 1970-х гг. государственный антисемитизм в СССР окреп и превратился во вполне регламентированную неофициальным законом внутреннюю политику «страны победившего социализма», и Левитан, несмотря на все свои заслуги перед государством и партией, членом которой он являлся, вкусил ее прелести сполна. Его популярности завидовали, особенно те военачальники, которые в его присутствии на людях немедленно отступали на второй план. Один из авторов текстов для программы «Говорят и пишут ветераны», которую вел Левитан, А. Ярошевский, описывает такой эпизод, свидетелем которого он явился. «Однажды, когда в очередной раз Левитан шел в окружении толпы, человек с большими звездами на погонах отчетливо бросил: «Будто не мы воевали, а только этот жиденок». Какой-то фронтовик услышал реплику и плюнул генералу в лицо».

В начале 1970-х гг. Всесоюзному радио «выделили» одно место для присвоения лучшему сотруднику звания Героя Социалистического Труда. Сомнений ни у кого не было: кандидат один – Юрий Левитан. Все ошибались, хотя предсказать итог этой акции было достаточно легко: звания был удостоен председатель Гостелерадио СССР Лапин.

Общественный интерес к Левитану всегда был чрезвычайно велик. А пресса о нем молчала. Даже главная газета страны – орган ЦК КПСС «Правда» – ни разу не напечатала о дикторе ни строчки. Но вот приближался 1975 год – исполнялось 60 лет Левитану и 30 лет со дня победы. Один из журналистов (Ю.Белкин) стал готовить о нем очерк. Узнав об этом, Левитан громко рассмеялся: «Готов заключить любое пари, что «Правда» ничего обо мне не даст». На вопрос: «Почему же?» ответил: «Ну, конечно же, из-за «пятого пункта». Я – еврей, а о евреях эта газета ничего не пишет». К счастью, он ошибся: 7 мая 1975 г., к 30-летию Победы, «Правда» впервые опубликовала большой материал о нем под заголовком «Говорит Москва». Левитан не верил своим глазам.

Но прошло еще пять лет, прежде чем власти решили всенародно отметить признание его заслуг перед государством: в 1980 г. Левитану было присвоено звание народного артиста СССР. Шаг несколько запоздалый, но все же беспрецедентный: впервые в стране такое высокое звание было присуждено диктору радио. На этом лидеры государства решили, что теперь-то уж этого «мозолящего глаза» можно отправить «в запас». Повод очень скоро представился. В ноябре 1982 г. ушел из жизни Л. Брежнев. Добрых полвека именно Левитан своим голосом освещал траурные события, связанные со смертью и похоронами выдающихся людей страны. На сей раз обошлись без него. А самому диктору об этом сообщили в весьма неожиданном тоне. Позвонивший ему чиновник объяснил ситуацию: мол, хватит уже Левитану читать по радио некрологи – нужно оставить «глав-

ный голос страны» только для светлой тематики. А, кроме того, «есть мнение», что вообще все материалы, связанные со смертью Брежнева, надо давать поскромнее.

Летом 1983 г. Левитан записал свою последнюю телепередачу из цикла «Ты помнишь, товарищ?». Его партнером была многолетняя напарница – блестящий диктор Ольга Высоцкая. А в августе Левитану предстояло поехать на торжества по случаю 40-летнего юбилея со дня освобождения Орла и Белгорода. Его беспокоили боли в сердце, но отказать людям он не мог. Лето было жаркое, термометр зашкаливал за 40 градусов. Прямо там, на поле под Прохоровкой, где в июле 1943 г. проходило самое знаменитое танковое сражение Второй мировой войны, сердце Левитана остановилось...

ВОСПОМИНАНИЯ

Сергей ФИЛАТОВ

ПО ЗОВУ СОВЕСТИ СВОЕЙ

Борис Васильев
на вручении премии Большая книга
в номинации «За честь и достоинство»

Борис Васильев и его жена Зоря

21 мая 2014 года – юбилейная дата рождения выдающегося писателя, драматурга, киносценариста, одного из блестящих отечественных публицистов XX века – Бориса Львовича Васильева. Именно в этот день ему исполнилось бы 90 лет. К этой дате Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ совместно с Союзом писателей Москвы при поддержке Российского Союза молодежи и Роспечати подготовил книгу воспоминаний о нем «Есть такая профессия...» друзей, коллег, родных писателя.

Среди авторов книги, снабженной богатейшим собранием эксклюзивных фотографий из частных коллекций, вы не встретите ни одного случайного имени – это и те, кто издавна был читателем его романов, повестей, рассказов, зрителем его кино-шедевров, ценителем его глубоких и острых публицистических

статей; и те, кто пересекался с Борисом Львовичем Васильевым всего несколько раз; и те, кто был хорошо знаком с ним, вхож в его дом, дружил на протяжении нескольких лет или нескольких десятилетий, с кем он вел в своем аскетически строгом кабинете доверительные беседы о литературе, об истории, о сегодняшнем дне России, обо всем, что тревожило его и о чем он не мог молчать.

Это – писатели, политики, журналисты, артисты, деятели культуры, офицеры, правозащитники, земляки-смоляне, многие из которых навещали в доме под Солнечногорском писателя и его верную до самоотречения Зореньку, Зорю Альбертовну, с которой он прожил более шестидесяти лет. Приезжали не только в дни рождений супругов, не только в Дни защитника Родины и Победы (эти четыре даты были священные) – но всякий раз, как выдавалась возможность, и жгло желание переступить деревянный порог, и внутренний голос требовал побыть рядом с этими удивительными людьми – услышать снова их голоса, увидеть их улыбки, сесть с ними за массивный квадратный стол, где все всегда были равны, почувствовать себя членами одной сплоченной семьи.

Несмотря на громкую славу Васильева, и он, и его Зоренька были людьми до чрезвычайности простыми и тактичными в общении, чем бывают отмечены только подлинно интеллигентные люди. Зоренька изредка вступала в застольные разговоры, и каждый раз ее слова, ее реплики были точны и весомы, а юмор – мягок и деликатен...

Для миллионов россиян Васильевский юбилейный год – хороший повод еще раз окунуться в творчество писателя, поговорить о его жизненной философии, во главу угла которой всегда ставились рядом личная (благодаря литературе) и социальная (продиктованная российской историей) нравственность, человечность, доброта.

Борис Львович вел довольно замкнутый образ жизни, отдавая все время работе, стараясь уйти «от шума городского». Неслучайно одно из эссе в этой книге называется «Солнечногорский отшельник и его берегиня». Нельзя сказать, что затворничество писателя как-то ограничивало его общение с миром, притупляло взгляд на происходящее в стране.

Власти постоянно представляли и продолжают представлять Васильева как писателя-патриота. Он действительно был великим патриотом Родины, но его патриотизм никогда не был плакатным, он шел изнутри – от деятельной любви к Родине, не допускающей суесловие.

Применительно к Васильеву никак нельзя отождествлять понятия: патриот России, патриот государства, патриот власти – то есть, защитник ее идей, шагов и действий.

Когда вчитываешься в произведения писателя, особенно в его публицистические статьи, становится понятным, что его любовь к Родине выражается, прежде всего, в высечивании ошибок, просчетов власти, которые влекут за

собой нивелировку таких важных человеческих качеств, как честь, достоинство, порядочность, способствуют падению нравственности, росту коррупции, разделению общества на «своих» и «чужих», «наших» и «не наших».

Писатель ратовал за общество морально чистое, в котором воспитание и приобщение человека к культуре начинается с детства, с семьи. Именно поэтому он отдавал особое предпочтение семье и интеллигенции. «Интеллигенция, – по его словам, – является единственной общественной силой, способной исполнить свой долг перед народом не по должности, не с корыстной целью, не по политическим мотивам, по зову совести своей. Государство готовит специалистов, а интеллигентов – только семья».

По правде говоря, он не был отшельником в строгом смысле этого слова, то есть отгородившимся от жизни и сотворившим для себя персональную «башню из слоновой кости». Он был, напротив, чрезвычайно гостеприимен, грустил, если кто-то забывал заехать или позвонить, радовался, встречая гостей непременно у ворот и награждая каждого бережным объятием, с печалью провожая припозднившихся гостей до тех же самых «разлучительных» ворот.

И хотя воспоминания в этой книге иногда кое в чем повторяют друг друга, каждое носит свой оттенок, в результате чего книга оказалась наполненной дорогими деталями, рисующими уклад писательской семьи и ее быт, открытой для знакомства с особенностями характеров обитателей Солнечногорского дома, с кругом их общения, с доступом в «святая святых» – в рабочий кабинет хозяина. Все это прорисовывает и наполняет живой жизнью личность Бориса Львовича Васильева, привносит в его портрет существенные штрихи и трогательные мелочи.

Его девизом было утверждение: «Писатель должен стремиться удивлять!». Возвращение к его многогранному творчеству завораживает, заставляет о многом задуматься, многое переосмыслить. Поразиться тому, как мастерски он умел взглянуть «новым взглядом на привычную проблему», загореться «новым героем обыденной жизни, новой идеей, которая дрожит на кончике языка каждого думающего человека». Он проявлялся как писатель и человек не только в своих произведениях, но и в беседах, в многочисленных интервью, в авторских литературных встречах.

Я убежден, что книга поможет читателям по-новому взглянуть на фигуру писателя, на его творчество, обогатить свои взгляды на многие проблемы в нашей стране и понять пути их разрешения.

В этом – моя надежда на успех книги.

Об авторе: Сергей Александрович Филатов – публицист, президент Фонда социально-демократических и экономических программ, председатель Союза писателей Москвы, в 1993–1996 годах руководитель администрации президента РФ.

Предлагаем вашему вниманию ряд материалов, посвященных 90-летию недавно ушедшего из жизни писателя Бориса Львовича Васильева, из готовящейся к изданию книги «Есть такая профессия. Воспоминания о Борисе Васильеве».

Эльдар РЯЗАНОВ

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Писать о знаменитых друзьях труднее, чем о людях знаменитых, но лично незнакомых. Думаю, любовь к друзьям повышает собственную требовательность и взыскательность к тому, что выходит из-под твоего пера. Так вот, писатель Борис Львович Васильев был моим другом, и поэтому я с волнением собрался написать эти небольшие заметки о нем.

Боря был старше меня на три с половиной года, и между нами пролегла война. Он ушел добровольцем на фронт в июле 1941 года, и этот страшный, бесценный опыт, а не те три или четыре года, которые разделяли нас по возрасту, сделали Бориса для меня моим старшим другом. Ибо он знал и видел такое, чего я не видел никогда.

Боря писал дивные сценарии, которые я читал взахлеб. Но фильмы по его сценариям почему-то получались средними, значительно ниже уровня литературного первоисточника. Он это видел, очень огорчился и не понимал, в чем дело. Мы с ним беседовали на эту тему. Я считал, что дело было в кинорежиссерах, которые, с моей точки зрения, не были сильны в своей профессии. Но вместе с тем мы оба считали, что дело не только в этом. Я чувствовал, что его литературный дар шире сценарных рамок, что ему тесно в этом жанре. И однажды я сказал ему: «Боря, пиши прозу. Тем более что у тебя уже есть такой опыт. Ты – писатель».

Не льщу себе надеждой, что это сыграло решающую роль, но Боря позже не однажды говорил: «Это ты подтолкнул меня к прозе, уверял, что киношники будут в очереди стоять за экранизацией моих повестей и рассказов».

Так и случилось. Фильмы и спектакли по произведениям Бориса Васильева всегда становились событиями культурной жизни страны. Самый яркий пример – «А зори здесь тихие». Всеобщий ажиотаж был прекрасен. В результате в театре на Таганке «Зори» поставил сам Юрий Любимов, а в кино превосходный фильм сделал мой сокурсник Станислав Ростоцкий. Количество театральных постановок «Зорь» не счесть – и у нас, и за рубежом. А дальше... Его потрясающий роман «Не стреляйте в белых лебедей» стал прекрасным фильмом, а театральная версия состоялась во многих театрах. Ностальгическая повесть «Завтра была война» о его юности – одно из самых жестких произведений, вызвала большой общественный и читательский интерес. Эта вещь насковзь автобиографическая. Она очень выпукло рисует предвоенные годы со всеми нравственными сложностями и противоречиями.

Стало ясно, что на авансцену нашей культуры вышел великий писатель, правдивый в своем творчестве «до печенок». Каждая его новое произведение всегда, безо всяких прикрас, посвящалось главным проблемам современности. Притом в них не было никакого вранья, но не было и копания в натуралистических ужасах жизни.

Как удавалось это Боре, я не могу постигнуть. У меня ощущение – его вел очень верный инстинкт. Ему по плечу была любая тема. Вспомните его рассказ «Вы чье, старичье?». Ведь по отношению к своим старикам можно судить о нации и государстве в целом, судить трезво и бескомпромиссно. О страшной старости наших стариков была написана суровая правда, причем – без соплей и придыханий.

Боря был олицетворением благородства: каждое его новое произведение было пронизано патриотизмом искренним, глубоким и очень далеким от квасного или шапкозакидательского. Здесь вся его натура, цельность, чистота, которые вели его руку, его перо. Воспитанный отцом-интеллигентом, рыцарем без страха и упрека, он впитал с детства его уроки. Конечно, он многому научился у своего отца, офицера царской армии, которая действительно «имела честь», прошедшего три жестких «чистки» в Красной Армии. Чувство подлинной любви к своей стране было в его крови.

Он никогда ни к чему не приспособивался, он был таким, как его прекрасные чистые книги. Боря был истинным джентльменом в самом высоком смысле этого слова и не отступался от своего благородного пути. Уже на склоне лет он «освоил» новую для себя тематику. Он обратился к истокам, к истории древней Руси. Он написал немало книг, и в каждой были открытия, историческая достоверность и всегда сквозили любовь и нежность к истории своего отечества. Вот только некоторые названия его поздних романов, созданных в эти трудные закатные годы: «Вещий Олег», «Ольга

– королева русов», «Князь Святослав», «Владимир Красное Солнышко», «Александр Невский», «Государева тайна», «Владимир Мономах» и другие. Представляете, сколько исторических трудов, летописей, литературы он «перепахал» и пережил, чтобы осуществить свой гигантский замысел.

До конца своей жизни он не выпускал из своих рук талантливейшее писательское перо. Он был солдатом до последней капли крови и умер, как и положено воину, на своем посту, готовя к выпуску очередную книгу..

Об авторе: Эльдар Александрович Рязанов – один из плеяды наиболее прославленных отечественных кинорежиссеров, крупнейший мастер лирических трагикомедий. Народный артист СССР.

Даниил ГРАНИН

ПОРЯДОЧНОСТЬ ПОТОМСТВЕННОГО ОФИЦЕРА...

Беседа с Татьяной Фроловой о Борисе Васильеве

– Даниил Александрович, я не буду оригинальной и начну с того, о чем так много говорят в последние дни, – с Вашей речи в Берлине. До сих пор нахожусь под сильнейшим впечатлением... Хочется отметить особенно важную Вашу мысль: мы победили, мы выиграли эту войну, так как для нас она была с п р а в е д л и в о й.

Великая Отечественная война как война справедливая – такова она и в Вашей прозе, и в произведениях Бориса Васильева, о котором сегодня пойдет наш разговор. Но Васильев пишет о войне в ином стилистическом ключе: при всей ее бесчеловечности возможны иронические нотки по отношению к герою, романтический флер... Если говорить именно о военной прозе Бориса Львовича, что Вам особенно близко, а с чем, возможно, Вы стали бы сознательно полемизировать?

– Борис Васильев был из тех военных писателей, которые работали не в штабах, не в медсанбатах и прочих тыловых организациях – он был на фронте. Это накладывает всегда на солдат и офицеров печать: люди постоянно подвергаются угрозе смерти, они живут рядом со смертью. У них складывается совершенно другая психология, они почти не имеют завтрашнего дня, у них другие законы взаимовыручки, взаимопомощи. Это характеризует нашу военную прозу таких людей, как Васильев Боря, как Бакланов, Бондарев, Воробьев, Василь Быков, как поколение военных поэтов...

Военная проза – очень хорошая проза, и выделиться среди нее было не так-то просто. А Борис выделился. Ну, например, взять его вещь «А зори здесь тихие...», инсценировка которой обошла, наверное, все театры

России. В чем тут дело? А в том, что он показал малоизвестную сторону войны, когда война затрагивала всех – и даже этих девочек, со всей их наивностью и беззаветностью, со всеми женскими особенностями... Это очень было трогательно, потому что война очень жестокая и жесткая вещь, где, казалось бы, сентиментальность, какая-то мелодрама и интимность не всегда уместны. А здесь это появилось в полной естественности.

– *Борис Васильев так вспоминал о своем первом бое: «Мне было семнадцать лет, и я впервые стрелял по живому человеку. Для меня немцы были люди. Ненависти не было». Мне показалось, это очень близко вопросам, которые Вы задаете себе; одно из Ваших военных эссе называется «Излечение от ненависти»... Была ли ненависть тогда, на войне, и должна ли она быть в литературе о войне?*

– Слово «должна» я не принимаю. Ничего должного не бывает в литературе, литература ничего не должна, она должна быть только свободной. Это первое. Второе – хочу сказать, что для меня противник был только мишенью. Но совсем недавно, уже прошло много лет после войны, я был на каком-то школьном обсуждении моих книг, и вдруг одна девочка встает и спрашивает: «Даниил Александрович, скажите, сколько людей Вы убили на войне?». Это был для меня совершенно неожиданный вопрос, потому что я убивал не людей. А для нее это были люди... Не знаю, как Борис вел себя в этом смысле на войне, чем был для него противник. Это очень интимная вещь, такие чувства, о которых солдаты не любят говорить и не говорят...

– *А как Вы для себя внутренне отвечаете на вопрос о духовном примирении между русскими и немцами? Состоялось ли оно, возможно ли оно в принципе?*

– Это абсолютная необходимость и естественность жизни, потому что ненависть – чувство тупиковое, оно никуда не может вести. Прощение, стремление понять и примириться не исключают памяти, но дают возможность взаимопонимания. Мы тоже во многом виноваты...

– *В этой войне?*

– У нас тоже многое связано с нашими ошибками, преступлениями. Мы виноваты перед другими народами, перед Польшей, допустим... Вот я поехал сейчас в Германию – я уже много раз был в Германии, – и могу сказать, что мы должны понимать: это другие немцы, это внуки, а то и правнуки тех немцев, с которыми мы воевали. Они проделали огромный путь демократизации своей страны и внутреннего очищения от нацизма.

– *Даниил Александрович, в начале разговора Вы предвосхитили мой следующий вопрос: почему ни одно из произведений Бориса Васильева не получило такого живого отклика, такого всенародного резонанса, как «А зори здесь тихие...». Снятая по этой повести военная драма в свое*

время была номинирована на «Оскар» в категории «Лучший фильм на иностранном языке». А как Вы относитесь к экранизациям произведений Бориса Васильева?

– В общем хорошо отношусь, как раз у него тут удачи. У меня, например, по-моему, удачных экранизаций почти не было – ну, немножко... А Боре очень повезло. Я не помню, кто режиссер этого фильма...

– Станислав Ростоцкий...

– Это хороший был фильм...

– Современные школьники, боюсь, знают Васильева, скорее, по фильмам. Вы советовали бы молодому поколению читать его книги?

– Да, я советую. Во-первых, потому что это написано хорошо; во-вторых, потому что не все его произведения экранизированы, есть хорошие неэкранизированные вещи, да и между экранизацией и оригиналом бывают очень большие расстояния, поэтому чтение и фильмы не взаимозаменяемы. У него вообще проза представлена не только военной прозой, у него хорошая проза историческая.

– Для Вас творчество Васильева сводится к некоему единому знаменателю? Или когда он обращается к теме войны и военного поколения, острым социальным темам, к российской истории – это разный Васильев?

– Наверное, разный... Но такого вопроса у меня не возникает, когда я читаю его.

– Даниил Александрович, Вы, как и Борис Васильев, обращались к жанру исторического романа – я имею в виду Ваш роман «Вечера с Петром Великим». Обращение к такому жанру отчасти связано с нерадостным взглядом на настоящее (в прошлом больше достойных личностей)? Какие возможности открывает для писателя этот жанр?

– Писатель обращается к личности, к теме по непонятному для себя призыву. У него нет соображений, что это дает хороший материал или соответствует требованиям времени. Все эти соображения не должны играть роли по сравнению с тем выбором, который происходит в душе...

– Расскажите, пожалуйста, когда и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Борисом Львовичем?

– А я не помню, давно это было... Такое ощущение, что мы всегда были знакомы. Я у него бывал дома, он очень привлекательный был человек. Не могу сказать, что в нем было то, что называется открытостью, но была – искренность... Хочу особо отметить стиль его жизни. Он удалился в свой домишко...

– Под Солнечногорском...

– Домишко, как понимаете, более чем скромный... Он жил там вроде в изоляции, а на самом деле это была все время энергичная литературная работа, писательская работа.

– То есть это не было позицией «Я пишу, не трогайте меня...», не было отшельничеством?

– Он постоянно писал, работал и работал, и много наработал. Там не все, может быть, на одном уровне, но, во всяком случае, это, я думаю, доставляло ему удовлетворение: постоянная работа, которая поддерживала его и морально, и физически до последних дней, и которая дала много хороших книг.

– Какими качествами Вам был особенно дорог и особенно запомнился Борис Львович?

– Вы знаете, Борис Васильев отличался от многих наших писателей удивительной порядочностью, просто щепетильной порядочностью потомственного офицера – можно сказать, в его прошлом были целые поколения русских офицеров... Это накладывало на него особенный отпечаток, он был очень щепетильным человеком и никогда не позволял себе того, то позволяли многие другие наши писатели.

– При этом сам Васильев считал себя практически одним из последних интеллигентов, говоря о том, что Ленин погубил интеллигенцию, ее в России не осталось. Вы как человек, которого называют и совестью нации, и столпом российской интеллигенции, не разделяете столь пессимистичного взгляда?

– Разделяю. Интеллигенты остались, интеллектуалы, но интеллигенция как действующий слой общества, как активно действующее сословие, по моему, почти не проявляет себя. Никаких признаков активной жизни нет, только отдельные всплески остались... А интеллигенции как критериев правил поведения, порядочности, совести нации – нет. Не могу сказать, что их истребили, но жизнь показала, что в них не нуждаются. Их всячески унижали: в виде унижения, которое терпит наша наука, вмешательства в дела культуры, искусства и так далее... Ну, это уже другая тема совсем...

– А у самого Васильева как складывались отношения с властями?

– Не знаю... думаю, что не так плохо.

– Под знаменитым «письмом сорока двух», опубликованном в «Известиях» 5 сентября 1993 года, есть и Ваша подпись, и подпись Бориса Васильева – тут вы оказались единомышленники. Но, наверное, были у вас и политические разногласия, причем существенные?

– Не было, не помню такого...

– Васильев, например, считал, что единственно правильный способ правления в России – монархия, и горячо поддерживал Ельцина, который, с его точки зрения, так же считал и с максимальной пышностью похоронил останки царской семьи... Но Вы, скорее, сторонник последовательных демократических преобразований?

– Мне трудно ответить на этот вопрос, поскольку я не жил при монархии. Но она для меня привлекательна, если судить по английской системе, по бельгийской. В монархии есть ряд привлекательных черт, которые в России, возможно, могли бы сыграть хорошую роль... Но, боюсь, это не моя тема...

– *Как Вам кажется, литературная судьба Бориса Васильева была счастливой?*

– Не мне судить об этом... Во всяком случае, по-моему, он осуществил себя.

Об авторе: Даниил Александрович Гранин – создатель многих известных книг повестей, романов и публицистики («Иду на грозу», «Клавдия Вилор», «Картина», «Блокадная книга» (совместно с А. Адамовичем), «Зубр», «Оборванный след» и других). Председатель правления Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева. Лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии России, а также премии Президента РФ в области литературы и искусства.

Евгений СИДОРОВ

ПИСАТЕЛЬ ЧЕСТИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Что бы ни говорили и ни писали, а Борис Львович Васильев останется в истории нашей литературы, прежде всего, как автор повести «А зори здесь тихие...».

Тут многое совпало и очнулось. Пять девушек осветили своей гибелью самую суть бесчеловечности войны и ту «скрытую теплоту патриотизма», о которой говорил Л.Н. Толстой. Так о войне (где почти не воюют) у нас еще не писали. Чистота и свежесть повести (и это на фоне развитой традиции советской военной прозы) сразу завоевали души читателей.

Уже немолодой, красиво седеющий, элегантный, Борис Васильев принес повесть в журнал «Юность» в начале 1969 года. Его знали в узких кругах как сценариста и драматурга, но в литературе имя было совершенно новое.

Надо сказать, что наш журнал в то время переживал нелегкие времена. Он подвергался резким атакам первого секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Павлова, а начальник Главного политического управления Советской Армии генерал Епишев и вовсе запретил выписывать его воинским библиотекам (молодые солдаты и офицеры читали журнал из-под полы, о чем свидетельствовали приходящие к нам письма). «Юность» то и дело прорабатывали на писательских пленумах и собраниях за безыдейность, за Евтушенко и «Затоваренную бочкотару» Аксенова, за плохое влияние на юные умы отечества. Тираж при этом, естественно, рос и достигал трех миллионов.

Помню, как публично защищал нас Василь Быков, сам окруженный сворой защитников «правды» о войне. Защитники, в отличие от Быкова и Васильева, в реальных боях с фашистами замечены не были, но зато все знали о «правде факта и правде жизни». Похожие наветы преследовали

тогда Юрия Бондарева и Григория Бакланова, признанных основоположников так называемой «лейтенантской прозы».

Появление Васильева на пороге журнала было для «Юности» огромной удачей. Так судьба стучится в дверь! Б.Н. Полевой расправил плечи и рассказал о рукописи своему негласному покровителю и главному идеологу партии мрачному и подозрительному М.А. Суслову. От супостатов можно было теперь отбиться чудными васильевскими девушками. Они защищали Родину так естественно и гибли так небеллетристически, что никакого сомнения в генетическом, несолдатском патриотизме нашего народа во время Великой Отечественной войны ни у кого возникнуть не могло. Так и случилось.

Нужно было только, по мнению главного редактора, оптимизировать финал в духе если не военного салюта, то по крайней мере отчетливо, курсивом напомнить, что жертвы были не напрасны. «Смертию смерть поправ» здесь не годилось. Требовалось сугубо реальное продолжение жизни. Васильев не возражал и в заключительные страницы с постаревшим Васковым, который спустя почти четверть века после войны посещает место гибели Риты Осяниной, были вписаны соответствующие слова, придававшие предыдущему несомненный исторический смысл. Сделано это было автором с помощью Б.Н. Полевого и М.Л. Озеровой, заведовавшей отделом прозы. «Зори...» оказались не только тихими, траурными, но и победно окрашенными.

Думал ли Васильев об оглушительном успехе, свалившемся на него? Вряд ли, но цену себе хорошо знал. Он был, конечно, человек благородный и некоей затаенной сентиментальности. Но кто сказал, что это качество несет в себе отрицательную характеристику? Чувствительность близка к человечности, если она искренна. Критикам произведений Васильева порой не нравился стилистический нажим, стремление автора напрямик проваться к сердцу читателя, не всегда заботясь о чопорном общепринятом литературном вкусе. Ну и что из того? Васильев – классический пример большого писателя для большого (массового) читателя. (Впрочем, я не имею в виду его сочинения на исторические темы).

Хорошо владея сюжетом, Васильев испытывал своих героев (воюющих и мирных, горожан и сельских жителей, стариков и подростков, служивую интеллигенцию и офицерство) на нравственную и гражданскую состоятельность; конфликты в его прозе всегда предельны, от них не спастись, увертываясь, не произнося последнего слова, не совершив решающего поступка.

Его прямая, потомственно офицерская спина не гнулась ни перед властью, ни перед литературной конъюнктурой. Он и в творчестве был прям, заняв свою нишу между военной и деревенской прозой. В подкладке там

всегда мерцал романтизм, идеальные представления о добре и зле как в человеческой натуре, так и в истории, в государстве. В принципе чураясь политики, он решительно поддержал демократические перемены, но также был глубоко разочарован последующим развитием нашей общественной и государственной жизни.

В семьдесят четвертом в политехническом музее состоялся большой вечер, посвященный пятидесятилетию Васильева. Это был акт читательской любви и профессионального признания. Для меня было честью говорить о писателе и представлять выступления знаменитых поэтов и прозаиков, деятелей кино, артистов театра.

В свои пятьдесят, после фильма по «Зорям...» Станислава Ростюцкого (через три десятилетия появится китайский телесериал по этой повести), после спектакля Юрия Любимова, оперы Кирилла Молчанова, Борис Львович Васильев окончательно занял прочное место в нашей литературе. Он воплотил в себе и во многих своих книгах устойчивое и драматическое представление о чести и достоинстве личности в эпоху, отнюдь не способствующую подобным взглядам на смысл человеческого существования.

Об авторе: Евгений Юрьевич Сидоров – литературовед, эссеист, критик. В конце шестидесятых работал в журнале «Юность» заведующим отделом критики и эстетического воспитания. Первый секретарь Союза писателей Москвы.

Евгений ЛАЗАРЕВ

«БОРЯ, ЭТО Я...»

Из подготовленной к печати книги
«Чайная чашка Чехова»

Весной 1960 года меня утвердили на одну из главных ролей в фильме Свердловской киностудии «Длинный день» (режиссер Рафаил Гольдин, оператор Василий Кербижеков, директор картины – легендарный ветеран российского кинематографа Николай Слиозберг).

Съемочная группа собралась вместе в экспедиции на строительстве Воткинской ГЭС на Каме в общежитии строителей. «То было в утро наших дней...». С одной стороны общежития – рабочий поселок, вдали Кама, вечером – огни стройки. С другой стороны под нашими балконами начинался нетронутый бесконечный лес, куда мы ходили за грибами. В общежитии жили, готовили на одной коммунальной кухне исполнители главных ролей Афанасий Кочетков, Леонид Харитонов с женой Джеммой Осмоловской, молодая артистка Центрального Детского Театра Анна Обручева, с той поры и до сего дня – моя жена. Не малую роль в нашем сватовстве сыграла тихая обаятельная пара – автор сценария, начинающий журналист, работавший испытателем колесных и гусеничных машин на Уралмашзаводе Борис Васильев и его супруга Зоря Альбертовна. Пара эта молча благожелательно наблюдала процесс съемок, вместе со всеми топтала строительный мусор, поднималась на эстакаду... и терпеливо выслушивала бесконечные советы, как улучшить сценарий, переписать ту или иную сцену и т.д. Особенно старался присланный с Уралмаша комсорг, редактор Свердловской студии – молодой человек по имени Олег (фамилию унесло время). Он не оставлял Бориса Васильева в покое ни на минуту. Тот в ответ лишь смущенно улыбался.

Фильм не стал сенсацией, но идет по телевидению время от времени до сих пор, уже более пятидесяти лет.

На какие-то годы мы потеряли связь с семьей Васильевых.

Читали прессу новой волны. Особенно популярен в нашей семье был журнал «Юность». Мы прочли с восторгом и «Иванов катер», и «Не стреляйте белых лебедей», и все остальное, не связывая никоим образом имя автора этих произведений с нашим Борей Васильевым.

Только после фильма «А зори здесь тихие» я с радостным ужасом начал о чем-то догадываться. Найти московский телефон Васильевых было делом нескольких минут. Абонент ответил сразу, и голос его я узнал тут же. «Боря! Это Женя Лазарев. Боря, это ты?». Борис Львович понял огромность моего вопроса, захохотал и стал в продолжение всего последующего разговора как бы извиняться за все, что он «наделал».

Вскоре мы встретились в его московской квартире у метро «Аэропорт», и я убедился, что ни мировая слава, ни деньги не изменили русского потомственного дворянина Бориса Львовича Васильева и его спутницу жизни ни на йоту. Нам с женой довелось неоднократно побывать на Бориной даче на Ленинградском шоссе под Москвой, в довольно несуразном доме недалеко от дороги на краю реденького леса, за самодельным металлическим шламбаумом-трубой. Пригласили нас и в святая святых – Борин рабочий кабинет на втором этаже, где были написаны все его произведения. В кабинете – книги, исторические фолианты, распечатанные упаковки сердечных лекарств, старинная Библия.

В ту пору я намеревался поставить в родном театре им. Маяковского Борину пьесу «Веселый тракт» – о шоферах-дальнобойщиках, поэтому встречались и перезванивались мы с Борей почти ежедневно. Спектакль созрел у меня в голове. Я бегал в кабинет главного режиссера Андрея Александровича Гончарова, делился с ним видениями и деталями спектакля. Особенно вдохновляла меня и нравилась автору моя идея оформления: шоферская бытовка на груде голых свежих досок и мятое металлическое ведро от солидола, куда бросают окурки. Оставалось утвердить актерский состав. Тут меня ждало отрезвление. Гончаров не дал мне ни одного из намеченных актеров, начиная с молодой Жени Симоновой, только что принятой в труппу. Его интерес к моей постановке превращался в настояренный страх, свойственный Андрею Александровичу по отношению к любой режиссерской инициативе. Актеров растащили, спектакль затерли. Но через пару месяцев я увидел на сцене Маяковки генеральный прогон съездовской пьесы о нефтяниках «Неоконченный репортаж» в постановке Гончарова – на моих досках и даже с тем же металлическим грязным ведром для окурков.

Но я, как ванька-встанька, в 1984 году вынырнул на посту главного режиссера театра на Малой Бронной, выбрав для своего дебюта запрещенную во всех театрах инсценировку повести Бориса Васильева «Вы чье, старичье?», напечатанную в «Новом мире». Правда, до назначения на Бронную я начинал эту пьесу в Маяковке с Владимиром Самойловым, Витей Вишняком и Любой Руденко. Борис Васильев настаивал, чтобы я забрал пьесу в свой новый театр. Так и случилось. Я до сих пор горжусь этим спектаклем и вспоминаю его с волнением и теплотой.

Читал пьесу на труппе в присутствии автора я сам. Аудитория то рыдала от смеха, то утирала сентиментальные слезы. Борис Львович смущенно улыбался. На сценах «чудных мгновений», где участковый милиционер предается любовным утехам с продавщицей ларька, дружно хохотали все – автор, актеры, все цеха, дирекция. Кстати, эта сцена, а также, конечно, сама тема спектакля – забытые, брошенные обществом старики – вызывали наибольшие нарекания у начальства. Спектакль запрещали почти каждое утро – то управление культуры, то министерство, то горком партии.

Звонок с утра: «А что это вы там иронически упоминаете День Мелиоратора?». Звоню Борису. Незамедлительный ответ: «Поменяй на День Рыбака. Все равно в стране рыбы нет». Звонок из Министерства культуры: «Хорошо бы, если бы бездомные старики получили письмо из деревни с приглашением жить в колхозе». Васильев отвечает: «Пусть будет такое письмо: «Живите с нами, все равно дома пустуют. Молодежь бежит в город».

Спектакль был сыгран более 100 раз. Вот имена актеров – Лев Дуров, Семен Соколовский, Алена Бабенко, Анатолий Грачев, Геннадий Мартынюк, Татьяна Кречетова, Иван Шабалтас.

Однажды Васильевы приехали к нам на Красносельскую в день рождения моей жены Анны. Гостей было много, мебели мало, да и та самодельная, очень низкая. Но это никого особенно не смущало. Сначала у некоторых гостей при виде живого классика вытянулись лица, но по мере того, как он становился центром компании и раскрывался как человек исключительно естественный и доступный, все стало напоминать молодую студенческую пирушку.

Мы были на трех днях рождения у Бори: на даче в саду при огромном стечении народа, где именинник ходил между гостей и выпивал со всеми желающими, наливая себе сок из солдатской фляжки, висящей на поясе. Это было его семидесятилетие. Произносились тосты за встречу на восьмидесятилетия. Боря отозвал меня в сторону и по секрету, смеясь, сказал: «До восьмидесяти я не доживу...». Проводил нас до машины.

Я напомнил ему этот эпизод на его восьмидесятилетия, которое отмечалось десять лет спустя в ресторане «Венеция» на Старом Арбате. Он засмеялся: «Я знал, что доживу». Было множество важных гостей. Ми-

хаил Сергеевич Горбачев целовался троекратно с моей дочкой Еленой. В период горбачевской весны Боря был депутатом Съезда народных депутатов СССР, входил в межрегиональную депутатскую группу вместе с Анатолием Собчаком, воспринимал свою миссию очень серьезно и даже чуть-чуть рисовался.

На 85-летие мы прилетели из Америки с Анной, пришли в ту же «Венецию». Сидели за столом рядом с Зорей и Борей и чувствовали неизъяснимую печаль.

Через три года ушла из жизни Зоря. Ее уход Боря не перенес.

Когда я позвонил ему в последний раз, он уже не смог подойти к телефону. Я услышал в трубке его хриплый шепот: «Кто это?» – «Боря, это я – Женя Лазарев, из Лос-Анджелеса...»

И я, и Анна благодарны судьбе за то, что она одарила нас встречами с необыкновенным человеком, великим русским писателем Борисом Васильевым, – встречами, которые и сейчас освещают нашу жизнь.

Об авторе: Евгений Николаевич Лазарев – актер, режиссер. Снимается в кино в России и США. Ставит спектакли в США, Норвегии, Мексике, Германии, Сербии. Народный артист России. Живет в Лос-Анджелесе.

Лев ВОЛЛЕРШТЕЙН

И В ПРАЗДНИКИ, И В НЕПОГОДУ

Прошел год после ухода Бориса Львовича и Зори Альбертовны Васильевых, их имена для меня неразделимы, и боль в моем сердце от этой утраты не утихает. Зоря в молодости провела любимого мужа по минному полю и продолжала вести его по полю жизни до конца своих дней. Даже в больнице их обычно помещали в одну палату. С этими замечательными людьми я встретился после демобилизации. Я давно знал о Зореньке из не регулярной переписки с моею теткой, которая во время войны заменила Зоре родителей, бывших на фронте. А по-настоящему близкими людьми мы стали уже после окончания моей службы на Северном Флоте в 1973 году. Почти сорок последних лет каждую субботу, воскресенье и праздники, как правило, мы с женой проводили у Васильевых.

Боря меня окрестил «кузеном». Так я и числился в этом доме. Распорядок дня был неизменным: подъем в 9, обед в 14, «файв-о`клок» – в 17, а в 20 –ужин, после которого просмотр фильмов или игра в шахматы, нарды. Боря был очень азартным игроком и не любил проигрывать, очень сердился и всегда хотел отыграться. Когда он о чем-то рассказывал, спорить с ним Зоря не разрешала, чтобы его не расстраивать. Работал Боря после завтрака до обеда с небольшими перерывами на прогулки в лесу или по саду с собакой. На моей памяти их было три, всех звали Фросями. Во время наших приездов мужчины поднимались в кабинет к хозяину, где Боря рассказывал о написанном и о том, что было в его дальнейших планах, а женщины помогали Зореньке по хозяйству.

В хорошую погоду шли в лес, который Боря довольно хорошо знал и очень любил. Умение ориентироваться в лесу, чему научил его отец – кадровый офицер царской, а потом Красной и Советской армии, – помогло вчерашнему школьнику на фронте вывести из окружения таких же ребят-

добровольцев. Правда, уже в преклонные годы он однажды в лесу так заблудился, что по прошествии трех или четырех часов Зоря подняла тревогу, и, по-моему, Сергей Александрович Филатов помог вызвать вертолет для поиска грибника. Кстати, Филатовы – и Сергей Александрович, и Галина Николаевна – не единожды приходили на помощь Боре и Зоре, как бы охраняя и поддерживая их своими добрыми крыльями.

А Боря, поняв, что сам выйти из леса может вряд ли, но уверенный, что Зоря, как всегда, его спасет, сидел спокойно на пне посреди небольшой поляны, пока не услышал рокот спускающегося вертолета...

Он хорошо знал все виды грибов. Их дом, расположенный в окрестностях Солнечногорска, в сыром месте, стоял в лесу, изобиловавшем опятами. Ближе к осени мы находили грибы даже на березах, срезать их приходилось, вставая на плечи друг другу троим грибникам: Борис Львович – внизу, у него на плечах – Аркадий Абрамович (большой друг Васильевского дома, сокурсник Зореньки по автомеханическому институту, фронтовик), а я, третий в этой пирамиде, должен был взгромоздиться на плечи Аркадию, на самый верх, как более легкий, и ножом, привязанным к концу длинной палки, срезать опята, похожие шляпками на подберезовики.

Помню, как мы вместе ездили к Бороному фронтовому другу в Курскую область и там в какой-то небольшой речке ловили раков. А после за столом, на котором краснели в миске только что вытасченные из кипятка наши трофеи и, конечно, красовалась бутылка водки, друзья вспоминали былое....

Борис Львович очень любил свой дом и без крайней необходимости в Москву не наведывался. Для работы ему нужны были тишина, лес и чистый воздух.

Когда мы познакомились, у них в семье не было автомобиля, и мне приходилось сопровождать и встречать Бориса из загранпоездок. Однажды он привез из Китая подаренную ему там маленькую черепашку – символ долголетия. Черепашка несколько лет прожила в доме, а когда умерла, Боря очень расстроился.

Кроме собак, в доме долго жила сердитая кошка Машка. Она безжалостно царапала гостей и даже Зореньку, которая ее кормила. А с Борисом Львовичем у них была особенная взаимная любовь. Кошка везде сопровождала хозяина, любила сидеть у него на коленях и мурлыкать.

Вспоминая о Борисе Львовиче, нельзя не сказать о Зореньке. Она была его музой, первым читателем, редактором и коммерческим директором. Она хорошо готовила, была великолепной хозяйкой, мастером на всякие заготовки – ее погреб изобиловал соленьями-вареньями, поэтому к столу всегда была отличная закуска.

Очаровательная женщина, Зоря обладала великолепной памятью и организаторскими способностями. На ней фактически держался весь этот дом, – Борис Львович никогда не вникал в финансовые и хозяйственные вопросы, поэтому мог, не отвлекаясь, писать.

Этот дом, как магнит, притягивал к себе всех, кто хоть раз в нем побывал. В праздники и юбилеи накрывались столы на террасе, всегда было очень весело. По традиции за столом звучал тост №2 – за Зорю!

Борис Львович очень тяжело переживал ее уход. Мне он сказал: «Скоро мы с ней будем опять вместе». Так и случилось.

А мы потеряли необыкновенных людей, которые любили Россию и в дни праздников, и в непогоду.

Об авторе: Лев Леонидович Воллерштейн – участник Великой Отечественной войны. Служил на Северном флоте. Принимал непосредственное участие в испытаниях атомных подводных лодок. Инженер-капитан 1 ранга.

ТРАКТАТЫ

Менахем Мендл Шнеерсон

В НОЧЬ ПРАЗДНИКА ШАВУОТ

Этот маамар (трактат) был произнесен Ребе в первую ночь праздника Шавуот 1956 года в три часа утра.

В маамаре объясняется, в чем состоит преимущество душ Израиля перед ангелами служения. Преимущества, в результате которого Тора была дана именно душам народа Израиля, когда они находились в телах, в этом мире, а не ангелам служения, которые хотели взять Тору себе, как это описывается в Талмуде, в трактате Шаббат (лист 88, стр.1), и далее: «Сказал раби Егошуа бен Леви, что в час, когда взошел Моше на небо (получить Тору), сказали ангелы служения В-вышнему: «Владыка мира, что делает у нас рожденный женщиной? Ответил им – пришел получить Тору». В продолжении Талмуд приводит утверждения ангелов, пытавшихся доказать, что негоже давать Тору в руки «плоти и крови»: «Кто такой человек, что Ты вспомнил о нем?». И попросили ангелы у Творца: «Дай Славу Свою на небо» – ангелам служения! Но ответил им Моше Рабейну, что Тора должна быть принята именно людьми и привел несколько примеров: «Что написано в ней (что написано в Торе)? – Почитай отца и мать твою. Есть у вас папа и мама?». Но пока еще ангелы не согласились с его словами.

Надо понять: почему Тора была дана именно душам Израиля, и именно душам, облеченным в тела, и именно в нижнем мире. Ведь не была дана Тора ангелам служения, но именно душам. И не просто душам, когда они находятся наверху, в духовных мирах, а именно душам

в телах в нижнем мире. Как сказано: «И спустился В-сильный на гору Синай и дал им Тору именно здесь, внизу». Чтобы понять это, надо объяснить сначала, в чем состоит преимущество душ над ангелами.

И дело здесь вот в чем. Написано (а сказано это было первосвященнику Егوشуа, когда стоял он перед ангелами): «И сделал тебя ходящим между этими, которые стоят», – ангелы называются стоящими, поскольку стоят на своем месте, в своей должности и при своем положении. В общем, здесь имеется в виду нечто раз и навсегда отмеренное и ограниченное. И поэтому ангелы называются стоящими – они ограничены: ведь если их служение в любви и страхе, то лагерь ангела Михаэля служит в любви, а ангела Гавриэля – в трепете. А есть и такие ангелы, которые в служении своем исходят не из чувств, а из разума, но в любом случае – все это отмерено и ограничено (и не меняется с течением времени). Поэтому и называются ангелы стоящими. И подобное этому видим мы в сферах (девять сфер окружают земной шар), корень которых исходит из ангелов. Этим сферам девять. Самая близкая из них – это сфера Луны, вторая сфера, которая над ней, – в ней находится планета Кохав [Меркурий]. В третьей сфере, которая над ними, находится планета Нога [Венера]. В четвертой сфере – Солнце, в пятой – планета Маадим [Марс], в шестой сфере – планета Цедек [Юпитер], в седьмой сфере – планета Шабтай [Сатурн], в восьмой сфере находятся все остальные звезды, которые видны на небосводе, а девятая сфера постоянно вращается с востока на запад и охватывает собою все. А то, что все звезды кажутся расположенными на одной сфере, несмотря на то, что они на разной высоте, – это потому, что сферы эти чисты и прозрачны как стекло или сапфир. Поэтому может казаться, будто звезды с восьмой сферы находятся ниже первой сферы. Каждая из восьми сфер, в которых есть звезды, состоит из множества сфер – одна над другой – подобно слоям луковицы. Некоторые из них вращаются с запада на восток, а некоторые – с востока на запад, как девятая сфера. И нет между ними никакого промежутка.

Все эти сферы – не легкие и не тяжелые, и нет у них ни красной окраски, ни черной и никакой другой. А то, что мы их видим голубоватыми, – таково восприятие глаза из-за высоты пространства. А также нет у них ни вкуса, ни запаха, ибо эти свойства присущи только более низким телам.

Все эти сферы, окружающие мир, – они круглые, как шар, а Земля подвешена в центре. И некоторые звезды находятся на малых сферах, которые не окружают Землю. Но эти малые сферы прикреплены к большим сферам, окружающим Землю.

Девятую сферу, которая окружает все, подразделили мудрецы древности на двенадцать частей. Каждой из этих частей они дали название в соответствии с формой созвездия, находящегося под ней. И вот названия этих созвездий: Овен, Бык, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Лук [Стрелец], Козленок [Козерог], Ведро [Водолей], Рыбы.

В самой же девятой сфере нет подразделения, нет ни одной из перечисленных форм созвездий и нет звезд. Но формы созвездий из восьмой сферы, составленные по наиболее крупным звездам, приблизительно соответствуют этим формам. Полное же соответствие между двенадцатью созвездиями и частями [девятой сферы] было только во времена Потопа, ибо тогда и были даны эти названия. Но в наше время они уже немного сдвинулись. Ибо все звезды из восьмой сферы вращаются подобно Солнцу и Луне, но более «тяжеловесно». Отрезок, который Солнце проходит за один день, – звезде понадобится примерно семьдесят лет, чтобы пройти его. Сферы эти материальны и имеют определенную форму; тело и душу. А значит, они ограничены своими телами, так как у каждого есть размеры и границы. А из того, что ограничены они своими телами, следует, что и в плане душ есть у них ограничения – ведь тело соответствует душе. И поэтому, когда душа сферы произносит песнь (Творцу), это приводит в движение и саму сферу – она наклоняется и делает оборот (как сказано: «И воинство небесное поклоняется Тебе»). Шхина пребывает на западе. И поскольку душа сферы поклоняется Шхине, поворачивается и сама сфера в сторону запада). И, как известно, повеление Егошуа «Солнце, остановись в Гивоне!» привело к тому, что прекратилось исполнение песни и, как следствие, остановилось вращение сферы – а это возможно только потому, что тело сферы соответствует уровню ее души и задач, которые она решает. И отсюда следует, что и душа сферы ограничена, чтобы, в свою очередь, соответствовать ее телу. А так же становится очевидно, что и ангелы (корни сфер) – ограничены и в телах, и в душах. И об этом сказали мудрецы (в продолжении объяснения устройства миров, что от земли до небесного свода пятьсот лет пути ...): ноги животных (так называют ангелов – «животных В-вышнего»; в данном случае имеются в виду животные в колеснице, показанной Иехезкиелю) соответствуют всему пути от земли до небесного свода, голени животных соответствуют всему пути и т.д. до рогов животных, также соответствующих всему расстоянию – речь идет об ограничениях в телах ангелов. Так же и души ангелов имеют ограничения – ведь пение ангелов может услышать пророк. Как сказано у пророка Иехезкиеля: «И услышал я... шум великий» – песнь ангелов. А услышать это пение возможно потому, что оно находится на уровне речи. И даже если это речь духовных миров, то есть, для нас это на уровне мышления, все равно это уже на стадии раскрытия (речи), и поэтому пророк может услышать. А ведь песнь ангелов исходит из их душ, значит и в плане душ они ограничены. И ограничены их души для того, чтобы соответствовать телам. И как комментировал Рамбам сказанное в псалме (104; 4): «Делает Он бури посланниками Своими, служители Его – огонь пылающий», – тела

ангелов сотворены из двух тонких духовных основ (духовные огонь и ветер), и это для того, чтобы тела и души ангелов соответствовали друг другу – значит и души ангелов ограничены. И хотя границы здесь чрезвычайно широкие, все-таки они существуют, и за их пределы ангелы не выходят, и поэтому называются стоящими. Не так это в отношении душ, которые называются идущими, поскольку не имеют границ.

И корень этого ограничения ангелов происходит из того, что они сотворены в порядке поступенного нисхождения оживляющей силы Творца с уровня речи. Да и само сотворение ангелов происходит Речением В-вышнего, как написано: «И в дыхании Уст Его все воинства их». А это ступень Мальхут (Царство) мира Ацилут в том виде, как она проявляется в (нижеследующем) мире Брия (все, что создано в мире Брия имеет границы). Более того, ограничение появляется не только в самом мире Брия, но уже в мире Ацилут, ведь здесь появляются десять сфирот. Именно десять, а не девять; десять, а не одиннадцать. В общем виде о сфирот можно говорить, как о Свете и сосудах, в которых он пребывает. Свет и сосуды приведены в соответствие друг другу, для того, чтобы Свет мог облечься в сосуды, а сосуды могли бы его принять. Так, например, Свет мира Ацилут не может облечься в сосуды мира Брия, а сосуды мира Брия не могут принять Свет мира Ацилут. А поскольку сосуды и Свет близки друг другу (а это вопрос внутреннего облачения) – они ограничены. И каждая сфера имеет ограничения: до сих пор она может распространяться, а дальше – нет. Например, сфера Хохма, есть граница ее распространения, за пределами которой свет ее исчезает. Далее светит Бина, или Хесед и т.д. Но кроме этого есть еще и ограничения в самой сущности сфирот: характер сфиры Хохма строго определен, точно так же, как и определен характер сфиры Бина или Хесед и т.д.

Ограничения имеют место и выше мира Ацилут. Речь идет о «Луче Света», который появляется после «Сжатия» и называется «Линией измерения». «Луч» этот определяет силу Света в сосудах мира Ацилут и сами эти сосуды.

Но и выше «Луча» («Линии измерения») есть ограничения. И проявилось оно уже в сущности бесконечного Света до «Сжатия», как сказано (в «Зогаре»): «В начале «вырубил» в высшей чистоте» (определил для Себя – что должно возникнуть в будущем). Таким образом, появились Буквы и «Сила ограничения в бесконечном» – корень всех ограничений. И этим объясняется: почему границы ангелов наиболее обширны – корень их ограничений находится выше мира Ацилут, и еще выше – в «Силе ограничения в бесконечном», которая предшествовала «Сжатию». Но, как бы ни были широки границы – все-таки это границы. И даже притом, что служение ангелов в любви и трепете, и бывают и у них восхождения и т.д. В любом случае это (взлеты во время служения) происходит в определенных

границах, а именно, не могут ангелы выйти за установленные рамки. Поскольку ангелы ограничены, стоит им получить чуть больше Света, как они исчезают совершенно. И как сказано (в Талмуде, трактат Сангедрин, лист 38, стр.2): протянул В-вышний маленький палец в сторону ангелов и сжег их. Так как корень ангелов происходит из «Силы ограничения в бесконечном», все их существования – в определенных рамках. И поэтому, когда они получают порцию Свету, выходящую за отмеренные им пределы, они исчезают (уничтожаются) совершенно, так как не могут существовать вне отведенных границ. И все это касается ангелов, которые входят в число сотворенных и корень их – в Речи Создателя. Но не так это в отношении душ народа Израиля, которые появляются на уровне Мысли Творца. Души евреев не ограничены и поэтому называются идущими.

Но требуется понять (следующее противоречие): ведь и души находятся на ступени Созданного, как сказано: «Ты создал». А, следовательно, и они ограничены. И более того, даже душа в своей чистоте (то есть на уровне своего корня в мире Ацилут, до спуска в тело) – и там она ограничена, ведь, как говорилось выше, и в мире Ацилут есть ограничения. И хотя души наши – это «частицы Тв-рца» – в любом случае – это проявления Творца в отделенном, а если так, то и души пребывают в ограничении. И как находили мы, что и души называются стоящими, как написано: «И сказал Ахаву Эйлийау Тишбиянин из жителей Гилада: (как) жив Г-сподь, Б-г Исраэйлев, пред которым я стою (перед тем, как спустился в этот мир)» (Мелахим-1-17-1). Однако, дело здесь в том, что душа является стоящей только сама по себе, но спустившись (из духовных миров) и одевшись в тело, душа становится идущей. И происходит это потому, что при спуске души в тело возникает соединение двух противоположностей, а такое соединение притягивает силу Бесконечного. И понять это можно на примере того, что мы видим внизу: единение мужчины и женщины. Каждый, в отдельности – ограничен и ограничены его возможности, но посредством единения мужчины и женщины – двух противоположностей – притягивается сила Бесконечного в плане зарождения. Теперь возникает возможность порождения многих поколений, без ограничения. А это происходит именно благодаря силе Бесконечного, притянутой единением двух противоположностей.

Публикация Агудас Хасидей ХаБаД (Москва)

Перевод и пересказ Давида Эльдина

Об авторе: Менахем Мендл Шнеерсон – VII Любавический Ребе, выдающийся мыслитель современности.

Борис КОБРИНСКИЙ

СИМВОЛЫ-ПРИЗЫВЫ И СИМВОЛЫ-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В октябре 2013 года в Государственном литературном музее прошла презентация книги «Поэтика разрушения», выпущенной издательством «Этерна». Над этой книгой Борис Кобринский работал почти 18 лет. Доктор медицинских наук, профессор, профессионально занимающийся проблемами искусственного интеллекта, автор многочисленных специальных монографий, он одновременно автор воспоминаний о людях науки, о прошлом семьи, а также рассказов и эссе «Поэтика разрушения (Миражи будущего и провидение бедствий)», вошедших в книгу. Это произведение посвящено проблеме революционных миражей и влияния слова на умы и души людей. В предисловии к ней поэт Александр Ревич указывает, что «автор постоянно напоминает об опасности героизации революции и революционеров и о непонимании самыми передовыми людьми разных времен, в том числе и русской интеллигенцией конца XIX – начала XX вв., обратной стороны медали, изнанки революции – кровавых ее последствий, истребления людей». За опубликованный в журнале «Приокские зори» отрывок Борис Кобринский был удостоен в 2010 году Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова.

В настоящей публикации автор продолжает эту тему, частично излагая высказанное на презентации, в отдельных местах включая фрагменты из изданной книги.

*... ничего нет страшнее развалин,
которые перестают казаться метафорой ...*
Иосиф Бродский

*В девятнадцатом веке жалели,
просто так – жалели людей.*

.....
*Может, это еще пригодится
в двадцать первом и двадцать втором*
Борис Слуцкий

Символ – древнейшее изображение, с помощью которого люди обменивались информацией. Старейшими в истории были петроглифы, изображения первобытного человека, являющиеся нередко информационными рисунками. В искусстве и литературе символы могут носить образный и метафорический характер. Как считает В.М. Жирмунский, метафоричность – это главная черта символистского стиля. А как писал И. Бродский, «поэт всегда надеется на некоторую параллельность процессов, происходящих в его творчестве и в сознании читателя». Очень разные поэты и писатели, часто противоположных взглядов, писали о необходимости изменения лица мира, достигая в отдельных случаях сдвига в групповом сознании (можно вспомнить Францию времен Вольтера, Россию символистов и футуристов в канун революции).

Аристотель, создавший всестороннюю систему, включающую в современном понимании философию, социологию, политику, логику, придерживался мнения, что «поэзия философичнее и серьезнее истории». Именно ему принадлежит и термин «метафора», о чем мы обычно не задумываемся, перенося значение какого-либо слова на другое явление, зачастую очень далекое от первоначального. А через 2000 лет после Аристотеля немецкому романтику Гельдерлину будущее человечество рисовалось как свободное, гармоническое общество наподобие древних Афин. И в поэме «Гиперион или отшельник в Греции» он утверждает: «Государство всегда оттого и становилось адом, что человек хотел сделать его для себя раем». К разрушению на протяжении веков призывали многие, но вот как строить новый мир, об этом задумывались не так часто. Или строили воздушные замки, еще со времен утопического романа. Своего рода социальная маниловщина. И даже практик революционной борьбы Ленин, готовый встать у руля России, писал книгу «Государство и революция», где рассматривал принципы построения, управления и последующего отмирания государства на пути к коммунизму, уже в 1917 году, если не считать некоторые предварительно сделанные выписки из работ классиков марксизма. Правда, нужно признать, что он и не ждал быстрого наступления

пления социалистической революции, о чем говорил с друзьями всего за несколько лет до этого. Но в апреле 17-го года у него, можно сказать, началось «головокружение» от возможности сразу перепрыгнуть в мир социализма. При этом его совершенно не смущал уровень культуры и экономики России в тот период. Хотя он, естественно, знал мнение немецкого социал-демократа Бернштейна, что «прежде, чем социализм может осуществиться, необходимо выработать нацию демократов». Но все это не останавливало Ленина, который вскоре после Октябрьского переворота не остановился перед введением жесткой цензуры, разрушением культуры, изгнанием и уничтожением ее представителей, обрушением многих нравственных устоев.

О постепенности революционных изменений неоднократно говорили и меньшевики разных оттенков. А в художественной литературе это нашло отражение у Анатоля Франса, считавшего, что «социальной революции недостаточно и нужна еще революция нравов ...», и у Паустовского в пьесе «Поручик Лермонтов», где Монго Столыпин говорит: «Готовь сердца человеческие к восприятию справедливости и благородства». В поэтической форме мы встречаем сходную позицию у Н.А. Некрасова, которого было принято называть революционным демократом, хотя это далеко не совсем верно. И примером может служить поэма «Саша», где он утверждает:

*В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы –
Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.*

Заметим, что гражданские и революционные мотивы – это не синонимы. В первом случае предполагается критическое, реформаторское отношение к действительности, сопровождающееся мыслями о возможных путях изменения социального устройства общества, исключая акты насилия. Людей, придерживавшихся такой точки зрения, в России называли одно время постепенцами, то есть идущими к прогрессу постепенно, без быстрых скачков. В рамках этого направления можно встретить протестные, эмоционально гневные стихи, не призывающие, однако, к революционному изменению миропорядка.

Поэт-романтик Гейне считался революционным в раннем советском периоде, основанием для чего, правда, могут служить, к примеру, строки из стихотворения «Силезские ткачи»:

*Будь проклят король и его законы!
Король богачей, что ему наши стоны!*

Интересно, однако, отметить оригинальное представление им проблемы справедливости в сатирической поэме «Атта Троль»:

*Свергнем власть монополиста,
Установим в мире царство
Справедливости звериной.
Основным его законом
Будет равенство и братство
Божьих тварей,
Без различья
Веры, запаха и шкуры.
Равенство во всем! Министром
Может быть любой осел.*

Этой метафоре Гейне в какой-то степени соответствует высказывание Ленина об обучении делу государственного управления всех трудящихся, всей бедноты. Тогда как английский философ и социолог Герберт Спенсер обращал внимание на необходимость для человека подняться до определенного уровня, в то время как смена социального строя, по его представлению, не может обеспечить перехода в новое качество идеального человека. Но если ориентироваться на мнение Хаксли, что гипнозу подвержены 20% населения, то понятно, как легко они могут сделаться жертвами любой пропаганды. Об этом нельзя не помнить, имея в виду, что знаменитый русский ученый физиолог И.П. Павлов в лекции, публично прочитанной им в 1918 году, обращал внимание на особую подверженность русского человека вербальному воздействию: «... русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует». И Александр Блок в период между двумя революциями отмечал, что «нигде слово не претворяется в жизнь, не становится хлебом или камнем так, как у нас», в России. А философ Н.О. Лосский прямо указывает, куда может привести поэтическое слово при наличии в характере русского народа таких свойств как анархизм и бунт. Недаром в пьесе талантливейшего Леонида Андреева старый рабочий, не понимая на что же истрачена его жизнь, спрашивает об этом Царя Голода, угрожая, что в противном случае «я возьму мой молот и расколю эту землю, как пустой орех». Но удерживая от этого самоубийственного шага, Царь Голод отвечает: «Погоди, мой сын! Береги свои силы для последнего великого бунта. Тогда ты узнаешь все». Написано это было в 1908 году. Таким образом, безумный бунт отсрочен, хотя и не отменен. А в начале 1917 г. Лев Троцкий, тогда еще не большевик, пишет в газете «Речь» после возвращения Ленина в Россию: «Наша родина превращается положительно

в какой-то сумашедший дом, где действуют и командуют бесноватые...». Взорвать страну во время войны, отказаться от постепенного продвижения по демократическому пути, взять власть в свои руки как можно быстрее, устранив Временное революционное правительство, представляющее собой коалицию партий – вот такая, непонятная и для многих большевиков, задача выдвигается в тот момент на первый план. Хотя Советы рабочих и солдатских депутатов, как и крестьянский съезд, поддерживают существующую власть.

Но недаром молодого Ленина окрестили «змей-искуситель». Точнее не придумашь! – пишет Леонид Млечин. С этим трудно не согласиться. Ленин, без сомнения, – самый выдающийся соблазнитель России. Он был наделен способностью уговаривать сомневающихся и обещать то, о чем много веков мечтало большинство населения. Владимир Ильич обращался не к умам, а к сердцам людей, которые желали получить все сразу. Выбрав тяжелейший для России момент в период первой мировой войны, он выдвинул лозунг немедленного мира и земли тем, кто ее обрабатывает (перехватив последний у партии эсеров). А, кроме того, обещал порядок и твердую власть при устройстве жизни на началах справедливости. То есть то, на что никто не решался: немедленное решение всех проблем!

Какова же сила литературы? Знаменитый символист – поэт и теоретик Андрей Белый считал, что «смысл искусства – пересоздать природу нашей личности». А Московская ассоциация пролетарских писателей и группа ЛЕФ считала необходимым направить усилия «на организацию психики и сознания читателей». Своеобразную форму эта идея получила в метафоре Маяковского: «поэзия легко умещается не только на клочке бумаги, но и в головах людей». И как продолжение, в «Идеологической и художественной платформе группы пролетарских писателей “Октябрь”» было записано, что пролетарская литература «организует психику и сознание рабочего класса и широких трудовых масс в сторону конечных задач пролетариата как переустроителя мира». Отсюда позже у Сталина о писателях как «инженерах человеческих душ». Недаром ранее и Лев Троцкий писал, «что война и революция подготовлялись и в материальных условиях, и в сознании классов – это совершенно бесспорно».

Еще Аполлон Григорьев в стихотворении «Всеведенье поэта» указывал:

*Поэт – пророк, ему дано
Провидеть в будущем чужом.*

Анна Ахматова также уверена и уверяет нас, что:

*... в мире нет власти
Грозней и страшней,
Чем вещее слово поэта.*

«Все из Слова, и все через Слово рано или поздно отзовется», – пишет уже в наше время в очерке «Притяжение пути» Евгений Бень. Словам может придаваться даже как будто физический смысл, с чем мы встречаемся в стихах Велимира Хлебникова, у которого «речи – здания из глыб пространства».

Но мечты о будущем, чтобы стать реальностью, должны базироваться на прочном фундаменте. Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» замечает, что «свобода желательна, и пусть царствует она везде... за исключением области мечтательности». Но коммунизм – это как раз мечта об идеальном мире: «Мы наш, мы новый мир построим ...». И вновь мы возвращаемся к вопросу о том, как его построить – на энтузиазме, на вере, на новых людях или на насилии одних над другими это уже было в разных вариантах в длительной истории человечества? Философ Лосев, прошедший Белбалтлаг, считал, что «нужно слишком «верить в невидимое как бы в видимое, в желаемое и ожидаемое как бы в настоящее, чтобы решиться завести у себя коммунизм». Другому советскому эзика поэту Борису Чичибабину в революции «видится дьявол, который был некогда ангелом... бесовщина и дьявольщина революции начиналась с ангельского порыва, с прекрасной и светлой мечты, с боли за униженных и угнетенных, с жажды свободы, справедливости, братства, бескорыстия, любви ...». Недаром в 1906 году в статье «Пророки и мстители» и Максимилиан Волошин утверждал, что революции «с неизменной последовательностью проходят одни и те же стадии: идеальных порывов, правоустановлений и зверств». И как чувствуется боль за Родину в стихотворении Чичибабина «Смута на Руси»:

*Услышу: «Русь», а сердце чует: «смута»,
И в мире знают: смута на Руси».*

Исторически в России симпатии к Герцену, народным социалистам, землевольцам, имевшие довольно широкое распространение, впоследствии были перенесены на социалистов-революционеров и социал-демократов различных оттенков. И это несмотря на нечаевщину и прозвучавшее в «Бесах» предупреждение Ф.М. Достоевского о том, к чему может привести «все по-

зволено». Соответственно, в России XIX – начала XX века, сформировалось представление о необходимости поддержки различных группировок, вплоть до крайних, поскольку они действовали во имя революционного изменения существующего порядка вещей. Следствие этого – изменение толерантности в отношении насилия, бунта, крови (аналогия в современном мире – снижение толерантности к последствиям террористических действий).

В революционном движении участвовали многие представители интеллигенции, включая дворянство. Достаточно назвать такие имена как Кропоткин, Плеханов. Интеллигентом и дворянином был и Ульянов (Ленин). В предреволюционную эпоху в России, как вспоминал Г. Флоровский, «преобладающее большинство людей из состава так называемой «интеллигенции» имело один «смысл жизни», который «лучше всего определить как веру в революцию». Отсюда отношение к народническому и потом социал-демократическому движению и его представителям. Недаром «весь идейный багаж, – как считал философ С.Н. Булгаков, – был дан революции интеллигенцией». Позже многие из них распростились с революционными идеями и не только отошли от социализма, но и перешли на позиции христианства (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк и др.). Что касается П.Б. Струве, написавшего в 1898 г. первый «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии», то он позднее перешел на либеральные, а после Октябрьского переворота – на антисоветские позиции.

Но определенные силы использовали всех, кто так или иначе способствовал левому революционному движению. Это было когда-то во Франции, повторилось в России. Великий французский писатель Бальзак говорил: «Все те, кто жалеет народ, кто кричит по поводу пролетариата и оплаты труда, кто пишет сочинения против иезуитов... сторонники равенства, гуманисты, филантропы – все они составляют наш передовой отряд. Мы накапливаем порох, а они тем временем плетут фитиль, который воспламенится, когда то или иное событие заронит искру».

Призывы к насилию и мести прошли через века, приобретя особую широту и остроту в начале XX века. Поэты разных народов призывали на борьбу с властью, впереди им виделось солнце свободного мира. Но остановимся на российской литературе. Стремление к демократическим переменам нередко носило идеалистический характер, что даже способствовало излишней левизне литературных манифестов, прозаических и особенно поэтических творений, в первую очередь футуристических и символических.

У символиста Константина Бальмонта, далеко не революционера, в цикле «Песни мстителя» (1907) мы встречаем в стихотворении «Наш царь» такие строки:

*Кто начал царствовать – Ходынкой,
Тот кончит – встав на эшафот.*

Ошибся Бальмонт в своем прорицании лишь в том, что вместо эшафота был подвал в ипатьевском доме в Екатеринбурге. И расстреляна была вся семья последнего из Романовых, начало дому которых было положено в Ипатьевском монастыре в Костроме. А в стихотворении «Царь-ложь» из того же цикла утверждается отказ от монархии:

*Ты – царь, и, значит, весь ты ложь –
И мы сметем царя!*

Еще раньше у лирического поэта И.С. Никитина, привыкшего воспевать природу и труд крестьянина, совершенно не характерное для него возмущение-предупреждение:

*Уж всходит солнце земледельца!..
Забитый, он на месть не скор;
Но знай: на своего владельца
Давно уж точит он топор ...*

А Пушкин славит кинжал как символ свободы от тирании в руках богини мщения:

*Лемносской бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал...*

Но вот наступил период отмены крепостного права, а в прокламации 1862 года мы читаем: «Чего хотим мы? блага, счастья России. Достижение новой жизни, жизни лучшей, без жертв невозможно потому, что у нас нет времени медлить – нам нужна быстрая и скорая реформа!» Нам всегда нужно все быстро, мы перед ценой не постоим. Это проходит через всю историю России. Однако игнорирование ценности человеческой жизни, отказ от сочувствия отдельному человеку неизбежно ведет к аморализму. А именно ленинизм отказывается от раннего народнического сострадания к положению народа, в первую очередь крестьянства (господствующие классы и интеллигенция вообще не принимаются в расчет), ориентируясь на всемирную революцию, ради которой могут и должны быть принесены любые жертвы на алтарь будущего всечеловеческого счастья.

В противовес этому звучат стихи С.Я. Надсона, популярного среди молодежи конца XIX века:

*Мы детски веровали в счастье,
В науку, в правду и людей
.....
Мы думали, что близко время,
Когда мы всюду свет прольем,
Когда цепей тяжелых бремя
Мы с мысли скованной сорвем;
Когда, как дивное сиянье,
Блеснет повсюду над землей
Свобода, честность, правда, знание...*

Но начался период бомбометания «Народной воли», сменившийся позже террором боевой организации партии социалистов-революционеров. И в конце XIX века слова ожидания будущей революции зазвучали у Л.Н. Трефолева:

*О кровь народная! В волнении жестоком
Когда ты закипишь свободно – и потоком
Нахлынешь на своих тиранов-палачей?...*

А в период начала первой русской революции безумье народного бунта прославляет один из основателей символизма Валерий Брюсов:

*Неумолимо
Толпа возвышает свой голос мятежный,
Властительный,
В безумии пьяных веселий
Все прошлое топчет во прахе,
Играет, со смехом, в кровавые плахи*

Истоки этого известный нам больше описаниями природы писатель М.М. Пришвин видит в том, что «...мы покорили безумие животных и сделали их домашними, или безвредными, не замечая того, что безумная воля их переходила в человека, сохранялась, копилась в нем до времени... это не люди, это зверь безумный освободился».

Философы, писатели, поэты готовят почву для будущей революции, раскачивают российский государственный корабль. Не называя имени Степа-

на Разина, Василий Каменский использует разбойничью терминологию и вспоминает движение бунтующих орд по Волге:

*Сарынь на кичку!
В Казань, Саратов!
В дружину дружную на перекличку,
На лихо лишное врагам!*

И в конце первой русской революции предвидение гибели царского дома посещает Константина Бальмонта, написавшего стихотворение «Будто бы Романовым» с пророческими словами «Вам приготовлена плаха». Раньше, в 1905 году, появилась еще более страшная эпиграмма Федора Сологуба:

*Стоят три фонаря – для вешанья трех лиц:
Середний – для царя, а сбоку – для цариц.*

Невольно вспоминается похожее, по смыслу предвиденья, из пушкинской оды «Вольность»:

*Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.*

Кто знал, что эти строки когда-нибудь превратятся в дела? Что этим можно будет даже гордиться, о чем говорится у недавно ушедшего из нашего мира Александра Ревича («Поэма про убитого царя»):

*... Да, мой папа расстрелял царя,
Это все ему благодаря,
там царя другие расстреляли,
Но зато он подписал приказ,
Революцию от контры спас.
.....
Там ведь были люди, были дети,
Мальчик был, царевич, и княжны.*

Последние две строки от автора, учившегося в одной школе с девочкой, от имени которой звучат слова уверенности в правоте дела папы-большевика.

Вечная проблема нравственности. Ее истоки можно проследить на протяжении столетий. Но укажем, что отказ от уз морали ради идеи свободы в эпоху увлечения социал-демократизмом мы встречаем в «Вехах» даже у Сергея Булгакова, позже ставшего отцом Сергием. Нельзя также обойти знаменитое высказывание Достоевского: «От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка». Продолжая эту линию, Пришвин, уже в революционную эпоху, вновь ставит вопрос: «Может ли из страдания человека одинокого выйти счастье, радость-спасение для всего человечества?».

К сожалению, невольно терялось представление о том, что в средствах борьбы за светлое будущее, и в стихах, призывающих к борьбе за него, нужно ориентироваться на некий предел, переход за который разрушает человеческое в человеке, будит в нем зверя. «Не революция, а бунт», – читаем мы в дневнике Л.Н. Толстого о первой русской революции, в которой, по его мнению, «нет идеала». И в том же году он записывает мысль, что революционеры «хотят изменения и берут на себя дерзость решать, какое нужно изменение, и небоящиеся насилия для приведения своих изменений в исполнение». В этом случае стремление к Добру, к Свету для одних через зло в отношении другой части населения разрушает души людей. В дальнейшем России пришлось встретиться именно с этой проблемой. А о ней упоминал еще И.С. Никитин, сожалевший:

*Что мы постыдно позабыли
Прекрасный мир живых идей
И что позором заклемили
Себя, как граждан и людей ...*

Но звучали и предупреждения о будущих опасностях, в том числе и из уст тех поэтов, которые ранее были сторонниками революционных действий, но они не были услышаны. Хотя произносились и с трибун, и на поэтических вечерах, обращаясь к умам и сердцам граждан. И в отношении поэтических текстов трудно не согласиться с И. Бродским, что «поэзия – это не “лучшие слова в лучшем порядке”, это – высшая форма существования языка», наиболее эмоциональная его форма, сильно воздействующая на сознание и подсознание людей, чему трудно противостоять. Поэзии близка и метафоричность, использовавшаяся еще в древности, в предсказаниях будущего. Недаром средневековый поэт Фон Эшенбах предупреждал:

*В пророчествах Сивиллы
Явленье высшей силы,
Которой мир спасти дано,
Предсказано давным-давно...*

О тяжелых последствиях ненависти, которая сопровождает внутренние распри, говорит проповедник Бранд в одноименной драме Ибсена:

*Но в этом слове «ненависть» – зародыш
лежит борьбы великой, мировой!*

Нельзя не отметить, что как ни далеки Бранд и Ленин, но объединяет их оправдание любых жертв во имя будущего. Обращаясь к нашей истории, об этом можно прочесть в первой редакции очерка Горького «В.И. Ленин»: «сегодня гладить по головке никого нельзя ... надобно бить по головкам, бить безжалостно ...» и заключает, что «жестокость нашей жизни будет понята и оправдана». В последнем, видимо, сомневались, что привело к купированию этого фрагмента в последующих изданиях. Бывший социал-демократ Николай Бердяев впоследствии писал: «Я всегда чувствовал не только роковой характер революции, но и демоническое в ней начало. Коммунизм, как он себя обнаружил в русской революции, отрицал свободу, отрицал личность, отрицал дух». Значительно раньше Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 год пишет о своем страшном предвидении: «... мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям [предводителям европейской прогрессивной мысли] полную возможность разрушить старое общество и построить заново – то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено». И в мифической форме эсхатологические настроения проявились в 1900 году у Владимира Соловьева:

*Дракон явил свое чело, –
И мглю бед неотразимых
Грядущий день заволкло.*

Но если этот страх был отчасти оправдан накануне XX века напряженным политическим положением в России, то у Лермонтова эсхатологические провидения возникли еще в 1830 году при создании «Предсказания»:

*Настанет год – России черный год –
Когда царей корона упадет,
.....
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон ...*

Мысли о трагической судьбе родины посещают сразу после первой русской революции Александра Блока и в 1908 г. он заносит в записную книжку: «слышите ли вы задыхающийся гон тройки? Видите ли ее, ныряющую по сугробам мертвой и пустынной равнины? Это Россия летит неведомо куда». И в продолжение этих размышлений в 1911–14 гг. в трагическом стихотворении «Так диктует вдохновенье...»:

*Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне...*

Но, похоже, что Блок уже не очень верит в спокойное будущее России, поскольку в межреволюционный период 1910–1914 годов в стихотворении «Голос из хора» он трагически возглашает:

*О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней.*

Страшную картину на исходе первой русской революции рисует Вячеслав Иванов, предупреждающий устами Сивиллы о грядущих бедствиях и гибели множества людей:

*Чу, как тупо
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта.*

К Есенину предчувствие будущей смуты пришло между Февральской революцией и Октябрьским переворотом, в июне 1917 г., на малой родине, в Константиново:

*Слышен волховский звон
И Буслаев разгул,
Закружились под гул
Волга, Каспий и Дон.*

А затем свершилась большевистская революция. И знаменитый в то время Леонид Андреев, открыто выступивший против, пишет: Бунт и Революция, по словам, два полюса, различающиеся Мыслью, тонущей «в схожих до обмана, почти однородных действиях, выкриках и лозунгах», кото-

рые внесли большевики, в результате чего в русскую революцию «вступил новый герой – Дьявол». В такой ситуации революция не может не перейти от стремления к Свободе, Равенству и Братству к своей антитезе – к погружению в пучину бедствий.

И 30 января 1918 г. Блок записывает в Чуккокалу, рукописный журнал Чуковского, отрывок-призыв из «Скифов»:

*... О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой ...*

А завершается это стихотворение необычным призывом:

*В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!*

Но исторический перелом уже наступил, светлые пиры были уже позади, хотя многим в это не хотелось тогда верить. Но в мае 1918 г. Мандельштамом написаны «Сумерки свободы»:

*Великий сумеречный год!
В кипящие ночные воды
Опущен грузный лес тенет.
Восходишь ты в глухие годы, –
О, солнце, судия, народ.*

И в том же году Алексей Н. Толстой, тогда далекий от большевиков, пишет в рассказе под названием «Милосердия!»: «Путь добра бесконечно более жестокий и кровавый, чем путь зла...». Хотя все зависит от человека. Так, поэт и прозаик футурист Василий Каменский в своих воспоминаниях пишет:

«Жил у старых евреев и под постоянное пенье псалмов и моление учил наизусть свои роли.

Спрашивал

– Вам не мешаю?

Умный старик улыбался:

– Каждый делает свою голову».

Но многие люди не склонны к осмыслению услышанного, они склонны примыкать к определенным группам, течениям не задумываясь, а затем

бездумно поддерживать их действия, считая, что большинство всегда право. А как это большинство сложилось, в результате понимания или страха, в конечном итоге становится уже не важно.

К сожалению, как отмечал Ф.М. Достоевский, «революционеры всегда, с какою-то даже любовью, склонны примкнуть скорее к разрушительным, чем к консервативным элементам». И хотя достижение демократии и свободы может осуществляться разными способами, главное заключается в соблюдении нравственности при движении в этом направлении. Зинаида Гиппиус на заседании «Зеленой лампы», уже после совершившейся революции, в 1927 году, задавала вопрос: «Научиться свободе – что это значит?». И сама себе отвечала: «Вот формула: это значит найти для себя, для всех и для каждого максимум ее меры, соответствующий времени». Это же касается и призывов к изменению строя, к балансу революционных и гражданских мотивов, баланса добра и зла. Недаром и Тютчев, как бы в диалоге с Пушкиным по поводу оды «Вольность», просит:

*Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!*

Революционное насилие ради светлого будущего легко превращается в зло для живущих людей, как показала история ряда стран с XVIII по XX век. Ради максимально быстрого достижения того, что представляется идеалом, ставится задача активного изменения человеческой природы, осуществляется попытка загнать людей в светлое будущее (домкоммуны, общественное воспитание детей, отказ от сказок, цензура для всех и т.д., вплоть до перевоспитания в лагерях). Вот мысли и дела большевиков на заре нового общества, будущего коммунистического. В параллель этому можно привести слова теоретика индивидуалистического анархизма Макса Штирнера: «В “человеческом обществе”, которое обещают “гуманные”, ничего не должно найти признания из того, что тот или иной имеет в себе “особенного”, ничто не должно иметь ценности, что носит характер “частного”. В Советской России утверждение единственной идеологии сопровождается изгнанием и уничтожением инакомыслящих, в первую очередь дворян и так называемой буржуазной интеллигенции. А затем происходит трансформация первичной идеи свободы и в жизнь и души людей медленно, но уверенно вползает нечаевщина».

И нельзя еще раз не вспомнить поэта-философа Вячеслава Ив. Иванова, как бы приносящего в 1919 году общее покаяние от людей своего времени:

*... сей пожар мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит.*

Но в то же время надежда и даже уверенность возвращения России из тьмы безумия к свету звучит в написанном Максимилианом Волошиным в октябре 1917 года стихотворении «Из бездны»:

*Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным –
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!*

.....
*Из бездны – со дна паденья,
Благославляю цветенье
Твое – всестрастной свет!*

И в «Заметках 1917 года» он утверждает, что «самопожертвование – вот фундамент, на котором может строиться общественность, и качество, которым должен обладать каждый призванный к управлению или к представительству». К сожалению, именно этого не хватало у каждого представителя новой власти, да и прежней.

В завершение хочется призвать всех к переосмыслению нашей истории и вспомнить написанные в сталинской тюрьме малоизвестные строки Даниила Андреева:

*Мой стих – о пряже тьмы и света
В узлах всемирного Узла.
Призыв к познанию – вот что это,
И к осмыслению корня зла.*

Осмыслили ли мы корень зла? Думается мне, что нет.

Мария АННИНСКАЯ

ТРУДНЫЙ ВИАН И ПАРАДОКСЫ ПЕРЕВОДА

Недавно я решила перечитать «Сто лет одиночества» Маркеса, но книжка, которая у меня была в юности, канула в неизвестность. Пришлось завести новую. Открыла... и оторопела. Так приходишь в места раннего детства и вместо старого московского дворика видишь новостройки. Я не узнавала ничего. К счастью, старый перевод мне все же удалось найти.

Ради интереса сравним начало, которое так важно для каждой книжки, в обоих вариантах – ведь от первых строк зависит, захочется ли нам читать дальше.

«Пройдет много лет, и полковник Аурелиано Буэндиа, стоя у стены в ожидании расстрела, вспомнит тот далекий вечер, когда отец взял его с собой посмотреть на лед». Так начинается роман в переводе Н. Бутыриной, датированный концом 70-х. Текст здесь бежит, мысль и воображение летят следом, время стремительно разматывается, в одну фразу укладывается целая жизнь.

А вот перевод 2011 года: *«Много лет спустя, перед самым расстрелом, полковник Аурелио Буэндиа припомнит тот далекий день, когда отец повел его поглядеть на лед».* Вроде все слова на месте, и даже ближе к оригиналу, чем в первом переводе, – но почему-то спотыкаешься. (Кстати, вот оригинал: *«Muchos años después, frente al pelotón de fusilamento, el coronel Aureliano Buendía había de recordar aquella tarde remota en que su padre lo llevó a conocer el hielo».*)

Попытаюсь проанализировать ощущения. *«Много лет спустя»* обычно говорят после того, как о событии уже рассказано и остается поведать о его результатах или последствиях. Когда же мы читаем *«Пройдет много лет»*, то мысленно устремляемся в будущее, и во фразе появляется движение. Далее: *«стоя у стены в ожидании расстрела»* – в этих словах есть пространство времени, перспектива. А в формулировке *«перед самым рас-*

стрелом» – глухая стена, тупик. Кажется, мелочь: отсутствие глагола или деепричастия – а текст встал. Но, может быть, в этом и была сверхзадача переводчика? В оригинале, кстати, тоже тупик, а в придачу противостояние человека и толпы (рассрельного взвода).

Вот другая фраза на той же странице: *«Мир был еще таким новым, что многие вещи не имели названия и на них приходилось показывать пальцем»* (перевод 1970-х.). Мы снова чувствуем увлекающий нас ритм, размеренное дыхание текста. Здесь ощущается не только гармоничная свежесть мира, но и свежесть детского восприятия. А вот та же фраза в более позднем исполнении: *«Мир был таким первозданным, что многие вещи не имели названия и на них просто тыкали пальцем»*. Что здесь мешает? В первую очередь *«таким первозданным»*, потому что *«первозданный»* – это созданный прежде других; мир не может быть более или менее первозданным, как не может быть, скажем, книга более или менее первоклассной. Во-вторых, *«тыкают пальцем»* обычно ВО что-то а не НА что-то. Более того, здесь сбивает скрытая рифма: *«первозданный»* и *«название»*.

По правде говоря, любой текст можно разобрать по косточкам и раскритиковать (а уж тексты иных классиков и подавно), но я хочу показать, что влияет на наше восприятие.

Разумеется, когда идеальный читатель пробегает глазами зачин романа, он в первую очередь думает о содержании и не обращает внимания на такие мелочи. А если и поморщится, то, скорее всего, не поймет почему, да и не станет докапываться до причин. Но случается, текст попадает в руки дотошному коллеге, потенциальному редактору... И тут начинается болезненное копание в эпитетах, синонимах, местоимениях, глаголах и деепричастиях. Вот почему сами переводчики своих коллег стараются не читать.

Говоря о технике перевода, надо заметить, что переводчик не всегда знает, почему он строит фразу тем или иным образом. Талант его в том и заключается, что он делает, как подсказывает внутренний голос, чутье (языковое, переводческое). Иногда в процессе работы он не в состоянии проанализировать свои действия и выбор средств. Разве что по прошествии времени, перечитывая собственный текст, как чужой. Обычно в этом случае переводчик остается собой недоволен, хватается за карандаш и начинает свой, уже напечатанный, текст заново править.

С другой стороны, есть специалисты, прекрасно разбирающиеся в теории перевода, в тонкостях замен, трансформаций, перестановок и компенсаций, они могут блестяще прокомментировать переводы других, научить, как и что надо делать – но это еще не значит, что, возьмись они за дело, у них непременно получится хороший текст. Так в любом искусстве: знать как, не значит мочь. Нужна еще искра божья.

Понятно, что каждая эпоха создает свои переводы. В других странах издатели что ни год заказывают молодым переводчикам новые версии ранее переведенных книг. Это вовсе не значит, что прежние переводы плохи. Иногда издатель экономит и не может договориться с держателями прав. Или хочет дать работу знакомому переводчику. Или имеющийся перевод перестал удовлетворять требованиям эпохи, стремящейся к точности, в нем нашли какие-нибудь лакуны, и новый талантливый переводчик взялся пропустить книгу через себя. Или разговорный язык изменился настолько, что пора все переделывать. Да мало ли причин? Так или иначе, каждая новая версия старается исправить огрехи предыдущей.

Надо отметить, что сопоставлять переводы – весьма увлекательное занятие. Это как сравнивать близнецов или картинки: «найдите пять отличий». И на эту тему время от времени появляются интересные статьи. (Журнал «Иностранная Литература» выпустил даже специальный номер на эту тему). Одна из самых мной любимых работ жанра – давнишняя, но по-прежнему актуальная статья ныне покойной Юлианы Яхниной «Три Камю», где подробно проанализированы три перевода «Постороннего» Альбера Камю. Анализ сопровождается французскими цитатами. Идти по следам Яхниной и увлекательно, и опасно, потому что лучшего метода, нежели сопоставление текстов, тут быть не может – а значит, разбор неизбежно окажется длинным и многословным. Кроме того, есть другая опасность: пойти на поводу у собственного восприятия и незаслуженно обидеть мастеровитого переводчика, не разглядев чего-то, что он умышленно вкладывает в текст. Тем более что среди переводчиков существует две тенденции, две «школы»: одна «школа» считает, что конечный текст должен звучать так, будто он изначально был написан по-русски. Другая – что строй языка должен как можно ближе копировать текст оригинала, что иностранный язык должен «просвечивать» сквозь русский, и если у автора написано коряво, то именно так и надо переводить на русский. Скажу откровенно, я предпочитаю первую «школу», поэтому, сравнивая переводы, буду стоять на ее позициях.

Проанализирую еще один пример, на этот раз из французской литературы. Так сложилось, что в 1990-е годы я подробно занималась Борисом Вианом. (На всякий случай напомним – вдруг кто забыл, – что это самобытный и «неправильный» писатель, автор четырех романов, нескольких пьес и большого количества рассказов; кроме того, музыкант-джазист, автор песен, и тот, кто именем *Вернон Салливен* подписал ряд скандальных пародий на американский черный роман). Поэтому, когда у нас пошла «виановская» волна, я написала в *Ex libris* статью о переводах Виана. Было бы очень интересно продолжить эту тему. Но пока остановлюсь на одном из романов,

самом главном, самом первом, известном у нас в трех версиях, – на «Пене дней». И проследжу, как меняется текст, пройдя через призму восприятия трех (вернее даже, четырех) разных переводчиков. Первый из них – Лилианна Лунгина, в 1980-м познакомившая советского читателя с романом Виана. Второй переводчик – петербуржец Виктор Лапицкий, переосмысливший «Пену дней» в конце 1990-х. И наконец, две московские переводчицы – Мария Головановская и Мария Блинкина-Мельник, – чья версия была опубликована издательством «Терра» через год после питерского издания.

Поскольку тексты у Виана зубодробительно сложны, нашпигованы каламбурами, парадоксами, перевертышами, фантазиями, деформациями, персонификациями и другими залихватскими приемами, не говоря уже о смешении речевых регистров и вычурном синтаксисе, который почти невозможно передать через русский свободный порядок слов, – возьмем на выбор любой отрывок и на нем проследим переводческую стратегию. Итак:

«Colin descendit du métro, puis remonta les escaliers. Il émergea dans le mauvais sens et contourna la station pour s'orienter. Il prit la direction du vent avec un mouchoir de soie jaune et la couleur du mouchoir, emportée par le vent, se déposa sur un grand bâtiment, de forme irrégulière, qui prit ainsi l'allure de la patinoire Molitor.

Vers lui, c'était la piscine d'hiver. Il la dépassa et par la face latérale, pénétra dans cet organisme pétrifié en traversant un double jeu battant de portes vitrées à barres de cuivre. Il tendit sa carte d'abonnement, qui fit un clin d'oeil au contrôleur à l'aide de deux trous ronds déjà perforés. Le contrôleur répondit par un sourire complice, n'en ouvrit pas moins une troisième brèche dans le bristol orange, et la carte fut aveugle. Colin la remit sans scrupule dans son portecuir en feuilles de Russie et prit à gauche le couloir tapis-de-caoutchouté qui desservait les rangées de cabines. Il monta donc l'escalier de béton, croisant des êtres grands, car montés sur lames métalliques verticales, qui s'efforçaient à des cabrioles d'allure naturelle, malgré l'empêchement évident. Un homme à chandail blanc lui ouvrit une cabine, encaissa le pourboire qui lui servirait pour manger car il avait l'air d'un menteur, et l'abandonna dans cet in-pace. [...] Colin remarqua que l'homme n'avait pas une tête d'homme, mais de pigeon, et ne comprit pas pourquoi on l'avait affecté au service de la patinoire plutôt qu'à celui de la piscine.» (B.V.)

1) «Колен вышел из вагона метро и поднялся по лестнице. Однако, он оказался не там, где рассчитывал, и, чтобы сориентироваться, обошел площадь. С помощью желтого шелкового платка он определил направление ветра, первый же порыв сдул с него цвет и унес на большое здание неправильной формы, которое сразу стало походить на каток «Молитор».

Миновав зимний бассейн, Колен вошел в каменную громаду с бокового входа. Створки стеклянных дверей с медными переплетами, хлопая, вели с ним двойную игру – и впускали, и отталкивали. Колен протянул абонемент, который подмигнул контролеру двумя уже пробитыми глазками. Контролер ответил понимающей улыбкой, что, однако, не помешало ему пробить третий глазок в оранжевой картонке, и она тут же ослепла. Колен без зазрения совести сунул ее обратно в свой бумажный сафьяник, то есть сафьяновый бумажник, и свернул налево, в устланный прорезиненной дорожкой коридор, где находились кабины для переодевания. [...] Навстречу ему скакали верзилы – ведь они были на вертикальных стальных полостях, – тщетно стараясь сохранить при этом естественность движений. Служитель в белом свитере открыл ему кабину и сунул [кому? – М.А.] в карман чаевые, но по всему было видно, что он лжец, что чая не пьет, что для него это не невинные чаевые, а винные, или даже коньячные. [...] Колен обратил внимание на то, что у служителя была голова не человека, а голубя, и удивился, что он приставлен к катку, а не к бассейну». (Пер. Лунгиной)

Перевод Лунгиной всецело доверяет тексту оригинала, старается, где можно, послушно следовать за ним, совершать те же па, но с поправкой на русский язык, а также многословно разъяснять, в случае чересчур смелых каламбуров, где следует искать смысл. Это очень старательный перевод, стремящийся донести до читателя упоение первого знакомства с диковинным миром; во всем чувствуется внимание и любовь к деталям – но нет движения; текст статичен в силу чересчур подробных объяснений.

Что касается деталей, то любопытно посмотреть, во что они превращаются при переходе из языка в язык. Так, в оригинале, ветер сдувает с платка цвет, который перелетает на здание катка. В этом Лунгина верна оригиналу (мы увидим, что некоторые переводчики придумали другую картину). Зато здание катка у Виана – живой организм, меняющий свою форму («*irregulière*») следует понимать двояко: здание было не только *неправильной*, но и *неустойчивой* формы, поэтому в какой-то момент оно *приняло форму* катка и повернулась к герою той стороной, где находился бассейн; позднее этот *организм окаменеет*). Далее, герой попадает в плен к двум створкам дверей, которые, открываясь и закрываясь, ведут с ним *двойную игру*. У Виана тут дополнительный смысл, который трудно передать по-русски: «*jeu*», «*double jeu*» – это еще и набор из двух предметов, в данном случае – пара дверей. Но, согласна, коварной *игры дверей* вполне хватает.

Оказалось невозможным (для всех переводчиков) сочинить прилагательное для описания коридора с резиновой дорожкой: «*couloir tapis-de-caoutchouté*» – что-то вроде «резиноводорожкового коридора». (Кстати

заметим, что Виан не специально для романа сочинял подобные неологизмы и каламбуры: в его молодежной компании это была перманентная игра и обычная манера выражаться).

Далее на сцену выступает картонный абонемент, который (весьма удачно) подмигивает контролеру двумя пробитыми *глазками* – слово, которого нет в оригинале, но которое, кстати сказать, есть во французском: *oeillet* (дырочка, глазок, ушко для шнура). Лунгина удачно подобрала слово – что, кстати, сделали не все переводчики.

Далее: игра слов с бумажником (*бумажным сафьяником*), который дословно переводится с французского как «кожник из русской бумаги» – иначе говоря, «бумажник из русской кожи». Переводчица недооценила читателя, побоялась, что он не поймет, и расшифровала каламбур.

Практически не понятен остался во всех переводах момент встречи с конькобежцами, которые, чтобы не тупить лезвия своих коньков, идут на мысках, отчего кажутся устрашающе огромными.

Достойно, хотя и длинновато, передан у Лунгиной каламбур с *чаевыми*, которые в ее версии становятся *винными* и *коньячными* (во французском тексте – «едовыми», или *харчевыми*, как у Лапицкого).

А вот с *голубиной головой* игры не получилось, потому что *pigeon* означает приблизительно «придурак, давший себя облапошить». Другое дело, что все равно не ясно, какое отношение голубь (у Лапицкого – *осел*) может иметь к бассейну. Как мы видим, не все нюансы оригинала получается угадать и передать, поэтому важнее всего – насколько убедителен русский текст.

2) А вот другая версия этого отрывка:

«Колен вышел из метро, поднялся по лестнице, понял, что попал не туда, и, чтобы сориентироваться, пошел к противоположному выходу. [Пример вольной трактовки: у Виана не сказано, что там был еще один выход.] Он достал желтый шелковый носовой платок в надежде, что ветер укажет ему дорогу. Ветер отделил платок от надежды и понес его сторону большого здания неправильной формы, которое на поверку оказалось катком «Молитор»».

Обогнув зимний бассейн, Колен через боковую дверь проник в каменные недра катка. Створки стеклянной двери в медном переплете вели с ним двойную игру, предлагая одновременно и войти, и выйти. Он протянул свой абонемент, который кокетливо подмигнул контролеру двумя уже пробитыми глазками. В ответ контролер улыбнулся [Здесь опущено, как именно – М.А.] и окончательно добил абонемент [Тоже опущено, как именно.]. Колен без зазрения совести сунул карточку в свой замшевый порттублон [Этимология неологизма не вполне прочитывается.], повернул налево и по резиновому ковру двинулся в раздевалку. [...] По дороге

ему то и дело попадались гиганты на коньках [Опущен образ.]. Очевидно, прямохождение давалось им нелегко. Служащий в белом свитере открыл кабинку, взял чаевые, на которые он обычно покупал себе кофе, [...] и оставил его одного. Колен заметил, что голова у служащего была не человеческая, а голубиная. «Странно, – подумал он, – с такой головой ему бы лучше в бассейне работать, а не на катке». [Введена прямая речь, что в принципе допустимо.] (Перевод М.Г. и М. Б.-М.)

Этот текст, в отличие от предыдущего, не статичен, а наоборот, легко и споро бежит вперед. Переводчицы делают упор на глаголы; запросто, не утяжеляя конструкций, обходятся с каламбурами; какие-то места лихо упрощают, жертвуя подробностями ради динамики (на мой взгляд, не всегда удачно – например, с желтым шелковым платком).

3) И наконец, еще одна версия – бесшабашная, мужская.

«Колен вышел из вагона метро и поднялся по эскалатору. [Переводческая вольность, у Виана в тексте «лестницы».] Он вынырнул незнамо где и, чтобы сориентироваться, обогнул станцию. При помощи носового платка из желтого шелка [Почему-то переводчику не нравятся прилагательные.] определил направление ветра, и тут же подхваченный с платка ветром цвет [Вот где начинаешь спотыкаться о падежи.] осел на большое здание неправильной формы, которое из-за этого стало похоже [Не вполне понятно из-за чего.] на каток «Молитор».

К нему каток обернулся боком [Здесь каток все-таки ожил!] – тем, где разместился зимний бассейн. Колен прошел мимо и через боковую стену проник в этот окаменевший организм, включившись на новенького в парную игру, отбиваемую [Не вполне понятно, как можно отбивать игру, тем более парную.] застекленными, с медными поперечинами створками дверей [Полагаю, что у русского текста либо не было редактора, либо это не вполне удачная попытка передать вольный синтаксис Виана.]. Он протянул свой абонемент, который подмигнул контролеру двумя уже пробитыми отверстиями. Тот ответил улыбкой сообщника [Странно, ведь есть прилагательное «сообщнический».], но, тем не менее, сделал третью пробоину [Как будто это бетонная стена.] в оранжевой визитной карточке [На мой взгляд, неудачная попытка перевести французское слово «bristol» – бристоольский картон; употребленное значение – вторичное и не подходит по смыслу.], и она ослепла. Колен безо всяких угрызений совести засунул ее обратно в бумажно-хлопчатый кожник [Удачный двойной каламбур: с кожаным бумажником и с хлопчато-бумажным материалом.] и свернул налево, в покрытый прорезиненным ковриком коридор, куда выходили шеренги кабинок. [Кабинки могут выстраиваться в шеренги?] Навстречу ему попадались, как на подбор, сплошные [Это как?] дылды – ну

да, ведь водружены они были на вертикальные металлические лезвия; несмотря на всю сложность подобной затеи, они изо всех сил старались сохранить ужимки и прыжки [Скрытая цитата из басни Крылова.] своей обычной походки. Человек в белом свитере открыл ему кабинку, получил чаевые, которые он, поскольку выглядел лжецом, использовал как харчевые, и покинул его в этой монастырской тюрьме. [В оригинале «ip-rase», что в данном контексте скорее «келья».] Колен отметил, что у человека была голова не человека, а осла [Попытка передать смысл ребуса.], непонятно было, почему этого архаровца [Каким образом это исключительно русское слово, появившееся у нас в XIX веке, могло попасть во французскую, хоть и фантастическую, реальность?] *направили работать на каток, а не в бассейн*. (Перевод Лапицкого)

В этой версии чувствуется раздражение по отношению к ставшему классическим, осторожному и «причесанному» женскому переводу Лунгиной. Хотя тот первый перевод вовсе не так «причесан», как, скажем, перевод «Над пропастью во ржи» Райт-Ковалевой, где самое страшное ругательство в устах главного героя – «сволочь поганая». Текст Лапицкого создавался в 90-е годы и отмечен новой для россиян свободой самовыражения и широтой возможностей. Поэтому и рассматривать его надо с точки зрения исторического момента.

Так что все версии переводных текстов по-своему интересны и когда-нибудь могут заинтересовать психологов-лингвистов-историков. Что же касается читателей, то доверяйте своему языковому чутью и не сетуйте на автора, если перевод вам не нравится. А если нравится, то отдайте должное скромному труду переводчика.

ПУБЛИЦИСТИКА

Танхум Авраам Бусин

«СОЛИДНЫЙ ГОСПОДЬ ДЛЯ СОЛИДНЫХ ГОСПОД»

Синагога памяти чего?

В СССР, а потом и в России, несмотря на то, что страна понесла тяжелейшие потери во Второй мировой войне, до конца восьмидесятых вообще не существовало центрального мемориала, где можно было бы отдать дань памяти всем погибшим от рук нацистов и их приспешников солдатам и мирным жителям. В самом начале 1990-х, когда формировался мемориальный комплекс на Поклонной горе, поскольку к тому моменту было официально признано, что на фронтах сражались не только коммунисты и атеисты, но также и верующие, стало ясно, что там должны быть места поминовения павших всех основных конфессий, участвовавших в войне. Это было закреплено решением Архитектурного совета еще в октябре 1992 года.

Храм памяти на Поклонной Горе, посвященный шести миллионам евреев, погибшим и замученным во время Второй мировой войны, был построен наряду с мечетью и церковью во второй половине 1990-х годов на территории Мемориального комплекса при одобрении и поддержке федеральных и московских властей. Сама же инициатива этого строительства исходила от тогдашнего президента Российского еврейского конгресса (РЕК) Владимира Гусинского. Распоряжение же о возведении Мемориала Храм памяти на Поклонной Горе было подписано в июле 1996 года мэром Москвы.

8 октября 1996 года на Поклонной горе в Москве прошла церемония закладки первого камня Мемориальной синагоги, на строительство которой Владимир Гусинский выделил один миллион долларов, остальные были собраны членами правления РЕК и еврейскими меценатами, а на закладку первого камня приехал и лично участвовал премьер-министр России Виктор Черномырдин.

Первоначально предполагалось строить два отдельно стоящих здания – синагогу и музей. Но на два здания в итоге не хватило средств. Даже существующие там коммуникации закладывались еще с учетом подключения второго здания. Строительство шло по проекту израильского архитектора Моше Зархи. Осенью 1998 года работы были завершены. 1-2 сентября 1998 года в Москве прошел II съезд РЕК, в рамках которого состоялось торжественное открытие Мемориальной синагоги и музея Холокоста на Поклонной горе.

На открытии синагоги присутствовал президент России Борис Ельцин, раввины, послы, иностранные делегации и т.д. Это был первый случай во всей российской истории, когда на открытие синагоги прибыло первое лицо государства.

Когда здание построили, довольно быстро выяснилось, что у синагоги нет нормальной трапезной, кухни, кладовых. Кроме того, почему-то нет ни раввина, ни общины, ни вообще миньяна. Но, согласно известной поговорке, «место пусто не бывает» – и на рубеже 1998 и 1999 годов в молельном зале появились реформисты. Их пускали на пару часов по пятницам, а потом и по субботам. Сразу же (тогда еще беспрепятственно) по несколько человек стали приходить утром на молитву местные ортодоксальные евреи, кто-то из них приводил соседей, формировался миньян. Все это происходило на фоне возникшего некоторого соперничества между Конгрессом еврейских религиозных общин и объединений России (КЕРООР) во главе с Адольфом Шаевичем и Пинхасом Гольдшмидтом и Федерацией еврейских общин России (ФЕОР) во главе с Берлом Лазаром. Тогда возник определенный стереотип, что, если евреи пришли в синагогу на Поклонной Горе, то они либо с «улицы Архипова», либо с «Марьиной Рощи», иные варианты в расчет не брались. Представить себе, что человеку просто-напросто надо прочитать Шма или Амиду и сказать кадиш по отцу в миньяне, а рядом больше синагог нет, руководству РЕК того времени было сложно.

9 мая 1999 года религиозных евреев – жителей Западного округа столицы впервые не пустили в молельный зал, предъявив документ, подписанный вместо главного раввина города П. Гольдшмидта председателем КЕРООР Зиновием Коганом, где было сказано, что в будние дни молитва не проводит-

ся. И до 23 июня местные евреи могли молиться только на лавочках вблизи здания на глазах у туристов, которых, как и реформистов, между прочим, в здание пускали. 22 июня же, в День Памяти, на концерте выпускников школы канторов директор здания Александр Корольков попросил у р. П. Гольдшмидта письменного подтверждения запрета проводить молитвы, и, не получив такового, по своей воле открыл молельный зал для верующих. 23 июня 1999 года в синагогу пришли все желающие. И потом так было почти два года – каждый день – до 1 июня 2001 года. Люди сами принесли книги, талесы, тфилины, сложилась община, проводились праздники. В 2000 году около синагоги ставилась сука, и евреи там вместе говорили лехаим. Положение несколько осложняло наличие реформистов, в интересы которых наличие в здании местной ортодоксальной общины как то не входило, при этом они вели себя, как хотели, в частности, 3 марта 2001 года в шабат их собрание проводила женщина, стоявшая на месте кантора.

В начале 2001 года произошло знаковое событие – президент РЕК Владимир Гусинский был арестован, помещен в Бутырскую тюрьму, через 3 дня выпущен из тюрьмы и покинул страну. В те же дни рав Берл Лазар был провозглашен на общероссийском съезде подавляющим большинством имевшихся тогда в стране ортодоксальных общин главным раввином России, Шаевич на съезд не пришел. Соперничество ФЕОР и КЕРООР переросло в довольно-таки зримое противостояние. Тогда новое руководство РЕК по просьбе реформистов 30 мая 2001 года приняло решение о прекращении Б-гослужений в Храме памяти на Поклонной Горе, поскольку он, принадлежа Конгрессу – нерелигиозной организации, не является помещением, специально предназначенным для отправления культа. На самом деле РЕК, который был тесном контакте с КЕРООР, умудрился увидеть в группе местных молящихся на Поклонной Горе евреев направляющую руку из «Марьиной роши» и «оградил» от них синагогу.

Тогда нам пришлось устроить небольшие временные синагоги в квартирах на первых этажах жилых домов, мы в шутку называем их «подпольными синагогами». Сукку приходилось в разные годы ставить то в хоздворе филевского парка, то во дворе соседнего магазина, то на веранде кафе, а на праздники для молитвы снимаем кафе или столовую. Так постепенно формировались общины, позднее учредившие Московский ортодоксальный еврейский союз (МОЕС). Кстати, при регистрации общин в 2001 году мы нашли в архиве документы, которые свидетельствуют, например, о том, что в 1947 году на территории Кунцево, тогда подмосковного города, в частном доме на Некрасовской улице, 17 была синагога. Это дало возможность довольно быстро зарегистрировать Давыдовскую религиозную общину. Через полгода другой группой верующих была оформлена регистрация

Филевской общины. После этого можно было официально ставить вопрос о проведении молитв на Поклонной горе. В 2005 году к двум общинам добавилась Кунцевская религиозная община, и в 2006 году эти три общины образовали централизованную организацию – Московский ортодоксальный еврейский союз (МОЕС). Так с 2001 года, меняя места «обитания» и постепенно расширяясь, мы с использованием съемных и выкупленных квартир ведем нормальную религиозную жизнь с миньяном на молитву, с брит-милой, с религиозным просвещением, с помощью престарелым и инвалидам, с похоронами по еврейскому обряду. И, конечно, нехватка места для всего этого все более ощутима.

Тем временем за двенадцать лет, прошедших после нашего ухода, три раза руководство КЕРООР и РЕК пыталось назначить в здание на Поклонной Горе раввина, задача которого была найти помимо существующих общин хоть каких-нибудь евреев, собрать 10 человек и объявить, что синагога работает. В первый раз КЕРООР по поручению РЕК назначил раввином Арье Лейба Когана, которому велели не допускать проведения местными общинами самим молитвы по своему нусаху. Как известно, еврейская община сама определяет нусах молитвы, ставит кантора и чтеца Торы, нанимает раввина. Других же прихожан в Западном округе не нашлось. В результате раввин с рош а шана до пурима сидел один в пустой синагоге, после чего уволился. Примерно через год уже сам РЕК пригласил знающего раввина, имеющего смиху, Александра Фейгина, правда, при том, что в полномочия Благотворительного фонда (нерелигиозной организации) не входит назначение раввина. Требование же о проведении молитвы по определенному нусаху, а значит помимо местных общин, при нем оставалось в силе. За десять месяцев его пребывания в синагоге общественная молитва проводилась считанные разы, хотя миньян на молитву ежедневно спокойно собирался в соседнем доме. Третий раз по инициативе и при поддержке известного бизнесмена и спонсора Тэльмана Исмаилова назначили представителя общины горских евреев Анара Самойлова (Самуилова), известного своими весьма оригинальными представлениями об иудаизме. На сей раз руководство РЕК попросило весьма немалые деньги за аренду помещений и получило их. Также были выделены средства на привлечение молящихся из Хоральной синагоги, в этом случае миньян нанятых молящихся просуществовал целый год (правда, суку около синагоги ставить не стали, им это было и не нужно), пока это не надоело основному спонсору. После прекращения финансирования молящиеся разбежались, понятно, что к местным общинам это не имело никакого отношения.

Начиная с 2002 года, мы неоднократно обращались к местным властям с просьбой о выделении земли под строительство синагоги, которая была бы постоянно открыта и не зависела бы от руководства нерелигиозной организации. В первые годы мы получали отказ и совет найти общий язык с владельцами здания на Поклонной Горе. После образования МОЕС в марте 2010 начался новый этап переписки по поводу выделения земельных участков под 3 синагоги в разных концах округа. Доводы союза о необходимости развития еврейской жизни в округе показались руководству города разумными. Были подобраны 3 земельных участка под 3 синагоги на 250-300 молящихся каждая, но за это время сменился мэр города, префект и вся система землеотвода, переписка заняла 3 года и к концу 2013 стало ясно что участки не прошли градостроительно-земельную комиссию и земли под синагоги не будет, при этом в округе общинами учтено порядка 7 тысяч галахических евреев при прогнозе примерно в 30 тысяч...

Существующее здание строилось как синагога-мемориал на цдаку, то есть имеет статус кадош, святого, отделенного, пожертвованного на Храм, и не может использоваться на будничные цели. Однако оформлено же оно было еще при строительстве как нежилое здание общего назначения, с 1999 года находящееся в собственности Благотворительного фонда «Российский еврейский конгресс». Поэтому в принципе руководство РЕК имеет право пускать или не пускать в свое помещение кого угодно, использовать помещение по своему разумению. Кстати, не только молельный зал, но и имеющийся там Музей холокоста тоже не имеет официального статуса.

По погибшим принято читать кадиш в день смерти, во время войны евреев убивали каждый день, и каждый день чей-то йорцайт, и кадиш нужно читать каждый день. Обязанность читать кадиш лежит на местной общине, и мы делали это и в самой синагоге на Поклонной Горе, и у стен ее после закрытия, и сейчас во временных синагогах поблизости. Общины предлагали взять в аренду относящиеся к зданию на Поклонной Горе помещения, но руководство РЕК не согласилось на это. При этом в Мемориальном комплексе на Поклонной Горе ежедневно идет служба в православной церкви, работает мечеть. Еврейский же Храм памяти стал чем-то вроде смеси музея и дома для торжественных приемов. К примеру, за пятнадцать лет существования здания в его молельном зале нами было проведено только две брит-милы (моих сыновей), больше нам просто не дали. Зато руководство РЕК с отзывчивостью предоставляет помещение для всякого рода нерелигиозных мероприятий – от разного рода чтений до корпоративных гулянок, последний пример, наделавший немало шума – юбилей ПИР-банка 20 января этого года с участием певца Томаса Андерса и угощением в музее.

Возникла некоторая коллизия, Парк Победы место само по себе мемориальное. Мемориальная Синагога есть часть общего мемориала памяти, что предполагает свободный доступ людей: зайти, постоять, подумать, поставить свечку, помолиться, если можешь, сказать кадиш. Только вот беда: Парк федеральный, а синагога частная; бюро РЕК, обладающее реальной властью в фонде, составляют весьма небедные товарищи. Как известно, сытый голодного не разумеет, здание работает по правилу: «солидный Господь для солидных Господ». С 2001 года после Гусинского сменилось пять президентов РЕК: Невзлин, Сатановский, Слуцкер, Кантор, и, наконец, Каннер, а воз и ныне там. Зато по субботам с 12-00 до 14-00 в святом месте проводятся собрания реформистов.

Начиная с 1 июня 2001 года до сего дня (за тем редким исключением, когда нам удается договориться об открытии синагоги на несколько часов – обычно утром 9 мая, 22 июня и иногда в еврейские праздники), человек приходит помянуть отца или деда, но ему говорят, что молельный зал не работает, но зато можно записаться на экскурсию в музей. В те же месяцы, когда в здании присутствовал раввин, там не было молитвы (кроме нанятого миньяна Анара Самойлова), т.к. не могли набрать даже необходимых десять человек.

Анатолий КОЧАНОВ

БУДЕТ ЛИ РАСТИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ?

В конце 2013 года со ссылкой на министра здравоохранения РФ Веронику Скворцову Lenta.ru сообщила, что для женщин достигнут самый высокий показатель средней продолжительности жизни за всю историю страны – и советскую, и постсоветскую – 76,5 лет, но «у мужчин ниже, но движение в лучшую сторону идет более быстрыми темпами, чем раньше». Россия в этом рейтинге выглядит вполне прилично и занимает 12-е место среди 81-й страны.

За последние 20 лет – с 1994-го по 2013 годы средняя продолжительность жизни в стране выросла более чем на шесть лет или на 9,4 процента. Такие данные приводятся и независимым Центром социальной экономики.

Так, например, в Эстонии, за те же 20 лет срок жизни увеличился на 15 процентов, в Турции и Латвии – на 13 процентов. Следующими идут Сингапур, Южная Корея, Индия.

Социальное благополучие россиян связано с увеличением реальных доходов и улучшением уровня жизни, что, по мнению аналитиков, является результатом восстановления экономики и подорожания нефти. Но, несмотря на довольно щадящее по сравнению с Европой, но неуклонное подорожание табачных изделий в РФ, по последним данным, в России курят 59 процентов мужчин и 24 процента женщин старше 15 лет.

С начала года минимальная цена пол-литровой бутылки водки поднялась до 200 рублей. Но, несмотря на это, среднестатистический россиянин выпивает более 16-и литров чистого спирта в год. Как следствие, по данным аналитиков, – мужская смертность. Разница продолжительности жизни мужчин и женщин – 18,8 процента. Позади только Белоруссия.

Что же может способствовать дальнейшему росту продолжительности жизни?

Директор Института демографии НИУ ВШЭ Анатолий Вишневский предлагает с осторожностью употреблять термин «дальнейший рост». По его мнению, взятый за точку отсчета 1994 год – едва ли не самый провальный на территории бывшего СССР. Фактически же ныне мы вернулись к 1964 году, когда в стране были примерно такие же показатели.

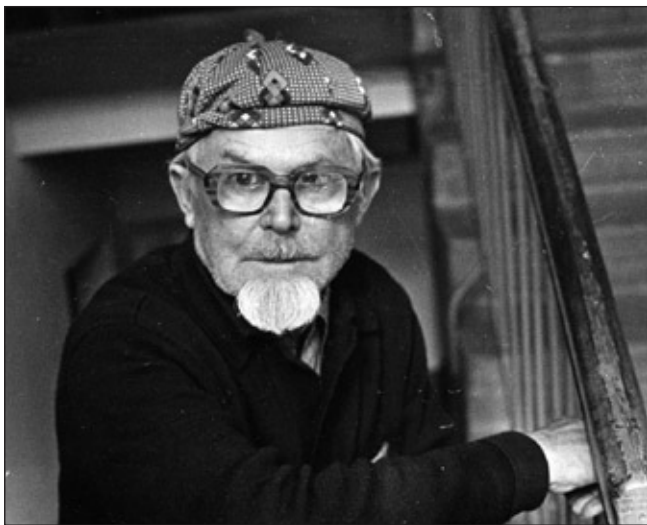
Потом они стали быстро ухудшаться и улучшились вновь к 1987 году.

Первоочередные меры, которые требуются для роста продолжительности жизни россиян, давно известны. Это – борьба с алкоголизмом, а в последние десятилетия и с наркоманией, пропаганда вреда курения. Но все это не отменяет необходимости увеличения финансирования здравоохранения, куда входит и профилактика заболеваний.

Как отмечалось в моей статье «Все-таки в демографии главное – здоровье» («Информпространство», №184), если бы нам удалось справиться с двумя главными бедами – высокой смертностью от внешних причин и сердечно-сосудистых заболеваний, РФ резко поднялась бы в мировых рейтингах продолжительности жизни. К тому же, по мнению экспертов, если сделать общедоступным современный уровень здравоохранения для большинства граждан, многие россияне могли бы жить до ста лет и даже дольше...

Павел НЕРЛЕР

РАЗОБЛАЧЕНИЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ, ИЛИ ПРО ЧЕТЫРЕ ВЕДРА ПОМОЕВ

Юрий Моисеенко. Фото П. Костромы

Я воюю кривду...¹
(Парафраз)

1

Увладивостокского краеведа Валерия Маркова – «*бывшего секретаря комсомола... ушедшего в свое личное мандельштамоведение как в монашество*»² – неоценимые заслуги перед теми, кому дорог Мандель-

¹ Парафраз фразы Ю.И. Моисеенко (см.: Нерлер П., Поболь Н. Сосед Мандельштама по нарам. Юрий Моисеенко — о поэте: «Умер от сыпняка», о себе: «Я воюю правду...» // НГ. 2011. 28 ноября, с.6-7).

² Битов А. Колина страничка // Собеседник на пиру. Памяти Николая Поболя. М., 2013, с.94.

штам. Во-первых, это краеведческие разыскания и первые сведения о пересыльном лагере, в котором поэт умер; во-вторых, приблизительная локализация той братской могилы, в которой и мандельштамовские косточки должны бы лежать. И это он привез на 100-летний мандельштамовский юбилей горсть владивостокской земли с места его могилы и бросил ее 19 января 1991 года в снег на могиле Н.Я. Мандельштам на Старокунцевском кладбище – запоминающийся жест.

В статье «Очевидец», опубликованной в 13-м выпуске Тихоокеанского альманаха «Рубеж»³, он – впервые систематически – называет свои источники к первому и излагает ход рассуждений, приведших ко второму и третьему. Все это прямая поисковая и созидательная работа исследователя-краеведа – честь и хвала.

Но на этот раз Марков взялся за перо, увы, совсем для другого – чтобы разоблачить, чтобы вывести на чистую воду, чтобы сорвать маску с одного из важнейших свидетелей последних недель мандельштамовской жизни. Мало того, все предыдущие свои труды и достижения Марков считает не более чем «увертюрой-прелюдией» этого разоблачительного сеанса, аттестуемого им как «новый этап исследований, вызванных явлением очередного (не знаю – какого по счету) очевидца смерти поэта». В другом месте он пишет, что, получая очередную справку, «разоблачающую» Моисеенко, он готов был «плакать счастливыми слезами», в третьем – что готовился к этому сеансу-бенефису в «Рубеже» больше 20 лет.

Поздравления! Жизнь, наконец, удалась!..

Юрий Илларионович Моисеенко оставил свои свидетельства в форме писем, аудио- или печатных интервью. Нас, расспрашивавших его о Мандельштаме, было всего трое – Эдвин Поляновский, Николай Поболь и пишущий эти строки (впрочем, он давал интервью и местным корреспондентам). Моисеенко уже нет в живых, умерли и двое из его собеседников. Посему считаю себя просто обязанным отложить все дела и вступить за честь опороченного Марковым честного человека и замечательного очевидца.

Свой опус Марков, кстати, так и назвал: Очевидец. Без кавычек. Но все его содержание – это набрасывание этих липучек-«кавычек» на Моисеенко – как на лже-свидетеля.

Оспаривая достоверность свидетельств Моисеенко, Марков не смущается повторять совершенно бредовые истории о смерти, слышанные им в начале своего «романа с Мандельштамом» (автохарактеристика): «Краевед и знаток литературной истории Приморья Сергей Иванов, сам побывавший в шкуре «врага народа» и отсидевший свой, к счастью, – небольшой срок, под

³ Марков В. Очевидец. К 75-летию гибели Осипа Эмильевича Мандельштама. Документально-историческое эссе // Рубеж. Тихоокеанский альманах. Вып.13. Владивосток. 2013, с.202-231.

большим секретом поведал о том, что Мандельштам был убит уголовника-ми, когда находился в пересыльном лагере. Его тело было расчленено на части и уложено в четыре ведра. Затем, от других людей, довелось слышать разные варианты этой легенды, и во многих фигурировали эти страшные «четыре ведра». Откуда такая расцветка смерти поэта – не знаю».

Так же, ничем не моргнув и ничего не фильтруя, он вводит в научный оборот версии о Мандельштаме в психзоне под Сучаном и об идиллической старушке в селе Черниговке, с которой Мандельштам коротал свои последние дни: *«Очевидцы утверждали, что своими глазами видели покосившийся крест на могиле поэта с полуистертой надписью «О. ...штам». Однако эти сведения оказались неподтвержденными».*

Ведь ценнейшие какие сведения, ну и что, что не подтвержденные! Осталось только доискаться, эмалированными ли были ведра и не Ариной ли Родионовной звали старушку?..

Мне, кстати, приходилось встречать мандельштамовских лже-свидетелей: безобиднейшие люди. К прочитанному рассказу Эренбурга или, в лучшем случае, Надежды Яковлевны они прибавляли от себя всего пару фраз: всегда – о том, как Мандельштам умер у них на руках, и, через раз, вторую – что именно он, умирая, успел произнести в их адрес напутственное. На несовершенный залог, – то есть не на «умер», а на «умирал» с подробностями – фантазии или решимости уже не хватало.

А тут наглый враль Моисеенко, натискавший целый «рöман» детализированных фантазий, к тому же подтверждающихся и мемориальной базой данных, и другими свидетельствами: все учел, все предусмотрел этот хитрован из Осиповичей!

Впрочем, и Марков не прост. Потому и мечет свой томагавк не во все, что сообщил Моисеенко, а только в часть. Он не оспаривает того, что Моисеенко был в лагере осенью 1938 года и в сибирских лагерях весной 1939 года, не оспаривает он и его знакомства с поэтом. Та малость, которую он пыжится доказать, – лишь в том, что с начала декабря 1938 года и по апрель 1939 года Моисеенко был не на Владивостокской пересылке, а на Колыме. А в таком случае – ура! – смерти Мандельштама Моисеенко видеть никак не мог, так что никакой бани с прожаркой не было, – что и требовалось доказать!

Мне лично довелось переписываться и даже разговаривать с тремя очевидцами – Крепсом, Маториным и Моисеенко. Крепс и вывел меня на Маторина, не переставая нахваливать его как свидетеля (а я направил к нему и Маркова), а о Моисеенко тогда еще никто не знал. Старые эзки Моисеенко и Маторин, прочитав о Мандельштаме друг у друга, явно не-

долюбливали свидетельства друг друга, оба возбуждались и отмечали то, в чем, по их мнению, ошибается другой, но ни один не говорил о другом, что он лжец или самозванец и не позволял себе того, что Григорий Померанц называл «пенной на губах».

А вот Марков – позволил, и на губах его одна только пена, а у читателя вместо лебединой песни – только шипение пенящейся пустоты...

2

Свое наступление Марков повел сразу с двух сторон – с риторической и с исторической.

Сначала о риторическом заходе. На протяжении многих страниц – выморочные попытки разоблачения «лжи». *«Самое главное, – покоя не давало смутное ощущение того, что кроме ошибочных сведений, герой-прозелит что-то скрывает, не договаривает...»*. Таких фразочек в «Рубеже» – десятки!

Но после такой арт-риторической подготовки так и ждешь, что теперь Марков-историк добьет своего «героя-прозелита» неотразимо убийственными аргументами.

Что ж, слово Маркову-историку!

Составленный им каталог прегрешений Моисеенко против правды-матки не так уж и длинен.

Во-первых, говорил, что прибыл в лагерь 15-го, а на самом деле 14-го октября. Во-вторых, говорит, что срок у Мандельштама 10 лет, а на самом деле 5. В-третьих, грубейшею ложью является утверждение, что до самой смерти поэт оставался в подаренном Эренбургом, желтой кожи, пальто.

Ну и, в-четвертых и в-пятых, Моисеенко утаил, что плыл на «Джурме» в Нагаево и что зиму 1939 года провел на Колыме: в начале декабря 38-го года – туда и в апреле 39-го – обратно! Так что смерти мандельштамовской не видел, ври да не завирайся.

К Нагаево и Колыме мы еще вернемся, а сейчас напомним о феномене аберрации памяти, то есть о первых трех обвинениях.

Воспользуемся для этого теми пассажами, где Марков поминает лично меня или мои работы. Так, он пишет, что я приезжал во Владик с телевизионщиками в 1989 году и что нас якобы не пустили на территорию экипажа – бывшую лагерную. А я помню это иначе: дело было в 1990 году (фильм вышел на экраны 15 января 1991 года), и нас за ворота пустили, но только двоих и без камеры. Марков тогда уверенно показывал мне свои краеведческие реконструкции местонахождений – и 11-го барака, и больнички, и карьера, и места братской могилы (но

это уже снаружи). Мое второе посещение экипажа состоялось в 2006 году, и с нами был Коля Поболь. Третьего визита не было.

Итак, двое участников одного и того же события утверждают о нем весьма разное. Проверить, кто из них прав, в данном случае не очень сложно. Но, кто бы прав ни оказался, его «правота» вовсе не означает, что другой, тот, кто не прав, – лжец. Просто одного из нас, а может быть и обоих, подвела память, поскольку мы, слава Богу, не в состоянии удерживать все детали в их доподлинности бесконечно долго. Это, собственно, и называется «абберацией памяти», – и это не болезнь и не злой умысел.

Когда Моисеенко упорно говорит о наличии на умирающем Мандельштаме желтого кожаного пальто Эренбурга, а другие помнят иначе и даже говорят, что это пальто уже давно было украдено или выменено Мандельштамом на сахар, тут же у него и украденный, то все это более чем возможно, но все это тоже абберации памяти. Если всем сообщающим об утрате поверить, то нарядов у поэта был целый гардероб – тут и бушлат, и телогрейка, и пиджак, и даже тулуп, и зеленый френч, но ни один наряд не совпал в памяти разных людей хотя бы дважды. Усомнился бы я и в готовности находящегося в ГУЛАГе и не отличающегося богатырским здоровьем Мандельштама обменять накануне или в разгар зимы единственную теплую вещь на десерт.

Лично для меня убедительнее остается версия Моисеенко, сообщающего такую яркую, такую доподлинную деталь, какую невозможно придумать: пальто не взяли в прожарку из-за того, что оно кожаное (и, наверное, обработали иначе, например, сулемой). Вполне возможно, что у Мандельштама было не пальто, а тулуп (с кожаным верхом), полученный в больнице, когда поэт оказался в ней в первый раз.

И сколько бы Марков и загадочная фрау Кухарски из Вены не ахали и не охали, цена таким «доказательствам» – грош. Доказать тут ничего нельзя, можно только допустить.

Оспаривал Марков и самый факт хождения в баню и на прожарку. Мол, холодно и далеко. Но когда и кого это в ГУЛАГе останавливало? Новые свидетельства, – в частности, Моисея Герчикова, сообщающего, что Израиль (Сергей) Цинберг, скончавшийся наавтра после Мандельштама, умер именно после похода в баню, – прекрасно согласуются с моисеенковскими⁴.

Обратимся к центральному марковскому аргументу – к путешествию Моисеенко на Колыму. Сам Моисеенко, правда, упорно о себе думает, что в январе-феврале 1939 года переболел тифом и оглох, после чего в апреле и был сактирован в Мариинск. По Маркову – все иначе: Моисеенко заброси-

⁴ См. подробнее в: *Нерлер П.* В одиннадцатом бараке. Последние одиннадцать недель жизни Осипа Мандельштама. Попытка реконструкции // *Новый мир.* 2014. № 4, с.155-187.

ли в начале декабря последним в 1938 году трюмом в Нагаево. Моисеенко видимо был там настолько позарез нужен, что даже карантин по тифу, объявленный на пересылке со 2 декабря (и закончившийся 26 декабря, как и полагается, прожаркой вещей и бараков) не остановил ни его собравшихся у причала работодателей с цветами в руках, ни его биографа Маркова с лупой и календарем. Марков Моисеенке на Колыме уже и местечко получше подобрал, где тот коротал бы эти месяцы: больнично-санаторного типа лагерь «23-й километр». Но даже на таком курорте как Колыма приморский тиф, видимо, полностью не прошел, или же с Моисеенко произошло что-то еще, но магаданские гуманисты возьми да и верни его в апреле 1939 года с благодарностью сначала на материк, на пересылку, а оттуда, уже не мешкая, в Мариинск – столицу Сиблага⁵.

Ну хорошо, пройдем и мы вслед за Марковым по стопам биографии Юрия Моисеенко.

Марков охотно раскрывает свое «досье на Моисеенко», цитирует в полном объеме свою переписку с различными инстанциями. Он договаривается до того, что официальное письмо из местного УФСБ называет, словно невесту, *«первой ласточкой, «сделавшей весну»* (sic! – П.Н.) *и пробившей лучиком света тайну очередного очевидца»*.

Что же до содержания досье – этой коллекции сушеных «ласточек», то бишь архивных справок, составленных на основании учетных карточек, – то все они говорят только об одном: 11 апреля 1939 г. Моисеенко отбыл из Севвостлага в Сиблаг (Мариинские лагеря). Пересылка во Владивостоке – такая же часть Севвостлага, как и золотые или оловянные прииски. И ни одна лучезарная справка не содержит ни тени намека на пребывание Моисеенко именно на Колыме – хотя бы на пол-часа. Ни одна!⁶

И напрасно Марков радовался сравнению с «почти идентичной» карточкой Сергея Королева. Он, кажется, даже не понял, что, приводя ее и текстуально, и факсимильно, предается забавам вдовы одного унтер-офицера. У Королева как раз Колыма указана, и очень конкретно. А вот у Моисеенко – не указана. И не по ошибке, а потому что он там не был.

Карточка Моисеенко – да, магаданская. Потому что архив всего Дальстроя, в том числе и владивостокской пересылки, – в Магадане, его столице, в информационном центре областного УВД. Там же, кстати, хранится и тюремно-лагерное дело Мандельштама.

Поисками же корабельной документации (наподобие эшелонной) Марков не озаботился.

⁵ Сиблаг, существовавший с 1929 и по 1960 г. Его столица перемещалась – то она в Мариинске, то в Новосибирске. С 28 февраля 1937 и по 29 июля 1939 – как раз в Мариинске.

⁶ Колымская документация содержала в себе, как правило, и указание на корабельный этап, которым ээка приплыл в Нагаево.

В одной из слетевшихся в досье ласточек-справок – из Томска – было написано: «Дело на заключенного было уничтожено 30 марта 1960 года по акту по истечению срока хранения». Прослезился или нет, но этого Марков тоже не мог упустить: *«Уничтожение дела во всеми справками, выписками и формулярами; в их числе документы о пребывании на Колыме, можно сказать – неопровержимыми уликами, возможно, и стало одной из перво-причин, побудивших Юрия Моисеенко сделать ложный шаг. Он достоверно знал об этом, не предполагая одного, что следы остаются... Как говорится: «ГУЛАГ не отпускает никогда...»*

Его не останавливает даже то, что Моисеенко, в отличие от Маркова, даже не подозревал о событии 30 марта 1960 года, столь возбуждавшем Маркова спустя почти полвека. Его не смущает даже то, что любезнейший ГУЛАГ, хотя и не отпускает никогда, но своих детей, в том числе и Моисеенку, о состоянии их делопроизводств, хоть оно и не вежливо, не извещает...

«Прямо шахматная партия», – говорил Мандельштам Ахматовой по поводу ее пушкиноведческих статей. Марков же, расставив шахматные фигуры, решил сыграть ими в «шашки-чапаевцы», прицельно выстреливая ногтем по беззащитной мишени.

Мазила!

3

Напоследок, уже завершая свое мелкодокументальное и совсем не историческое эссе, Марков пробует еще раз унижить поверженного Моисеенку – сравнением с другими, «ему подобными», лжецами: *«Но, как говорят в народе – «свято место пусто не бывает», – вплоть до настоящего времени появляются новые «очевидцы», с неожиданными, порой – совершенно нелепыми легендами».*

И тут же, в сноске – новый образчик, очередная легенда⁷: *«Автор приводит рассказ жителя г. Большой Камень Приморского края – Николая Иванушко. Будучи семи лет от роду, он, якобы из рук Осипа Мандельштама, получил записку, когда эшелон с невольниками переставивал на станции Партизан (ныне – Баневурово) Транссибирской магистрали на 9190 км от Москвы и в 79 км от Владивостока. В ней говорилось: «Меня везут на Дальний Восток. Я человек видный, пройдут годы, и обо мне вспомнят». И подпись: «Иосиф Мандельштам». Со слов очередного очевидца, автор указывает неверную дату этой встречи – «июнь-июль 1938 года». И еще,*

⁷ Приводится сноска на: *Калашникова Юлия. Незнакомец по имени... Мандельштам. «Дальневосточные ведомости», 2010, 31 марта.*

– поэт никогда не называл себя Иосифом; достаточно посмотреть его любой автограф – перед фамилией он всегда ставил «О» – Осип...»

Поправим биографа. Мандельштам родился Иосифом, и его еврейское имя еще долго сосуществовало параллельно с русифицированным «Осипом». То, что в легендарной записке стоит «Иосиф», не делает ее достоверной, но делает достовернее.

В сущности, мандельштамовским биографом Марков уже перестал быть. Он теперь биограф, точнее анти-биограф Моисеенко. А Мандельштам ему нужен лишь тогда, когда срабатывает рефлекс разоблачать Моисеенко.

Например, с датировкой «дня письма», отнесенной Моисеенко на начало ноября, до праздников. Но раз Мандельштам пишет в письме: «очень мерзну без вещей», а на улице в начале ноября было аж целых 10-11 градусов тепла, то есть бархатный сезон, то Марков возмущен: Моисеенко и тут заливает. Ну не мог Мандельштам мерзнуть без вещей в такую жару!..

А, может, Моисеенко и в ноябре не было на пересылке, а?..

...Все время спрашиваю себя о мотивации марковских сверхусилий по «разоблачению» части свидетельств одного из немногих последних очевидцев. Что за низкие, злобные комплексы, что за бесы толкали взрослого человека на такое странное, такое малосимпатичное и совершенно пустое занятие? Ревность и зависть к железнодорожному обходчику из белорусской глубинки, к ему, а не тебе доставшемуся «шквалу обрушившегося на него внимания», к «согретости и обласканности прессой и, практически, всемирной славе», к «зениту славы»?

Нелепые слова, ложные представления. Как бы жарко несколько сотен человек на Земле ни любили стихи Мандельштама, но в ООН вопросы его текстологии все еще не обсуждаются. Как и «физик Л.» и другие очевидцы, Моисеенко не только не искал «всемирной славы», но скорее побаивался своего намеренья открыться и рассказать то, что знал. В Осиповичах, в семье Моисеенко дело, по словам его дочери, происходило так: «...*Написать свое первое письмо о Мандельштаме побудил его мой брат Сергей. Так получилось, что я нечаянно застала конец их разговора. Папа был возбужден и говорил что-то возмущенно, я услышала только слова брата: „А если бы это ты, мой отец, не вернулся и я ничего не мог узнать о твоих последних днях!? Ты должен рассказать, что знаешь!“*. Дословно я, конечно, не помню, но смысл был такой.

Папа ничего не ответил, он просто замолчал, а до этого я слышала: „Не хочу, не хочу, не хочу“. Думаю, ему пришлось побороть себя, чтобы пережить все снова и снова»

Об авторе: Павел Нерлер (Павел Маркович Полян) – историк литературы, источниковед, писатель, историк, географ, председатель Мандельштамовского общества.

ЭССЕ

Ольга ПОТЕМКИНА

ЗАГАДКА «ШИНЕЛИ»

Повесть «Шинель» была опубликована в 1843 г. В сознании современников она завершала цикл «петербургских повестей» Гоголя (первые повести – «Нос», «Невский проспект», «Записки сумасшедшего» и «Портрет» опубликованы в 1835 г. в сборнике Гоголя «Арабески») и еще при жизни А.С. Пушкина. И хотя Гоголь не оформил «петербургские повести»

как особый цикл, он сложился сам и воспринимался как целое – с общей темой миражного города, города социальных контрастов: маленького человека и сильных мира сего.

«Маленький человек» – тип социально-психологический, это человек задавленный, ощущающий бессилие перед жизнью, и в то же время это винтик в системе, принадлежащий к официальной иерархии чинов и положений на общественной лестнице. Но он жив, он может ограничивать себя и в своей бедности, чтобы, как в случае с Башмачкиным, купить себе новую шинель. В России зимой холодно.

Повесть «Шинель» экранизировалась, шла на сценах театров. Проходит время, а внимание к повести Н.В.Гоголя не ослабевает.

Гоголь и Пушкин

Представиться Пушкину было для Гоголя одним из первых дел в Петербурге. Пушкину был тридцать один год, а Гоголю – двадцать один. К этому времени у Гоголя была готова первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Пушкин же был знаменит на всю страну. И сбылись мечты Гоголя – он обрел эту дружбу.

Пушкин почувствовал в Гоголе большой талант, и, хотя обычно не стремился к новым знакомствам, но с Гоголем подружился. В то время Пушкина вдохновляли предания старины, история пугачевского бунта, царствование Петра Первого, слава предков. Гоголь же был увлечен историей Малороссии и народными легендами, но ссылаясь на отсутствие достойных тем и высоких идей, которые бы его могли увлечь, на хандру и невозможность писать. В письме к Пушкину (1835) Гоголь пишет: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот... Сделайте милость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, будет смешнее черта».

В «Петербургских записках 1836 года» Гоголь жаловался на скудость репертуара современного ему русского театра, на засилье мелодрамы и водевиля на сцене, называл эти жанры «заезжими гостями» и сетовал на отсутствие настоящего русского комедийного репертуара.

Разжалобив Пушкина, он получил от него сюжеты комедии «Ревизор» и поэмы «Мертвые души». Эти вещи стали главными свершениями Гоголя. Пушкин, шутя, жаловался друзьям, что «хитрый малоросс украл» у него лучшие сюжеты. Успех комедии в Москве и Петербурге позволил Гоголю собрать деньги для поездки в Италию и Францию, о которой он давно мечтал. В Париж, из России пришла страшная весть: погиб Пуш-

кин. Гоголь был потрясен: мир остался без Пушкина, и сам он остался без Пушкина. Он писал друзьям: «Мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничто не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание».

Сборник «Арабески» объединял в себе первые повести и статьи по истории. Сам Гоголь отнесся к сборнику весьма самокритично. Наиболее ценными в «Арабесках» стали повести «Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего». Они и открыли собой серию «Петербургских повестей». К ним добавились «Нос», «Коляска» и «Шинель». По признанию многих авторов, повесть «Шинель» стала самым значительным произведением петербургского цикла. В черновом варианте «Шинель» была прочитана Пушкину в 1836 году. Закончил же ее Гоголь только в 1842-м. Петербургские повести стали особым этапом в творчестве Гоголя. О них напишут: «Странные, призрачные пейзажи Петербурга, обычная реальность расплывается, пуская в себя подполье... «Нос» – история расколотости человека, шутовского, бесовского двойничества, фантазмогоричности жизни. «Шинель» – развоплощение человека, его уход в небытие. «Портрет» – образцовая история о художнике и дьяволе. «Записки сумасшедшего» – сползание из обыденности в безумие. Странные вещи открывает в человеке Гоголь: убивающую скуку и пошлость, ведущие к бесовщине и ничто».

Перед отъездом Гоголя за границу у него вышла размолвка с Пушкиным, и он уехал, даже не попрощавшись с ним. Отъезд Гоголя стал не только воплощением его мечты, но и как выход от потрясений, от приема, оказанного его пьесе «Ревизор». Гоголь ощутил восстание против него всех сословий, как возмущение всей России: для него постановка «Ревизора» стала крушением всех надежд, почти личной катастрофой.

«Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины (письмо к Погодину от 15 мая). Сказать какую-нибудь только живую и верную черту – значит в переводе опозорить все сословия». И хотя Панаев, С. Аксаков, П. Вяземский утверждали, что спектакль Гоголя имел полный успех на сцене: общее внимание зрителей, рукоплескания, задушевный и единогласный хохот, вызов автора...

Но Гоголь ничего не видит и не слышит. Он спешит бежать за границу. Разбитый душой и телом, уезжает в чужие края «разгулять свою тоску». И перелом, действительно, наступает, ибо именно за границей у Гоголя родилось сознание, что он национальный русский писатель.

О повести «Шинель» Гоголя

Известно, что повесть «Шинель» возникла из «канцелярского анекдота» о бедном чиновнике, потерявшем свое ружье, на которое долго копил деньги. Первоначальное ее название было – «Повесть о чиновнике, крадущем шинели». Позднее из небрежной болтовни и фамильярности анекдота получился гротеск, в котором смех сменяется щемящей скорбью.

«Медный всадник» Пушкина и прозаическая повесть Гоголя, хотя и сильно отличаются, но во времена Гоголя их прочная связь была очевидна. И.С. Тургенев считал, что «Медным всадником» нельзя любоваться в одно время с «Шинелью». Три главных действующих лица поэмы – «маленький человек», государство и стихия в «Шинели» приобретают совсем другое соотношение: государство безжалостно к «маленькому» человеку.

Ничто в повести не случайно. Гоголь давал своим персонажам занятные имена и фамилии. Россия еще до Гоголя славилась прозвищами и кличками. Гоголь называет своего чиновника Башмачкиным за его малый рост и наивность ребенка. А имя Акакий Акакиевич связывают с именем Святого мученика Акакия, подвергнутого жестоким мукам и преданного суду за веру. Герой жития отличался особой мудростью, избегал светских развлечений, усердно трудился, не вступал в брак, жил в полном уединении, исполняя самую черную работу, не искал награды, по смерти совершал чудеса.

Имя Акакий – в переводе с греческого, не делающий зла. Башмачкин наречен Гоголем Акакием Акакиевичем, т.е. его нравственные достоинства как бы подчеркиваются упоминанием в имени дважды. Акакий Акакиевич становится символом кроткого, «маленького» человека, умеющего терпеливо сносить невзгоды и в то же время радоваться жизни. Налицо усиление имени посредством его повторения. Так наш герой не просто Акакий, но Акакий Акакиевич. Акакий Акакиевич же – это вдвойне кроткий.

В житиях святых чудо должно способствовать исцелению или нравственному перерождению – тому, чтобы глухой обрел слух, слепой прозрел, а грешник раскаялся, что происходит со «Значительным лицом» в «Шинели», который гораздо реже стал говорить подчиненным: «Как вы смеее...» и т.д.

«Шинель» для Гоголя стала вещью переломной. Здесь он впервые выводит героя, достойного сочувствия, несмотря на все его убожество. В предыдущих рассказах среда, губя людей, даже талантливых, опошляла. В «Шинели» она губит маленького и безобидного человечка, который становится жертвой не только нападения грабителей, но и бездушно-

сти чиновников. И только перед смертью Гоголь позволяет Башмачкину взбунтоваться, может быть впервые в жизни. А какая при этом реакция: «сквернохульничал, произнося самые страшные слова, так что старушка-хозяйка даже крестилась, отроду не слыхав от него ничего подобного». Автор разрешает ему «на несколько дней прожить шумно после своей смерти» и наказать обидчика.

«Шинель», по мнению Белинского, а потом и для критиков последующих поколений олицетворяла новый этап реалистического искусства. Это «гоголевское направление в литературе», обличительное, повествующее о драмах и трагедиях бедных людей. А герой Достоевского Макар Девушкин из «Бедных людей» увидел в «Шинели» безжалостное издевательство и плод холодного любопытства: «И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мне за это шинель кто-нибудь из читателей сделает что ли? Сапоги, что ли, новые купит? Нет, Варенька, прочтет да еще продолжения потребует. ...Из всего, что ни есть на свете, из всего тебе пасквиль сработают, и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, все напечатано, прочитано, осмеяно, пересушено!» Но литература и искусство этим не ограничились.

«Шинель»: экранизации и спектакли

В конце XIX века началась история кинематографа. За короткое время братья Люмьер обучили своему мастерству множество операторов. Было отснято более тысяч короткометражек. В Россию кинематограф пришел уже в 1896 году. Сначала он захватил Петербург, а затем овладел Москвой и другими городами России. А Акакий Акакиевич Башмачкин засеменял по мировому белому экрану.

Снятый в 1924 году в Германии фильм по мотивам повести Гоголя назывался «Последний человек» (в советском прокате «Человек и ливрея»). Это был немой экспрессионистский фильм режиссера Фридриха Вильгельма Мурнау. Операторская работа Карла Фройнда изобиловала экспериментальными приемами, многие из которых были использованы впервые. В центре сюжета – пожилой портье дорогого отеля. Он горд своей должностью. Высокий и крепкий мужчина в красивой форме с блестящими пуговицами внушал почтение и уважение. Но все меняется, когда его по возрасту переводят на другую должность. Все рухнуло: из уважаемого человека он становится посмешищем.

В конце фильма Мурнау делает неожиданный ход. На руках у старика, прислуживающего в туалете отеля, умирает миллионер, завещавший все свои деньги последнему человеку, которого он увидит. На экс-портье сва-

ливается нежданное богатство, и он с триумфом уезжает из отеля, швыряя деньги в толпу. Неожиданный хэппи-энд продиктован решением компании UFA для коммерческого успеха фильма. Мурнау и его группа были раздосадованы решением, но сняли ироничную и малоправдоподобную сцену нежданного богатства.

«Шинель» Альберто Латтуада «пошита» на севере Италии в тридцатые годы XX века. Скромный служащий муниципалитета по имени Кармине де Кармине на свой скудный заработок не в состоянии приобрести новое пальто. Но случай заработать подвернулся, и он в новом наряде отправляется на встречу Нового года. Кармине, к явному неудовольствию мэра, танцует с его любовницей, а когда возвращается домой, грабители отбирают у него пальто. В полном отчаянии он просит помощи, но сталкивается с полным равнодушием окружающих, и, конечно, мэра. Кармине умирает от горя, но его призрак терроризирует горожан.

Фильм итальянского режиссера насыщен ассоциациями из сочинений Гоголя и Достоевского, которые особо популярны в Италии. Великих русских писателей помнят до сих пор. Во Флоренции есть площадь Достоевского, на домах, где жили и работали русские писатели, установлены памятные доски.

Режиссер А. Латтуада попытался передать гоголевскую интонацию, усиливая приниженность главного героя. Он вставляет некоторые отсутствующие у Гоголя эпизоды фильма – например, эпизод с похоронным кортежем, нарушающим торжественную церемонию открытия «нового исторического центра», усиливая мотивы повести.

Латтуада экранизировал произведения известных итальянских писателей. Режиссер поставил фильмы «Буря» (по «Капитанской дочке» Пушкина), «Степь» (по повести А.П. Чехова с Мариной Влади в главной роли) и «Собачье сердце» (по повести Михаила Булгакова). Но самый большой его успех был связан с «Шинелью». Режиссеру удалось сохранить дух первоисточника. В 1950 году Латтуада поставил совместно с начинающим в то время режиссером Федерико Феллини фильм «Огни варьете», дав ему, тем самым, путевку в большую кинокарьеру».

В России «Шинель» была экранизирована в 1926 году режиссерами Григорием Козинцевым и Леонидом Траубергом как «Киноповесть в манере Гоголя». Новаторский сценарий Юрия Тынянова стал вольной импровизацией по мотивам многих произведений писателя.

Л. Трауберг, Г. Козинцев и С. Юткевич в 1924 году организовали в Петрограде Фабрику эксцентрического актера (ФЭКС). Никому из будущих классиков советского кино не было в то время и двадцати пяти лет. Постановка «Шинели» как «Киноповести в манере Гоголя» стала этапной для ФЭКСа.

ФЭКС в то время находилась под сильным влиянием В. Маяковского и В. Мейерхольда, и все были полны надежд, открыты миру. Маленького мечтательного чиновника безнадежно вздыхающего о прекрасной Незнакомке в ореоле искрящихся снежинок сыграл Андрей Костричкин. Авторы фильма стремились сделать зримым не сюжет, а дух и сам стиль прозы Гоголя, явить на экране его мистический и, по сути, действительно эксцентричный мир. Из гуманистической повести о маленьком, обиженном жизнью человеке «Шинель» Гоголя была превращена в гротеск. Козинцева и Трауберга занимали не столько тема и идея будущей картины, сколько возможность стилизаторского эксперимента. Их увлекали поиски кинематографических параллелей странным образам и той ирреальной атмосферы, из которой был соткан сценарий «Шинели».

В фильме были заняты Алексей Каплер, Сергей Герасимов, Антонина Еремеева, Олег Жаков, Сергей Мартинсон, Янина Жеймо, Владимир Лепко, ставшие впоследствии кумирами отечественного кино.

«Шинель», как вспоминал позже Козинцев, во многом изменила характер фэксовской режиссуры. Постановщики фильма овладевали искусством трансформации чисто словесной ткани в безмолвное действие. Каждая деталь гоголевских описаний, как считали режиссеры, вполне могла быть пантомимически перенесена на экран. Драму бедного чиновника важно было заострить до такой степени, чтобы она стала обвинением в бесчеловечности. Канцелярия, где служит Акакий Акакиевич, напоминают тюрьму: страшные самодовольные улыбки, скрип перьев, унылое однообразие столов, а под громадой бумаги исчезает жалкая фигурка чиновника.

В фильме преобладают сцены ночи, царствует тьма. Она сгущается и прорезается лучами. Одиноко светится окно как символ какой-то неясной беды. И вот темная площадь, на которой бандиты отбирают у Башмачкина шинель. Воры идут на Башмачкина с нескольких сторон – от них не скрыться.

Несчастье произошло. Статуя на роковой площади грозно и устрашающе возносится ввысь. Сфинксы на набережной преображаются в жуткие химеры, впиваются слепыми глазами в несчастного Башмачкина. Последние минуты жизни символизирует догорающая свеча. Графичность фильма усиливается игрой актеров: каждый жест отработан, зафиксирован, монументален.

Семящая походка, застывшая на лице тоскливая, недоумевающая улыбка сменяется доброй, когда он глядит на новую шинель, а в сцене, где его распекает Значительное лицо, согнутая фигура Акакия Акакиевича приобретает унижительную позу «вопросительного знака» с подгибающимися коленями и сгорбленной спиной. Для усиления мотивов придавленности

Акакия Акакиевича Москвин снимает его сверху, а Значительному лицу придается пугающая монументальность тем, что съемки ведутся снизу. И вот убитый горем Акакий Акакиевич тихо скончался в своей коморке.

Съемка и монтаж «Шинели» стали новаторскими для молодого русского кинематографа. Удалось сломать многие устоявшиеся приемы. Яркая выразительность гоголевского сюжета была успешно достигнута. Но фильм был встречен шквалом ледяного ветра, которым общественность обрушилась на его создателей. И в каких грехах только не обвиняли молодых авторов.

Небольшая повесть Гоголя о маленьком несчастном человечке стала востребованной и на сценах известных московских театров. По выражению одного из театральных критиков, «Шинелей» на московских сценах набирается на целый гардероб. «Современник», МХТ им. А.П. Чехова, «Зачем вы меня обижаете?» Бориса Морозова в Театре Армии с Федором Чеханковым. «Театр-студия 21» В.Мирзоева решились на весьма рискованную постановку хрестоматийного произведения.

Первый спектакль на новой сцене театра «Современник» ждали с нетерпением. Выход замечательной актрисы М. Нееловой в роли Башмачкина – одно из самых неожиданных событий в театральной жизни Москвы.

Для спектакля нужен был актер невероятно гибкий и пластичный не только в физическом, но и в психологическом плане. Оригинальная пантомима в графичной манере, цирковой аттракцион роли Марины Нееловой в петербургских джунглях, швейная машинка портного Петровича и гигантская шинель на сцене создают мощное эмоциональное напряжение.

Спектакль «Шинель» завершается катаклизмом – вселенским потопом, наводнением, возмездием, покрывающим город, где обидели маленького беззащитного человека.

«Меня интересует граница между реальным и нереальным, – так определяет свой режиссерский метод сам Фокин. – Это состояние сознания, которое трудно сформулировать словами. Это не сонное состояние и не наркотическое. Меня интересует вот эта середина, когда сон еще не закончился, а уже наступает рассвет».

Приступив к репетициям, режиссер категорически заявил: «Копаться в несчастной истории чиновника, которого затравили коллеги, я не хочу». За скобками остались все бытовые подробности, столь любовно выписанные Гоголем. На сцене красуется пластиковый задник, на котором проектором рисуется хоровод белых снежинок (художник Александр Боровский). От персонажей остались потусторонние голоса. И теневые картины, сделанные Ильей Эпельбаумом (портной Петрович изображен гигантской тенью швейной машинки, а очень важное лицо – силуэтом дворца). Наконец, на сцене снуют черные фигуры, изображающие inferнальные силы.

Нельзя не отметить, что у Башмачкина в исполнении Нееловой есть родственник: герой «Шинели» Юрия Норштейна. Внешне они похожи настолько, что сходство не кажется случайным.

Гоголевский текст «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его никогда и не было» произносится где-то за сценой с интонацией священника, отпевающего покойника. Валерий Фокин не стал рассказывать фантастическое окончание истории про бродячего мертвеца, сдирающего по ночам с чиновников шинели.

М. Неелова рассказывала, что в «Шинель» вошла случайно, и началось все с шутки у Юрия Роста. «Я, как всегда, ... с вечным вопросом: «Что играть?!». Он, как всегда, почти меня не слушая, но слыша, сказал: «А что бы тебе не сыграть «Шинель» Акакия Акакиевича?». Я чуть не упала, задыхнувшись от дерзости, восторга, потрясения... С того момента я стала мечтать». «Я всегда испытывала невероятное сострадание к нему: к Акакию Акакиевичу – маленькому и несчастному, но вдруг мне стало казаться, что для его счастья нужно так немного: любимые буквы – счастье, пробуждение – счастье, тепло и луч солнца, и когда никто не мешает – тоже счастье, а написание фразы – как подарок и рождение музыки.

МХТ имени А.П.Чехова не смог обойти гоголевскую тему маленького человека. Антон Коваленко поставил спектакль «Шинель – городская легенда» с Авангардом Леонтьевым в главной роли. Роль портного Григория Петровича играл Валерий Хлевинский. По атмосфере спектакль задорный и хулиганский, с танцевально-музыкальными отступлениями и вниманием к эпизодическим персонажам. Из петербургской метели появляются жуткие маски. По сути – это вполне традиционное прочтение повести «Шинель» драматическим театром, когда на исполнение роли Башмачкина есть идеальная кандидатура – мастер сцены Авангард Леонтьев, чья актерская индивидуальность буквально создана для воплощения классических персонажей Н.В. Гоголя. Еще одним, может быть, даже главным, действующим лицом спектакля становится мир вещей. Он лаконичен, но необыкновенно значим. Чинно восседает за легендарным «Зингером» портной Григорий Петрович. Будто не швейная машина служит ему, а он – машине, ведь именно благодаря ей получается настоящая вещь.

Разумеется, главным предметом жизни становится ее величество Шинель. Над Новой сценой МХТ им. Чехова парят сразу три огромные шинели, между которыми то и дело шныряют коллеги Башмачкина по департаменту. И как только ловчачу удастся влезть внутрь одной из них, то он тут же превращается из мелкого чиновника в Значительное лицо. Горемыка Акакий Акакиевич тоже хотел стать значительным лицом благодаря своей шинели, но этому не суждено было случиться.

«Театр-студия 21» представил пьесу екатеринбургского драматурга Олега Богаева, написанную по мотивам гоголевской «Шинели». Премьера спектакля состоялась в «Открытой сцене» на Поварской улице в 2008 году. В спектакле были заняты бывшие вгиковские студенты известного режиссера Владимира Мирзоева. В главной роли Евгений Стычкин и молодой актер Захар Хунгуреев.

Точнее сказать, в этом спектакле именно Шинель – главная героиня. Она ожила и бродит по Петербургу в поисках утраченного хозяина. По мнению критиков, постмодернистский спектакль В.Мирзоева блуждает по закоулкам нашей культурной памяти, сдобрен эзотерикой, восточными единоборствами, цитатами из русских религиозных философов. Получился тотальный эксперимент. Виновница нового театрального колдовства – гоголевская «Шинель». Сшитая из белого сукна Шинель сулит беду каждому, кто будет с ней связан. Персонажи уходят из жизни один за другим, смерть их насильственна. В спектакле нашлось место и сценам, напоминающим композиции Брейгеля и Босха. Действие переносится то в доисторические времена, то в предреволюционную эпоху, то в наши дни, то в смутное будущее.

Башмачкин у В.Мирзоева не скучный чиновник, а простодушный ребенок, знающий в жизни только добро и игру. Ему ничего не стоит превратить чугунный чайник в телефонный аппарат. Или увидеть на дне кружки то, что для других невидимо. К злой, циничной действительности он не приспособлен. Но присутствие таких «маленьких людей» делает мир теплее.

Действие пьесы начинается там, где у Гоголя оно заканчивается. Шинель, из которой начинают «выползать» руки актеров, и шепот, крики, причитания создают эмоциональную атмосферу, температуру напряженности спектакля. Утраченная шинель – украденная душа. Башмачкин умирает в бреду, ища свою душу (шинель), она же, наконец, отыскав его сама, закрывает ему глаза. Вопросы, поставленные в спектакле, вечны. Добро-зло, любовь-ненависть, власть-подобострастие, жизнь-смерть... В гоголевской шинели, прежде всего, трагедия маленького человека.

Шинель в своем путешествии повсюду натывается на зло, и, как лакмусовая бумажка, проявляет его. Грехи человеческие выходят на свет в ее присутствии. Может быть, она проводник Божьей воли? Когда Башмачкина и Шинель разлучают, между ними образуется некая пропасть, в которую проваливается весь остальной мир.

По спектаклю Мирзоева, сюжет строится на том, что в то время, когда Башмачкин мечется в предсмертной горячке, вспоминая украденную шинель, сама Шинель в поисках хозяина бродит по Петербургу, принося несчастье всем, кто хочет ею завладеть.

К концу пьесы Акакий Акакиевич в исполнении Евгения Стычкина, произнес, глядя на зрителей: «Ну, не знаю, чем вас еще занять». И возрастает жалость к этому маленькому человечку. Шинель же ожила и бродит по Петербургу в поисках утраченного хозяина. По дороге ей встречаются представители разных сословий – от дворника-татарина до государя-императора. И всех она сумела запугать, всем принесла зло, многих умурила. Хозяин Шинели Акакий А. Башмачкин страдает в разлуке и не находит себе места. И спектакль разыгрывается в ярком фонтанирующем, «танцующем» стиле.

А. Баталов и Ю. Норштейн: встреча двух «Шинелей»

24 апреля 2013 года в Центральном Доме литераторов состоялся уникальный творческий вечер А.Баталова с Ю.Норштейна «Секрет «Шинели»». «Шинель» - особая веха в творческом пути как А.Баталова, так и Ю.Норштейна.

Однажды мне позвонил Алексей Владимирович и сказал, как я отнесусь к тому, чтобы нам с ним совместно выступить,- рассказывает режиссер Ю.Норштейн. Я даже не стал спрашивать, о чем, на какую тему, я сказал «Конечно». А дальше он продолжил, что речь идет о Гоголе. О том, чтобы соединить две «Шинели», его «Шинель», которую он делал в качестве диплома (я не помню, это 1960-й год сейчас)...

Понимаете, для меня имя Баталова... Нас соединила не «Шинель», конечно, нас соединил «Ежик в тумане». Тогда он пришел в студию и читал текст от автора, читал божественно. Почему Баталов? Потому что я всегда, с тех пор, как я услышал впервые этот голос, я всегда считал вот этот голос каким-то, ну, лечебным. Он обладает лечебным свойством. И потом я где-то в шутку написал, что вообще голос Баталова надо разливать в аптечные пузырьки и продавать по рецепту. Еще хорошо его голос записывать где-нибудь для туберкулезного диспансера, чтобы там слышали подлинное. Вот такая у нас с ним идея.

Ю.Норштейн считает, что с Алексеем Баталовым их объединяют моменты, очень важные для обоих. И на первое место Норштейн не ставит актерский талант. Он считает, что есть более высокий талант – это талант человеческий, когда истинная любовь совмещается в одно целое. Вот этим обладает Баталов Алексей Владимирович.

А. Баталов вспоминая о работе над своей «Шинелью» (1959), рассказал о том, что на съемках он встретил самых лучших своих друзей...

Фильм «Шинель» А. Баталова по праву занял свое место среди шедевров отечественного кинематографа. Когда А. Баталов, уже будучи любимым всей страной артистом, приступил к режиссуре, то выбор пал на «Шинель». И его не смущало то, что уже существовало несколько версий.

И все сошлось воедино: блестящий актерский состав, великолепно выстроенный сценарий, замечательная режиссура, и экранизация «Шинели» Н.В.Гоголя становится классикой мирового кино.

В фильме зрители увидели великого актера Юрия Толубеева, игравшего портного Петровича. Даму легкого поведения сыграла Нина Ургант. Но гвоздем всего фильма был, безусловно, Ролан Быков. Его восхитительная игра приводила в восторг зрителей. После фильма он «проснулся знаменитым». Р. Быков долго ждал этой роли. Судьба настойчиво вела его к воплощению героев Гоголя. Когда Ролану Антоновичу было четырнадцать, он взял под мышку книжку и сказал: «Когда-нибудь я это сыграю». Это была «Шинель». И вот в неполные тридцать лет, он получил заветную роль в экранизации произведения любимейшего автора.

Сохранилась маленькая коричневая тетрадь – дневник, который вел Р. Быков в дни работы над любимейшей ролью гоголевского Башмачкина. Из дневника видно, как трудно снимался фильм. Споры, пробы разных вариантов, долгий грим, регулярные возвращения в Москву на спектакли ТЮЗа и снова Ленинград.

«Баталов мне нравится, – пишет Р.Быков. И, пожалуй, больше всех, с кем приходилось встречаться в той или иной работе. Он явно талантлив и умен, с хорошо устроенной головой. Своеобразен, глубок и как-то по-настоящему интеллигентен... Наши мысли совпадают, он многое принимает, почти все. Возражает толково, переубеждая, – со мной такое первый раз. Ни разу я не встречал серии таких обоснованных предложений и возражений. Слава Богу, есть с кем работать!»

Фильм «Шинель» А. Баталова вышел на экраны в 1959 году. Вспоминаю, что поклонники традиционного взгляда на классику были в шоке. ...Чиновник Башмачкин – это же не просто человек и даже не персонаж. Это знак, это гоголевское представление о человеке, не соответствующее никакому унылому реализму. Поэтому воспитанник вахтанговской школы молодой Быков, единственный в своем роде, был здесь на месте...». В этом фильме создателям удалось донести самую суть гоголевского произведения. Суть эта заключена в одной единственной фразе – «Се, Человек». Не ничтожное, забытое существо, не образчик социальной несправедливости, но *живая душа*, брат наш, чей жалобный укор, к нам обращен. «Шинель» в фильме А.Баталова – это концентрированная человечность.

В руках Баталова была классика на все времена, и отступать было и некуда, и некогда, потому что его дипломный фильм должен занимать не более 20-и минут. Но Алексею Владимировичу и его замечательному коллективу удалось все сделать «По гамбургскому счету». Фильм выглядел как классическая экранизация, и в то же время яркая фантазмагория из «прошлой жизни», которая как раз тем и обаятельна, что похожа на миф, настоящую городскую легенду.

Ролан Быков играл не несчастного, забитого «маленького человека», как тогда говорили. Нет, «маленьких людей», по твердому убеждению Быкова, не существует. Он играл человека счастливого, умеющего радоваться самой малости. В решении, предложенном Быковым, Акакий не просто копил деньги на новую шинель взамен износившейся, но видит шинели возможность новой жизни, ее полноты и счастья. Вот отчего ограбление для Акакия не просто горе бедного человека, но невозможность жить дальше. У него нет семьи, друзей, родных; он дружит со своими буквами, что старательно и любовно выводит в департаменте.

Режиссер и актер остались верны букве повести, сняли этот фантастический, символический конец. Быков в этой сцене – страшен. «Дело мое – душа, и прочное дело моей жизни». «Не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а, не полюбивши своих братьев, не разгореться вам любовью к Богу, не спастись вам».

Картину «Шинель» купила Англия. Ее премьера совпала с гастролями МХАТа в Лондоне. Рядом с рекламой театра висела афиша фильма с надписью, что в картине играет лучший актер МХАТа. Кто-то из дирекции возмутился: «Этот актер никогда не работал в нашем театре». Ответ был: «Неважно. Это хорошая реклама вашему театру».

В 1981 году Норштейн начал работу над фильмом «Шинель» по повести Гоголя, но фильм не закончен и по сей день. Работа движется, но с огромными перерывами, иногда по несколько лет. Фильмы Юрия Норштейна создали ему славу открывателя небывалых, гениальных пространств в анимации, а его работа над «Шинелью» изменила представления не только о мультипликации, но и об искусстве в целом, да, собственно, и о жизни...

Анимационный фильм «Шинель», если можно провести такое сравнение, напоминает усилия Антонио Гауди по созданию своего удивительного творения «Собор Святого Семейства», в которое архитектор вложил все свои силы, но храм не достроен до сих пор.

Сценарий писался с Людмилой Петрушевской. С тех пор журналистский вопрос «Когда вы закончите «Шинель»?» для Норштейна – постоянная пытка.

Фильм не только не завершен, он не приблизился и к середине. Однако, как это ни покажется странным, в этой незавершенности есть некая завер-

шенность. Давно ясно, что Акакий Акакиевич – живой. Художник, режиссер, оператор – все уходят на задний план. Зритель остается наедине с человеком, чью судьбу описал Н.В. Гоголь. Зрителю смешно, больно, страшно, ему неловко – он как бы подглядывает за Акакием Акакиевичем. И этот так называемый «маленький человек» – оказывается громадным, бездонным – равным каждому из зрителей и неповторимым, поскольку жизнь каждого человека единственна и неповторима.

Первые отснятые эпизоды «Шинели» посмотрел драматург Михаил Давыдович Вольпин. И был потрясен:

«Я вряд ли смогу объяснить, что хотелось бы выразить в этом фильме... Мне кажется, что «Шинель» вызывает чувство стыда. Стыда за то, что один человек не хочет понять чувства другого, переживания другого. И вдруг, когда он их понимает, ему становится стыдно за свою собственную жизнь... «Шинель» – генофонд человеческого стыда. Если даже представить на секунду некое идеальное человеческое общество, то мы не сможем жить без «Шинели», потому что иначе у нас исчезнет защитный рефлекс...»
«И, конечно, «Шинель» – она не впереди, не позади, она над нами, внутри нас...»

Потрясены были и все члены худсовета киностудии – Борис Степанцев, Иван Петрович Иванов-Вано, Лев Константинович Атаманов, Леонид Шварцман, Роман Качанов, Вадим Курчевский. Весь цвет отечественной анимации...

«Акакий Акакиевич поселился во мне со всеми своими слабостями и удовольствиями. Со всеми вшами, почесываниями, позевываниями, – признается Норштейн и не перестает повторять: – Это не образ. Точнее, это уникальный образ. Это просто живой человек. И фильм – о рождении, жизни и смерти... Если он все-таки будет когда-нибудь...».

«Шинель» – величайшая притча, глава, не вошедшая в Библию. Такой подход освобождает от желания каждую запятую переносить на экран... От буквокопательства... «Шинель» невероятно трудна для кино. Предвидя все катастрофы, ожидающие нас впереди, вряд ли затащил бы себя на эту территорию. Но что делать? Двигаться можно только вперед. Слева – скала, справа – пропасть. Развернуться бы, да тропа узкая. Остается одно – вперед. И конца дороги не видно...»

«Есть вещи, которые живут только в тексте, только в этом слове, только в этой строчке и не разворачиваются в изображение, – продолжает Ю. Норштейн. ...А изображение уже материально, и это всегда страшно, это всегда новая материя, отделившаяся от текста, летучая, рвущая с ним прямые связи. Нужно соединить в гармонии литературный текст и киноизображение».

– Я пережил ужас от фразы Акакия Акакиевича: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» «Обижаете» может сказать только ребенок, но не взрослый человек, и в детстве эта несочетаемость героя и слова поразила меня больше, чем история с воровством шинели и мертвым чиновником. Несочетаемость, неожиданность. И сквозь это проскакивает молнией абсолютная физическая достоверность. Я тогда на эту фразу снизу вверх посмотрел: как же у взрослого человека может быть обиженность? Это же моя фраза, это я могу к маме прийти и сказать: «Меня обидели». А ему-то пожаловаться некому...»

Отснятые эпизоды были показаны широкому зрителю. Даже незаконченный фильм удостоился наград. Он получил первую премию в Монреале на XV Международном конкурсе технических фильмов за материал к фильму и Большую золотую медаль Академии художеств художнику-постановщику Ф.А. Ярбусовой за эскизы к фильму. Норштейн так объясняет длительность работы над фильмом: «Когда мне начинают говорить, мол, как так, ты с *Шинелью* столько? Я не с *Шинелью*, я с жизнью столько. *Шинель* – это просто один из моментов. Я никому не смогу объяснить, что это такое».

Федор Савельевич Хитрук, классик мировой анимации, сказал о Норштейне и о его работе над «Шинелью»: «В этой простой сказочке он раскрылся как гениальный психолог. Мне хотелось, чтобы оценили Юру Норштейна как выдающегося, великого актера... Девятнадцать минут сделанного им отрывка «Шинели» войдут, уже вошли в историю анимационного кино. Он там так сыграл Башмачкина, как не сыграл бы и Михаил Чехов. Сыграл с помощью крохотных обрывков бумаги. У него гениальное актерское видение. Каждый раз, когда я смотрю «Шинель», на меня производит впечатление, как Акакий Акакиевич переливает тушь из пузырька в чернильницу. Ведь никаких чернил нет, есть только целлулоид, листочки бумаги. И Норштейн творит из них – нет, не иллюзию – правду существования данного момента».

Заключение

Творчество Н.В. Гоголя становится нам ближе. Тому свидетельства киноэкранизации и спектакли по гоголевской «Шинели». И оценки достоинств этих произведений многослойны и неоднозначны – во многом они порождены двойственностью самого текста повести Гоголя. Желая изобразить униженного обществом человека, он изобразил своего героя таким, что Чернышевский не без оснований назвал его «совершенным идиотом»: он даже не в состоянии выполнить простейшего служебного поручения, он может только переписывать. Даже говорить он почти не может: «Ака-

кий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения». Акакий Акакиевич трогателен и трагичен.

И действительно, Башмачкин, которому холодно и уже неприлично было носить старую шинель, вынужден отказывать себе даже в самом малом, мужественно снося все невзгоды. Он накопил-таки на новую шинель. Его пригласили на именины, на которых он расслабился и засиделся допоздна. Но коляски у него не было по бедности, и пришлось через весь Петербург идти ночью пешком. Город же полон жестоких людей, о чем не мог не знать Башмачкин. Грабители снимают с него шинель. И мы не можем не сочувствовать этому несчастному человечку.

Гоголь прибегает к фантастике в последнем эпизоде своей «Шинели», чтобы показать несправедливость мира, его бесчеловечность. И только вмешательство потусторонней силы способно изменить подобное положение дел. Гоголь был идеалистом, разделявшим взгляды Шиллера на преобразующую мир силу искусства. Он верил в то, что искусство может творить чудеса.

И «Шинель» оказала огромное воздействие не только на русскую литературу. Современники и новые поколения писателей и читателей –

русских, а позднее и зарубежных по сей день оказывает сильное эмоциональное влияние. Значение этой повести понимается очень широко. Ее воздействие определило гуманизм русской литературы. Сделалась знаменитой фраза Ф.М.Достоевского: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели».

Композиция новеллы в значительной степени определяет *личный тон* автора. К. Мочульский в книге «Духовный путь Гоголя» (1934) писал: «В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой».

Возвращаясь к художественному творчеству Гоголя, мы стараемся понять, насколько он опередил свое время и являлся «гражданином другой эпохи», эпохи Серебряного века, последующих эпох, связанных с возникновением постмодерна. Многие исследователи устанавливают параллели в тенденциях европейского символизма и художественного символизма Гоголя в России. Многими авторами бесспорно признавалась заслуга первооткрывателей новых путей в их связи с произведениями Гоголя.

Н.В. Гоголь – одна из ключевых фигур в литературе и неповторимая авторская индивидуальность. Его произведения всегда производили особое впечатление на читателей. В построении системы персонажей Гоголь прибегает еще к одному новаторскому приему: он отказывается от изображения положительного героя.

Постмодернистские авторы указывают на произведения классической литературы, повлиявшие на их эксперименты: это «Дон Кихот», «1001 ночь», «Декамерон», «Кандид» и др. «Шинель» Гоголя среди этих произведения, безусловно, не была бы случайной. Гоголь создает необычную ситуацию: вместо одной личной интриги изображается жизнь целого города, что значительно расширяет социальный масштаб произведения. Каждый персонаж становится своего рода символом.

Жизнь Гоголя полна таинственного смысла и трагического величия. Иван Аксаков писал о Гоголе: «Жизнь его представляет такую великую, грозную поэму, смысл которой останется долго неразгаданным; он лежит в той области, на пороге которой изнемогают все человеческие домыслы». Но какой скорбный, какой страшный путь! Какими непрерывными, многообразными и изощренными страданиями куплено его величие! Жизнь Гоголя – сплошная пытка, самая страшная часть которой, протекавшая в плане мистическом, находится вне нашего зрения... Душа Гоголя – сложная, темная, предельно одинокая и несчастная; душа патетическая и пророческая; душа, претерпевшая нечеловеческие испытания и пришедшая ко Христу... В Гоголе дано наивысшее напряжение противоположностей, наибольшее раздвоение. «Я не знаю,– пишет С.Т. Аксаков,– любил ли кто Гоголя. Я думаю, нет; да это и невозможно. Вот до какой степени Гоголь для меня *не человек*».

Он – художник слова, юморист, лирик, мастер гротеска и фантастики. В его персонажах мы не можем не узнавать себя, как в том зеркале, о котором писал сам Гоголь, а узнав, как не посмеяться над собой.

Загадки, связанные с творчеством, кроются в его личности, в его судьбе. Гоголь был воплощением идеи синтеза. В его творчестве были объединены и наука, и искусство, и религия. Он выступал как прозаик, драматург, поэт, религиозный мыслитель, литературный и художественный критик, фольклорист, теоретик и практик театра, педагог, историк. И все это поле деятельности одного человека, который умел целостно и поэтично воспринимать Россию, которую любил как Птицу-Тройку.

Сергей БЕЛОРУСЕЦ

ИЗ РЕТРОПИСИ «ПЕСНИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ»

Зимостойкая семья...

Если меня вдруг зачем-то спрашивают про чужое поэтическое влияние на мою поэзию, я обычно отвечаю, что сумел обойтись без оного.

Впрочем, совсем недавно я вспомнил, как одиннадцатилетним читал книжку еще живого тогда Семена Кирсанова, с очень даже простеньким для него названием «Лирика».

Сборник я обнаружил, когда в одном из домашних книжных шкафов искал что-то другое, заданное по школьной программе.

Обнаружив, открыл наугад – и долго не мог отложить в сторону.

Потому что попал на стихотворение «Работа в саду», тридцать пятого года создания...

Вот оно, родимое, целиком:

*Речь – зимостойкая семья.
Я, в сущности, мичуринец.
Над стебельками слов – моя
упорная прищуренность.*

*Другим – подарки сентября,
грибарий леса осени;
а мне – гербарий словаря,
лес говора разрозненный.*

*То стужа ветку серебрит,
То душит слякоть дряблая.
Дичок привит – и вот гибрид!
Мояблоня, моягода!*

*Сто га словами поросло,
И после года первого –
уже несет плодыни слов
счастливого дерево.*

Я теперешний имею некоторые основания предполагать: авторский сборник Семена Кирсанова угодил к нам на книжную полку лишь по причине того, что Дедушка звался точно так же.

К тому же – рожден был ровно там же.

У черного моря.

В Одессе...

Но это так, в качестве маленького лирическое отступление от кирсановской «Лирики».

Применительно ко мне...

Видимо, здесь, в упомянутом и приведенном полностью стихотворении, стоит искать корни моей неологизменной оноματοпозии, пролонгированно питающие не только детскую часть меня...

Прочитанный мной прежде основного Маяковского, Кирсанов не показался мне – ни тогда, ни потом – раздухарившимся поэтическо-акробатическим его эпигоном.

Или вечно-увечным мальчиком на литпобегушках, словолюбивым подносчиком золотых рифм для дяденьки-великана.

Щедро платящего за них карманною медью...

Хотя именно так принято считать.

Исходя из давно сложившейся тутошней иерархии...

Да и сейчас – Кирсанов мне таковым отнюдь не видится.

Представляясь абсолютно самостоятельной (и вполне самодостаточной) фигурой в истории русской поэзии.

Фигуры, стоящей в ней классическим особняком.

Не выдавать же, уже с миром от нас ушедшего, скромного умельца-версификатора Якова Козловского за продолжателя кирсановской стихолинии.

Вообще, сдается мне, настоящая литература – как сама (внутренняя) жизнь – дело сугубо одиночное.

Внесемейное.

По большому счету, внекорпоративное...

Пусть даже ты назвался мичуринцем.

Подписка о невыезде...

В мае 83-го полетели мы с моим учителем, московским поэтом и переводчиком Леонидом Теминым в Тбилиси.

Откуда Леонид Самойлович – увы – так и не вернулся...

Но все по порядку.

Леонид Самойлович к моменту нашей майской поездки уже много лет из-за инвалидности был практически прикован к дому.

А в те редкие моменты, когда покидал его пределы, делал это на костылях, при помощи сопровождающего.

Тем более провозжатый требовался в случае долговременной отлучки...

Им я и выступил.

Хотя летел в Грузию не только ради этого.

У Леонида Самойловича значилось в планах познакомить меня и с чудесным неповторимым городом, и со своими друзьями – грузинскими поэтами.

Ну и по-настоящему приобщить к переводческой работе.

Хотя некоторое количество подстрочников, любезно подброшенных мне моим старшим другом, к тому времени я уже превратил в (относительно) художественные переводы...

Они (наряду с переводами самого Леонида Темина и благодаря его усилиям) даже вошли в свеженькие тоненькие книжки Бориса Гургулиа и Александра Шанидзе, выпущенные Общегрузинской коллегией по художественному переводу.

Как-то так она именовалась...

Но – ближе к теме.

Леонид Самойлович был перехвачен мной на перекрестке моей родной Беговой, куда на такси привезла его собственная мама, Ева Фридриховна.

Здесь мы с Л.С. поймали другую машину – и рванули в аэропорт.

Полет в шумноватом окружении сборной СССР по водному поло прошел успешно – и к середине дня мы оказались в самом центре Тбилиси, в гостинице «Иверия», где нам был заказан двухместный номер.

А часа в четыре мы вместе с дочкой бывшего наркома госбезопасности Грузии – яркой оппозиционеркой пианисткой-аккомпаниатором Медеей Зоделава и ее приятелями по музыкальному театру балериной и кларнетистом – уже расслабленно сидели за ресторанным столиком на знаменитой Мтацминде – горе Давида.

Пили сухое вино.

Ели восточные кушанья.

Разговаривали.

Часов пять.

Или шесть.

После чего спустились с горы на фуникулере – и пешком (благо идти было недалеко, даже на костылях) вернулись в гостиницу.

Легли спать.

Однако вскоре я проснулся от грохота.

Это Леонид Самойлович упал в ванной комнате.

Я помог ему добраться до постели.

И окончательно успокоился, когда понял, что он заснул.

Но он так и не проснулся.

Ни к восьми, ни к девяти.

Я начал его тормошить.

Он все равно не просыпался.

А к нему уже шли люди, прознавшие о его прилете.

В частности, появился поэт Анзор Салуквадзе.

Мы попытались разбудить Леонида Самойловича вдвоем.

Безуспешно.

Тут в номере возникла Медея – ведь вчера мы договаривались отправиться на совместную экскурсию по городу.

Она возникла, дабы взять бразды правления ситуацией в свои твердые пианистические руки.

Ведь «Скорая» не смогла поставить диагноз...

Весь врачебно-консультационный Тбилиси был поднят Медеей на ноги и поставлен на уши.

В общем, Леонид Самойлович очутился в лучшем тамошнем госпитале с подозрением на инсульт.

Я же застрял у Медеи в многокомнатной (частично – еще наркомовской) гостеприимной квартире, где почти мирно сосуществовало несколько поколений семьи Зоделава...

Когда через полтора суток, поздно вечером, я вновь появился в номере «Ивери», меня там ждали.

Правильнее сказать, ждал.

Оперативник из райотдела милиции.

Куда он меня на «Жигулях» и доставил.

Мной там занималось человека три-четыре.

Посменно.

То мягко, тот жестко, то просто угрожающе...

Перекрестный милицейский допрос длился до девяти утра.

И закончился тем, что с меня взяли подписку о невыезде.

Ибо я доблестными районными органами подозревался в том, что нанес

гражданину Темину Л.С. тяжкие телесные повреждения в области головы, повлекшие за собой пролом костей черепа и кровоизлияние в мозг..

Тем временем из Москвы прилетела дочь Леонида Самойловича Таня.

А через несколько дней, когда стало очевидно, что ситуация вокруг (внутри) Леонида Самойловича, похоже, непоправима – вызвали в Тбилиси и Еву Фридриховну..

Я ее встретил в аэропорту, куда по настоянию Медеи и Тани приехал улететь домой.

Даже несмотря на данную мной накануне подписку о невыезде.

Вроде как первый секретарь Союза писателей Грузии легендарный Нодар Думбадзе обещал с тбилисской милицией все утрясти...

Возвратившись в Москву, в течение двух недель, ежевечерне звонил я Медее.

Справлялся о самочувствии Леонида Самойловича.

Он умер 26-го мая.

В день своего пятидесятилетия.

Ровно тридцать лет назад...

Домбровский и немногие другие...

Юрия Осиповича Домбровского я видел всего лишь раз.

В гостях у поэта Леонида Темина.

У которого я часто бывал.

Домбровский тоже заходил к нему частенько.

И потому что они дружили, и потому, что жили совсем неподалеку друг от друга.

На улице Краснобогатырская.

Однако пересекаться с Домбровским ни до, ни после этих единственных наших паручасовых посиделок за пивом (за ним я был послан в еще работавший тогда ближайший ларек) не привелось.

До – по причине того, что к тому моменту с Леонидом Самойловичем я только познакомился.

После – ввиду очень скоро последовавшей смерти Юрия Осиповича.

Притом что его вдову Клару Фазулаевну я встречал многожды: она регулярно навещала Леонида Самойловича – и мы регулярно с ней пересекались.

Твердой политики, кого с кем совмещать, а кого нет – у хозяина квартиры, похоже, не существовало.

Поэтому как-то раз я совпал с Зоей Крахмальниковой (во время отсидки Феликса Светова).

В другой же раз – краешком – застал Светова (во время отсидки Крахмальниковой...).

Удивительно, что и ее, и его я видел в гостеприимной квартире на Краснобогатырской тоже лишь однократно.

А еще раз при мне Леониду Самойловичу звонил почти всесильный тогда Феликс Кузнецов и просил у него содействия.

Или посредничества.

По старой дружбе.

Ведь они до воцарения Кузнецова и его деяний в роли отца-руководителя неплохо общались.

Кажется, кузнецовский звонок как-то касался истории с альманахом «Метрополь»...

Леонид Самойлович отвечал советскому сановнику формально корректно.

Однако абсолютно непреклонно...

А шестидесятник Домбровский в семьдесят седьмом, помнится, легонько покачивался на стуле и, будучи одетым в ковбойку, пил разбавленное продавщицей пиво.

Понять речь еще живого классика без должной привычки было делом весьма проблематичным.

Скорее всего, из-за того, что зубов у автора «Факультета ненужных вещей» во рту не водилось.

Хотя «Меня убить хотели эти суки» по просьбе своего друга Темина он прочитал дважды...

О чем и Ревич!

— **О** чем и Ревич! – закончил Александр Михайлович свой ветвистый многослойный монолог, по-лоцмански логически-бессознательным выверенным словесным курсом проведя магистральную линию сюжета сквозь все его ответвления – именно в ту самую, единственную конечную точку.

Впрочем – вернее всего – это был восклицательный знак!

Мы с Александром Михайловичем – как раз – добрались, наконец, до нового краснокирпичного райкомовского корпуса переделкинского дома творчества писателей.

Предприняв по (простой диагональной) дороге от деревянно-стеклянной столовой, встроенной внутрь старого корпуса, некоторое количество причудливых извилистых маневров, легко растянувшихся на пару чудесных оазисных прозрачно-тенистых часов нашего общения.

Одного из первых.

Датированного августом тысяча девятьсот девяносто четвертого.

Тогда продажа так и невышедшей в полном объеме пародийно-детективной книжки про мультигероя капитана Пронина позволила нам с женой отправить перешедшего во второй класс Арсения на два переделкинских дотворческих двадцатичетырехсуточных срока.

Отдыхать.

Вместе с бабушкой-прозаиком.

Ибо ни я, ни Кира членами писательского Союза (а стало быть – никакого из литфондов) еще не числились...

Кстати, слегка забегая вперед того августовского дня, когда я приехал навестить сына и познакомился с Александром Михайловичем, скажу, что Союз писателей Москвы сам приехал сначала ко мне, а потом и к укатившей из Москвы Кире, благодаря личной инициативе, настойчивости и последовательности долговечного председателя его Приемной комиссии Ревича.

В этом деле.

Как и во всех других...

Впервые я услышал Ревича, точнее, голос Ревича в 1977-м.

Несколько искаженным...

Это мой учитель поэт Леонид Темин беседовал с Александром Михайловичем по телефону.

А я, будучи в гостях у Леонида Самойловича, сидел вблизи его кровати на стуле...

Буквально через пару недель я чуть было не добрался до самого Ревича, на 11-ом, по-моему, трамвае, провожая Темина от его Краснобогатырской до района проспекта Мира, где жил Александр Михайлович.

Дома у Ревича, в их двухкомнатной с Мурой квартирке, я очутился только двадцать лет спустя...

Александр Михайлович очень любил нашего Арсюшу, названного так Кирой – в том числе – и в честь Арсения Тарковского, с которым Ревич ревниво-надежно дружил долгие годы.

Да и у собственного ревичевского внука – то же говорящее (так много) имя...

Человек (бесплотного) духа, высочайшего смирения и теплящейся гордыни в одном (истинно своем!) лице, яростный спорщик, ниспровергатель авторитетов, лихой смельчак, стихийный подпольный эзотерик, Ревич был в здешней жизни безбрежно бережен и запредельно пристрастен.

Порою – тишайше-нежен, порою – полифонически-полемичен.

– Гумилев – это для детей! – вещал знатель пароля Ревич, находя во мне отзыв.

Его чуть надтреснутый, неповторимый, родной, всецело узнаваемый голос – вряд ли можно забыть,

И – поэтический.

И – человеческий.

О чем и Ревич!

Как помирились Евгений Александрович с Риммой Федоровной

Евгений Александрович Евтушенко и Римма Федоровна Казакова поссорились, когда Е.А. опубликовал в своей антологии «Строфы века» стихи Риммы Федоровны.

Сопроводив их собственными комментариями, не слишком приглянувшись Р.Ф.

Летом 2006 года я весьма активно (и продуктивно) содействовал организации вечера, посвященного 65-ой годовщине Бабьего Яра.

Моя задача заключалась в том, чтобы вечер состоялся именно в ЦДЛ.

А, кроме того, от меня в обязательном порядке требовалось свести главных организаторов и финансистов грядущего мероприятия с легендарным Е.А. Без участия коего они этот вечер себе не представляли.

Я же с Е.А. к тому времени знаком не был.

Даже переделкинское его телефона не знал...

Но Кирилл Ковальджи с Толей Кобенковым мне тут помогли.

Короче, уже вскоре, компактная (авто)мобильная группа, занимающаяся организацией вечера (первый ее вариант) оказалась на подмосковной даче кумира шестидесятников.

Включая меня как единственного представителя секретариата Союза писателей Москвы и моего одноклассника журналиста-международника Гену Чародеева.

Сидели мы за продолговатым столом будущего лауреата Государственной Премии России и обсуждали отдельные позиции грядущего действия.

А после того, как довольно успешно обсудили, Е.А. достал холодного шампанского, чтобы мы, соединив усилия, выпили за успех нашего совместного предприятия.

Выпили, кто имел возможность...

И часа полтора еще просто беседе посвятили.

И вездесущую Р.Ф. вспомнили.

И то, что Е.А. и Р.Ф. находятся в длительной ссоре – тоже.

– Очень хочется помириться! – сказал Е.А. – Все-таки столько лет понастоящему дружили...

– А что мешает? – спросил я.

– Риммина бескомпромиссность! – ответил Е.А.

– А если я поговорю с Вашей бывшей соратницей о перспективах примирения?

– Боюсь, что она к этому не готова – с большим сомнением покачал седовласой головой мэтр, привычно облаченный в одну из так им любимых разноцветных мексиканских рубашек...

После чего Е.А., на плоховато несущих его длинных ногах в безразмерных светлых кроссовках, шаркая, отправился в близлежащий Дом-музей Булата Окуджавы – выступить перед тамошней литературно-бардовской ежесубботней публикой...

Я – в то время оргсекретарь Союза писателей Москвы – частенько разговаривал по телефону с первым секретарем СПМ Риммой Казаковой и регулярно бывал у нее дома, где на кухне, по сути, располагалась штаб-квартира Союза.

Вернувшись от Е.А., я позвонил Р.Ф. и сообщил, что Е.А. очень хотел бы с ней помириться.

– А извиниться он готов? – спросила Р.Ф.

– Не знаю! – сказал я, – но помириться готов. Точно.

Р.Ф. выдала какую-то витиеватую колкость в адрес Е.А. – и свою добровольную миссию я посчитал бесславно исчерпанной.

Миновало сколько-то месяцев – то ли полтора, то ли тринадцать с половиной – и мне позвонил мой одноклассник Гена Чародеев, с которым Е.А. теперь был на периодической связи.

– Евтушенко просил тебе передать, что они с Казаковой помирились!

А вскоре и Р.Ф. внутри какого-то нашего дежурного телефонного разговора – между прочим – сообщила мне то же самое.

Уточнив только, что примирение произошло коротко и светло.

На Блоковском празднике поэзии в Шахматове...

Год крысы

За пару дней до Нового года сидел я на светлой просторной кухне у Риммы Казаковой.

Где она принимала каждого, пожаловавшего к ней в гости.

Даже телевизионщиков с камерами...

И потому что в комнате у Риммы Федоровны весь пол был устлан бумажными листочками формата А-4 (в другой, маленькой, она приютила сочинителя-исполнителя Геннадия Норда), и потому что так уж у нас в России принято.

Еще со времен Союза...

Я дежурно заскочил к Р.Ф. подписать какие-то документы по Фестивалю имени Чуковского, а заодно и поздравить с наступающим 2008-м годом.

Годом Крысы.

Подписал, поздравил, подарил сувенирчик.

Р.Ф. моментально сходила в свою комнату, чтобы вынести мне оттуда крохотную подарочную пластмассовую крыску...

И тут возник у нас разговор о крысах.

Тем более, что, когда я шел к Р.Ф., одна из них по-кошачьи перебежала мне дорогу.

Рядом с метро «Белорусская»...

– А я никогда крыс не видела! – сказала вдруг Р.Ф.

– Живых? За всю жизнь? – удивился я.

– Да! Никогда! – подтвердила Рифма Федоровна...

Это было действительно удивительно! – в рифму подумалось и мне – человек объездил не только весь Советский Союз, но и весь мир, а живой крысы так ни разу и не увидел.

Я же их встречаю, что в Москве, что под Москвой (в том числе – в метро) довольно регулярно...

Наступил Год Крысы.

А вскоре Р.Ф. умерла.

Скоропостижно скончавшись в день рождения Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина.

После ножного массажа в подмосковном санатории.

Про крохотную подарочную крыску я умудрился позабыть.

И вспомнил о ней лишь при вторичном тактильном контакте.

Когда Года Крысы и след простыл...

Она сама вывалилась мне прямо в руки.

Из той же сумки, куда я сунул ее еще на Римминой кухне.

Больше всего меня поразило то, что за время подвижного лежания неживая крыска напрочь лишилась одной пластмассовой лапки...

Об авторе: Сергей Маркович Белоруец – поэт и прозаик, автор книги стихов «Магический квадрат» и многочисленных сборников стихов для детей. Председатель оргкомитета Фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского.

ПРОЗА

Валерий ХЛЕБУТИН

НАШЕ... ВСЁ

Журналист по профессии, Каретников служил в газете «Утро Москвы», а заодно пописывал кое-что, издаваясь периодически и мечтая о славе литератора. Слава задерживалась, денег не хватало, жить хотелось по талантам, а получалось только по зарплате. В один из дней, блуждая переулками Арбата по делам службы, зашел он к Яше Левину, неблизкому своему приятелю, от которого зависел вопрос издания нескольких его рассказов и повести, залежавшихся в издательстве больше меры. Намерение Каретников имел прозаическое: жаловаться Левину на безденежье и просить содействия в возобновлении авторского договора, а заодно выяснить судьбу рассказов и этой самой повести.

Левин оказался в издательстве, встретил Каретникова по-приятельски в большой комнате, где вместе с ним трудились за письменными столами еще несколько редакторов. Каретников приступил к исполнению намеченного и стал жаловаться.

– Знаю, знаю, ты уж в прошлый раз мне это говорил, – прервал его Левин. – А вот над повестью придется еще поработать немного. Я прочел ее, Костя, и знаешь, хорошо, но некоторые места надо бы переделать. Не обижайся.

Он порылся в ворохе бумаг на своем столе и скоро вынул на свет сброшюрованные листы, в которых Костя узнал свою рукопись о Виссарионе Белинском.

Каретников поработал лицом, выразил на нем недоуменный, но не агрессивный, безобидный интерес и чуть придвинул стул ближе к Левину: мол, что тот имеет в виду.

– Вот, смотри, – сказал Левин, перелистывая страницы до нужного места, – ты пишешь о великом критике, упоминаешь вполне реальных лиц: Хераскова, Сумарокова, Державина, Крылова Ивана Андреевича. Все это понятно, и вдруг у тебя в сюжете появляется какой-то Пушкин. Зачем, скажи на милость, тебе вводить в реалистическую, такую хорошую документальную повесть вымышленную персону?

Костя Каретников забыл о выражении своего лица, пустив мимику на самотек, и еще ближе придвинул стул к столу Левина. Тот дружески смотрел на него и продолжал:

– Я понимаю, что для силы сюжета тебе понадобился великий литератор, современник Белинского, ну и взял бы Гоголя. Зачем выдумывать какого-то несуществующего Пушкина, если есть целая куча готовых реальных писателей того времени, – он развел по сторонам свои руки, изображая ими огромное количество таких писателей, и энергично продолжал:

– Ты пойми, твоя повесть только выиграет, если это будет не вымышленный, а настоящий исторический герой, известный каждому русский писатель-классик.

Левин еще дружелюбнее уставился на Костю и притих на секунду, продолжая говорить глазами и в такт убедительным мыслям покачивая головой. Каретников молчал, соображая, какое сегодня число, не первое ли апреля.

– Старина, я люблю твою писанину, потому что ты всегда думаешь, о чем пишешь. Ты сам знаешь, что твои рассказы не для всех. Кто их читает – это не простая публика, им не подsunешь «жизнь без трусов», они тоже, как и ты – думают. Твой рассказ – это не место для фантастики, он хороший, но, ей-богу, Пушкин здесь лишний, он умаляет смысл, снижает чувство достоверности. Тем более ты насочинял какие-то его великие произведения, вроде этого «Евгения Онегина», и приписываешь Белинскому сократовы фразы: «...энциклопедия русской жизни...». Ну, чем тебе «Мертвые души» не энциклопедия? Замени на Гоголя – мой тебе совет, и совершенно бесplatный, между прочим.

– Что же, и «Повести Белкина» я тоже насочинял? «Метель», «Выстрел»?

– Ну, какой там «Выстрел», – живо ответил Левин, перестал улыбаться и продолжил: – Да что с тобой? Это ведь нетрудно, тебе работы на день всего то. Ну, что ты?

Каретников не знал, что ответить. Такой грубый розыгрыш не был в обычае у Яши Левина. А тут он просто издевался над ним, да еще в присутствии этих молчаливых интеллектуалов – его коллег, которые, слыша этот вздор, и ухом не повели. Свинство какое-то.

– Дай рукопись, – Костя поднялся и потянулся за листками.

– Вот чудак человек. Ему добра желают, а он обижается. Бери, если хочешь, – Левин протянул приятелю листки. – Исправляй и присылай поскорее электронкой, я ждать буду.

Костина обида, питаясь впечатлениями о встрече в издательстве, не сразу набрала всех возможных сил и только теперь, спустя пару часов, достигла той полноты, которой утонченные натуры умудряются упиваться. Он копил в себе ярость против этого дебила Яши, избравшего столь идиотскую форму издевательства над ним. Сейчас Костю угнетала мысль об упущенной им возможности там же, в редакторской, немедленно ответить этому хаму достойной издевкой. Она вот уже была готова в его голове, да только поспела с опозданием.

Он шел по тротуару, покрытому осенними листьями, к своему дому в Хлебном переулке. Мысли текли сами собой, без его усилий направлять их в сторону желаемого предмета и помещали в себе то обидчика Яшу, то подробности хамски отвергнутой повести о Белинском, то воспоминания детства и юности, прошедших здесь же, в старых Арбатских переулках, избавленных тогда еще от засилья транспорта и считавшихся тихими. Каретников поравнялся с оградой школьного двора, через которую он в детстве сигал со школьными своими приятелями, сокращая путь к дому. Здание школы все то же, как и во время его учебы, слегка замаскировалось за прошедшие годы кронами широко разросшихся тополей и кленов, сделавшись от этого как бы меньше. Каретников, сам не ведая зачем, вошел в калитку школьного двора и подошел к зданию. Ностальгический прилив посетил его душу. Он стал оглядывать дверь главного входа все с той же медной ручкой, которая была старой уже тогда, когда он впервые коснулся ее первоклассником. Он смотрел на стекла окон, многократно выбитых и заново вставленных в старые массивные деревянные рамы. Взгляд его поднялся выше, туда, где над табличкой с номером школы, между первым и вторым этажами на фасаде помещались барельефы с изображениями писателей. Все те же гипсовые медальоны Горького, Маяковского, Толстого устремляли свои профили к невидимым далям мудрости и всеобщего народного просвещения. Каретников вдруг вышел из обморока задумчивости и крепко удивился. На месте, где должно (*ударение на первое «о»*. Авт.) было помещаться барельефу Пушкина, он обнаружил профиль Чехова.

Костя наизусть в мельчайших подробностях знал каждую трещинку на этом фасаде, он только вот недавно подходил разглядывать любимого своего Белинского, и рядом с ним, как и всегда, находился не кто иной, как Александр Сергеевич Пушкин. Теперь его не было. Что за чушь? Костя встряхнул головой, закрыл и вновь открыл глаза... Чехов... все равно Че-

хов. Этого не может быть, кто в наши-то дни примется обновлять школьные барельефы? Скорее, Россию переименуют в какой-нибудь Кот Ди Вуар, чем обновят эти медальоны. Он внимательно посмотрел на гипс и заметил, что тот нисколько не отличается почтенностью своего возраста от висящих рядом. Такие же многослойные опливы краски, такие же трещинки, та же вековая пыль на плоскостях и изгибах. Но он ничего не мог перепутать. Допустить такое – это то же самое, что перепутать дверь в собственную квартиру, забыть свою фамилию, не узнать в лицо жену. У Кости екнуло под ложечкой: «Господи, что это?» Он развернулся и быстрым шагом направился к дому.

Жена уже ждала его с ужином, заботливо интересуясь новостями. Она заметила беспокойство мужа, отнеса это к его усталости, и хотела помочь ему отвлечься и отдохнуть в домашней обстановке.

– Ты помнишь мою повесть о Белинском? – обратился он к ней, едва раздевшись.

– Помню.

– Так вот этот болван Левин не принял ее сегодня. Он просит убрать все эпизоды с Пушкиным. Представляешь? – Костя искал понимания у жены, одновременно всовывая ноги в домашние тапочки. – Этот теоретик издевался сегодня надо мной, называя Пушкина вымышленным персонажем, и рекомендовал заменить на Гоголя.

Жена смотрела на Костю с любовью, затем спросила:

– О каком Пушкине ты говоришь? У тебя в повести что, был Пушкин? Прости, я, видимо, подзабыла, о чем речь.

– Да речь о Пушкине. О Пушкине, понимаешь? О Пушкине! – Сказав это, Костя поднял вверх указательный палец, мысленно представив на потолке своей прихожей исчезнувший со школьного фасада барельеф. Палец Кости указывал на сотканый его сознанием гипс. Взгляд его некоторое время не покидал этого места на потолке, пока видение не растворилось. Он вдруг мимо жены прошел в библиотеку и раскрыл шкаф, в котором помещались русские классики на «П». Порывшись несколько секунд, он спросил у жены:

– А куда ты дела Пушкина?

– Какого Пушкина? – совершенно спокойно поинтересовалась она. – У нас сроду ничего подобного не было.

– Вот здесь стояли книги, полное собрание, и еще отдельные юбилейные, избранные. Ну, Господи Боже! Здесь же были.

– Может быть, ты отдал кому? Я таких книг здесь не видела. Я пыль протираю, переставляю их всегда. Никакого Пушкина у тебя здесь никогда не было.

Костя не своим взглядом посмотрел на жену. Та спросила:

– Ты ужинать будешь?

– Буду, – довольно спокойно для своего возбужденного состояния ответил Каретников.

Когда он ел, женщина возилась в библиотеке и оттуда посвежевшим голосом скоро сказала мужу:

– Ну вот, нашла, – она вынесла из комнаты книжку, поднесла ее к обеденному столу, – «Новые женские истории» Оксаны Пушкиной – звезды эстрады и кино, спортсменки, жены политиков... Ты это ищешь?

Каретников откинулся на стуле. Несколько секунд он сосредоточенно смотрел на жену, затем, обратившись к ней, сказал:

– Послушай, Оля, ты человек с университетским образованием, умная, тонкая, эстетка. Ты что, ничего не слышала о Пушкине?

– Ну вот, от тебя теперь слышу. Не понимаю, что ты так нервничаешь.

– Скажи, ты читала «Евгения Онегина»?

– Нет, не читала. Это что, из новых? Так ты сам знаешь, как я их читаю.

– Ты изучала Пушкина в школе?

– В школе мы проходили только классику, Пушкина у нас не было.

Не по себе сделалось Косте. С его любимым человеком, с его умницей Олей случилась беда. Мало того, что она вынесла неведомо куда из дому собрание сочинений Пушкина, так еще и с рассудком ее помутнение. Пушкина не знает...

Недоевши ужин, Каретников подошел к компьютеру и набрал в Яндексе «Пушкин Александр Сергеевич». На его клик отозвалось множество каких угодно Пушкиных, кроме великого писателя... Пушкина Яндекс не знал.

Мигом Костя метнулся в библиотеку и припал к месту, где стоял томик Тынянова «Пушкин». Книга тут же обнаружилась. Тот же переплет, тот же формат, издательство, но название не «Пушкин», другое – «Жизнь Грибоедова». Не веря глазам, Каретников бегло перелистал страницы. Нигде у Тынянова Пушкин не упоминался.

Он подошел к телефону и набрал номер родителей. Фраза, подготовленная для отца, мысленно произнесенная им, пока набирался номер, смутила его. Он хотел спросить папу, слышал ли тот о Пушкине. Но такая постановка вопроса выдавала полное его неблагополучие, он побоялся расстроить пожилого человека и поменял план. Когда связь состоялась, и разговор получил должное развитие, Костя поинтересовался, что думает его отец об утраченной десятой главе «Евгения Онегина», которой поэт намеревался закончить свой роман в стихах...

Даже не положив после разговора трубку на аппарат, Каретников с нею в руках опустился на пол и тихо произнес вслух: «Мистика». Отец никог-

да ничего о Пушкине не слышал, поэта такого не знает, произведений не только не читал, но даже не знает их названий. Отец – академик медицины, светило, эрудит и далеко не шутник, сам прививший ему любовь к словесности, поощрявший его первые литературные опыты, и первый его «цензор», – ни слова не слышал о Пушкине.

Оля смотрела на страдания мужа, не понимая их причины, и все более беспокоилась о нем. Ей стало ясно, что нечто неординарное тяготит его душу, но что именно не понимала.

– Что за Пушкин такой тебя расстроил? Найдем мы тебе этого Пушкина. Ты бы Герману позвонил, у него точно все есть, не переживай уж ты так.

Звонк энциклопедисту Герману – студенческому другу Кости, умнице и всезнайке – никакого результата не дал. Он, как и Оля, как и отец, как этот Яша в издательстве, никогда ничего не слышал о мировом классике. Не оказалось на карте Москвы ни Пушкинской площади, ни станции метро, ни музея его имени. Никто о них ничего не знал, и где такие находятся, понятия не имел. Пушкин никому, кроме самого Кости, известен не был.

Великое наследие гения бесхозным хранилось в голове Каретникова, проявляя себя неясным импульсом открывающихся возможностей. Костю вдруг осенило, что по запасливости своей не более чем месяц тому назад он скачал из Интернета аудиокниги с произведениями Пушкина. Они должны были сохраниться там среди другого материала. Каретников сел за компьютер. Так и есть – он скоро нашел то, что искал.

– Оля, – обратился он к жене, – подойди, послушай.

Он поставил ей запись «Руслана и Людмилы». Жена с видимым интересом слушала пушкинские стихи.

– Здорово. Честное слово, очень хорошо. Это тот самый Пушкин?

– Ты послушай еще, – он кликнул из недр компьютерной памяти «Капитанскую дочку», затем «Метель» – его любимое произведение в русской прозе.

Фрагменты записей привели Олю в неподдельный восторг. Она сама села за компьютер и стала наводить справки о новом для нее авторе. Вскоре она сказала Каретникову:

– Это ты сам все сочинил и теперь морочишь людям голову. Не может быть, чтобы даже студия, на которую есть ссылка в аудиозаписях, ничего бы не знала о том, что сама записывала. Они там понятия не имеют, что есть такие записи. Признайся, Костя, это ты сам сделал?

Прошло несколько недель после того, как под псевдонимом «Александр Сергеевич Пушкин» Константин Каретников передал многочисленные рукописи в различные известные издательства. Он и Оля ожидали теперь ответов на предложение издателям печатать новые произведе-

ния, среди которых на одобрение главных редакторов были переданы для начала такие шедевры литературы, как «Евгений Онегин», «Русалка», «Пир во время чумы», «Повести Белкина» и «Скупой рыцарь». Каретников ожидал сенсации. Наконец-то можно было рассчитывать на достойный заработок. Костю, правда, угнетали сомнения нравственного порядка, однако он поступил честно, сопроводив пушкинские стихи и прозу соответствующим авторским вступлением, поясняющим читателям сверхъестественную природу появления на свет всех этих гениальных вещей. Он, собственно, ничего не придумал от себя, а только описал порядок случившихся событий.

Окончательно успокоиться насчет нравственности своего поступка Косте помогала мысль о том, какую бездной наслаждений, каким дивным, бесподобным чудом он одарит современников, открывая им мир пушкинского слова. Более того, он счел бы преступлением скрывать от человечества столь существенную часть общемировой культуры. Предвкушение томило его. Наконец стали приходиться ответы. Они пришли, по совпадению, как-то все разом. Раскрыв почту, он прочитал:

*Пушкину Александру Сергеевичу
Касательно присланных произведений.*

Уважаемый Александр Сергеевич!

Редакционный совет издательства ознакомился с переданными нам произведениями и находит их автора оригинальным и достаточно одаренным. Вместе с тем формат произведений и их содержание не отвечают нашим представлениям о современной литературе, способной вызвать интерес у широкого читателя. Независимо от того, что у нас с Вами не сложились партнерские отношения, и мы не имеем возможности печатать Ваши работы, мы выражаем признательность за то, что Вы обратились именно к нам. Будем рады рассмотреть новые предложения.

Костя глазам не поверил. Он несколько раз перечитал глупость, наконец, закрыл страницу в почте и прочитал новое сообщение:

Пушкину А.С.

Ваши работы «Евгений Онегин», «Русалка», «Пир во время чумы», «Повести Белкина», «Скупой рыцарь» изучены. Издательство не исключает возможности поставить их в план на печать, но не может в настоящий момент уведомить Вас о возможном сроке. Одновременно сообщаем, что в том виде, в котором работы представлены издательству, они не могут быть приняты. Тексты требуют профессиональной редактуры и корректировки, на что уйдет много времени и сил, которыми в данное время мы не располагаем.

Еще один ответ, пришедший в этот день на почту Каретникову, гласил: *Александру Сергеевичу Пушкину.*

Объем присланных Вами произведений достаточно велик. Издательство смогло ознакомиться и оценить только «Евгения Онегина». Данное произведение не соответствует профилю нашего издательства, печатающего, по преимуществу, только русских классиков, либо авторов, известность и качество литературных произведений которых гарантировали бы окупаемость произведенных нами затрат.

В силу приведенных выше причин мы не имеем возможности издавать Ваши работы.

Каретников прочитал еще несколько отзывов и выключил экран. Посидев некоторое время в глубокой задумчивости, он вновь подошел к компьютеру, включил его, нашел в папке «Мои документы» свою повесть о Виссарионе Белинском и принялся исправлять те места в ней, где упоминался великий, но никому не известный сегодня русский поэт – Александр Сергеевич Пушкин.

Федор ГАВРИН

ЛЯГУШОНОК, СТАРЫЙ ЖАБ И ЖУК ФИЛЬКА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ЛЕТА И ОСЕНИ

Утро одного дня

Ни Лягушонка, ни Старого Жаба в целом мире некому было любить. Ну, некому!

Уж так вышло, что повстречались они между Нижним Болотцем и заброшенным полем, разговорились, попрыгали в свое удовольствие и как-то само собой подружились.

– В такое чудное утречко только с врагами мириться, – сказал Старый Жаб.

– А если в карманах ничего не прятать, тогда душа легкая, сама поет, – поддержал общее настроение Лягушонок.

Жаб достал тетрабочку и записал: «Если в карманах ничего не прятать, тогда душа легкая».

– Ты очень мелко пишешь, – отметил Лягушонок.

– У меня первоклассное зрение! Бывает, что буквы не слушаются, но я их ловлю и рассаживаю по местам. – Жаб закрыл тетрабочку и убрал. – Что ты ел на завтрак?

– Я? – Лягушонок надолго задумался.

Жаб подождал раз, на глаза попался паучок: ну-ка сматывай паутину, чеши отсюда, пока цел!

Насекомое, как ветром сдуло.

Жаб подождал второй раз и нежданно-негаданно вспомнил, как мечтал

в детстве поскорее вырасти. Стать большим, сильным, с широкими плечами и отправиться на войну. И непременно на стороне Добра. И чтобы все по справедливости. И прыгнул. И упрыгал, куда глаза глядят.

На следующий день

С самого утра все существо Старого Жаба прониклось раздражением. «До самого ядра», как сказал бы Орех, умей он разговаривать. Причина таилась во внезапно наступившей жаре – растения стремительно теряли влагу, стало горячо дышать. Он знал последний верный способ отвлечься и утихомирить нервы: поесть! Но и здесь осечка. Жук, которого он заприметил и точно рассчитал до него расстояние, оказался обманкой.

– Кто же это тебе голову заморочил, что ты несъедобный? – допытывался Старый Жаб.

– В Интернете! Там очень красивая фотка и слово в слово: «Такая расцветка подтверждает необычайную ядовитость жука Фильки».

– Так ты еще и Филька? – Следующие слова Жаб проглотил, они упали в пустой желудок и возродились эхом: ...ать, ать, ать...

Разговоры прервала песня. Ее кричали из-за холма.

*Если ты меня не просишь,
Если ты меня не просишь,
Ничего я не умею,
Ничего я не хочу.*

*А попросишь выпить море,
Я взгляну на это просто,
Как на детскую затею, –
Отхлебну и проглочу!*

– Вслед за песней объявился собственной персоной Лягушонок.

– Привет всем, которые внизу! – заорал он до самого неба. – Я влюбился!!!

– Разорался, так и ру-рухнет все! – буркнул жук и сложил две лапки на брюшке и две на спине.

Жаб медленно опустил веки и почувствовал себя древним, больным, пупырчатым, никому не нужным. Захотелось чтобы день немедленно сменился ночью, весна – поздней осенью, а он, зарывшись глубоко в землю, смотрел бы и смотрел свой любимый сон, а во сне – запах спелого яблока с червячком.

И тут, ка-ак бабахнет, ка-ак тарарахнет, ка-ак ру-рухнет:

– Я затаился от нее в прыжке, – шумел Лягушонок.

Старый Жаб вынырнул из прохладной мечты в знойный полдень. А Лягушонок все набирал обороты:

– Я затаился и... обомлел! Как же она осторожно касалась лепестков цветка! Снизу! Сверху! Сердце мое наполнилось восторгом. Не успел досчитать до двух, как свело все мышцы. Конец! Любовь пронзила меня до самых бедер.

– Типичный радикулит! У тебя должна болеть поясница! – зыкнул Филька.

– «Она» это кто? – вставил слово Жаб.

– Бабочка! – задохнулся Лягушонок. – Бабочка! Точная копия цветка!

– Ну ты прямо римлянин, это в Древнем Риме верили, что бабочки произошли от цветов. – Филька выпятил нижнюю челюсть.

– Вот ты, влюбился в бабочку, – и, получив утвердительный ответ, Жаб продолжал: – А почему ты не влюбился в лягушку?

Лягушонок застыл на месте.

– В лягушку каждый дурак может влюбиться – наконец вымолвил он.

Старый Жаб вздохнул, подмигнул жуку и язвительно буркнул:

– Вот как-нибудь поймают Фильку. Поймают и сварят.

Разделят на капельки. Много капелек. И раздадут всем.

– Кому это «всем»? – не понял Лягушонок.

– Ну, в первую очередь безумным влюбленным. Филька-то – чистый яд! У Лягушонка от удивления глаза на лоб полезли.

И тут Старый Жаб, а за ним и жук Филька не выдержали. Их рты распахнулись и не желали закрываться. Смех сквозь рыдания и рыдания сквозь смех огласили все два леса. От любопытных мух не стало отбоя. Так что когда досмеялись, Жаб и Лягушонок пообедали. А ранее напуганный паучок спешно расставлял сети.

Старый Жаб, набив брюхо, дремал в лопухах.

Лягушонок, нечаянно лизнув Фильку, ждал неминуемого конца света.

Филька же из мушиных крылышек мастерил солнцезащитные очки.

И как-то забылось, что только что совсем рядом случилась любовь.

Через день

И вчера, и сегодня льет дождь. Лягушонок, как проснулся, стал считать дождединки. Одной не хватало.

Пошел к Старому Жабу, рассказал. Жаб что-то старательно записывал в тетрадочку, но отвлекся:

– Как это, не хватает дождевки? Капало, капало – и на тебе! Целой капли недосчитаться! Пересчитывай!

Лягушонок аж квакнул.

– Не смогу!

– Сможешь! – отрезает путь к отступлению Жаб.

– Все дождевки перемешались, – взмолился Лягушонок, – все до одной.

Их нужно с самого начала считать, как проснешься.

– Я, когда просыпаюсь, пишу. – И Жаб, опомнившись, застрочил в тетрадке. Букву к букве, словечко за словечком.

– Может, я проснулся на одну дождевку позднее, – вслух подумал Лягушонок, – может, это несосчитанная капля и разбудила меня?

Жаб бросил тетрадку и принялся ее топтать:

– Ты всегда такой умный или только по четвергам?!

– Да, – обрадовался Лягушонок, – сегодня мой любимый четверг.

Жаб, продолжая негодовать, пустился в рассуждения:

– Разве может четверг быть любимым? Или пятница? Или мне все это снится?

А Лягушонок торопится объяснить:

– Как раз этот самый четверг! А бывает, живешь-живешь и проживаешь нелюбимый четверг. Тогда мечтаешь: поскорее бы он закончился. А он делается еще длиннее. И никто тебя не любит.

Жаб поднял тетрадку и записал: «День делается длиннее, когда тебя никто не любит». Остановился, поморщился и дописал: «...и когда ты сам никого не любишь». Потом нарисовал жирную – прежирную точку и задумался.

– Послушай, – обратился он к другу, – ведь таким образом мы с тобой можем растягивать время. Делать его длиннее, когда никого не любим. Можно сказать: «До вечной жизни один прыжок».

– Не получится, – залепетал Лягушонок. – У меня «до вечности» не получится. Во вторник я влюбился в красивую бабочку – и куда подевался этот удивительный вторник?! А понедельник? Мы едва успели подружиться, а солнце с половины неба упало. И сегодня! Разговорились в мой любимый четверг, а уже смеркается. Все время кого-то или что-то люблю. И мне ужасно нравится, когда ты записываешь слова.

Жаб спрятал тетрадку.

– Ты, наверное, пишешь книгу? – догадался Лягушонок. Жаб скромно кивнул. – Может, ты мне ее считаешь?

– Слишком темно, – ответил знакомый голос.

Вечер неожиданно перетек в ночь. Дождь усилился. Друзья сидели бок о бок под листом лопуха, и Дрема вдыхала им в глаза теплые сны.

Пятый день (первая половина)

Дождь прекратился ночью. Проснувшись и увидев изнанку лопуха и никого рядом, – Старый Жаб расстроился. Да и мобильного телефона у него не было. А так набрал бы номер Лягушонка и спросил: «Это ты?» А Лягушонок бы ответил: «Это я!» Но в целом мире никто не спросил и никто не ответил. И ни гусеницы, ни слизняка, чтобы чуточку утешиться.

Тут объявился ядовитый жук Филька и заорал:

– Я несъедобный! Я несъедобный!

Накричавшись, он внимательно осмотрелся и застыл перед Жабом:

– У тебя глаза синие. Наверное, синего наелся?!

– Вот я тебя сейчас съем, и станут глаза в крапинку.

Жаб плотоядно сглотнул.

– А вежливые земноводные не стесняются говорить хорошие слова! Или не так? – И Филька бесстрашно отвернулся: в Интернете накопал, что жабы в неволе живут до тридцати шести!

Жаб ждал продолжения.

– До тридцати шести, – повторил Филька громче

– Заладил: тридцать шесть, тридцать шесть. Из чего эти тридцать шесть?

– Как из «чего»? – жуку даже срамно сделалось, и он затараторил: Весна – лето, лето – осень, гусеницы, муравьи, клопы! Клопы, жуки, гусеницы!

– Не мог сразу так объяснить? – Довольный Жаб почавкал губами, выпрыгнул за границу тени, ловко поймал и проглотил козявку. Следующий прыжок скрыл Жаба в зарослях мелкого кустарника, травы, переплетениях опавших веток.

– Постой!

Но было поздно, и что значили слова «живут в неволе» осталось загадкой.

Филька сокрушенно вздохнул, проводил взглядом убегающие всполохи трав, сделал два мелких шажочка вбок, и он слился с окружающей дикой природой.

Совсем низко пролетела голодная птица.

Пятый день (вторая половина)

Филька разыскал Лягушонка у Нижнего Болотца. Тот сосредоточенно рассматривал трухлявый пенек.

– Офигиндер! – выразил жук свое восхищение. – Березе было все двести.

– Чего «двести»? – не понял Лягушонок.

– Как «чего»? Заладили с Жабом: чего? чего? Того! Весна – лето, осень – зима, солнце – дождь. Выше и выше. Ветер – снег. Мы на земле совсем маленькими ей казались!

– Так бы и объяснил!

– Молния ее свалила. Самая высокая точка на все два леса была. Высунулась! – Последнее слово Филька произнес осуждающе.

– Но побыть самой высокой... Самой-самой! – У Лягушонка аж дух захватило, как представил взлетевшее в небо чудо. – Может, она улететь хотела? А? До самых звезд!

Жук встал на задние лапки, на его брюшке набухла ядовито-коричневая капля, похожая на смолу.

– Лизни! – грубо предложил он Лягушонку, – и не будешь мучиться, придумывать чужие жизни. Никуда она не собиралась! Просто высунулась! А молния ее хрясть! По кумполу – хрясть! По стволу, до самых корней выгла. Ни на что больше не годится! Опята и те брезгуют.

– Хороший пень! – перебил Лягушонок. – Огромный, трухлявый, то что нужно! Подарю Жабу. Жаб, когда очень замерзнет, залезет в него, закопается поглубже, в самые корни, и скажет: «Лягушонок пообещал и сдержал слово».

– Пообещал! Ты, Лягушонок, по-обе-щал, – почти пропел Филька. – Красивое какое слово «пообещал». А ни ты, ни Жаб мне никогда ничего не обещали. Может, сейчас пообещаешь? И за Жаба тоже!

– Надо у Жаба спросить.

– Мы же друзья! – возмутился жук. – А друзья всегда за друзей. А за друзей – друзья. Я бы сам за вас пообещал, но лучше, если ты пообещаешь, чтобы я это слышал.

– Хорошо. Если ты так говоришь, я обещаю. Вернее, мы обещаем – и я, и Старый Жаб. Теперь слышал?

– Совсем другое дело! Тогда до завтра! – И Жук Филька умчался, только его и видели.

А Лягушонок попрыгал-попрыгал и решительно поспешил к озеру. «В болото всегда успею» – мелькнула мысль.

Обещанный день

Лягушонок проснулся, открыл глаза. Далеко-далеко, где озеро упиралось в небо, появилась точка и сразу раздвоилась. Одна часть летела в небе, другая – в озере. Двигались в его сторону. Он моргнул и высунул всю голову из воды.

Только что, во сне, он занимался споттингом, фотографировал самолеты. На взлет, на посадку! Ничего во сне не боялся. «Вот так, Лягушонок! Вот так, земноводное!». И что-то огромное, яркое, неведомое наполнило сердце восторгом. Учащенное дыхание подняло волну от носа и почти до самого берега. «Как же это (Лягушонок перевел дух) похоже на мою любовь!»

– Выпускай подкрылки, тормози. – Голос Старого Жаба вернул Лягушонка в воду. – Нельзя забывать о законах природы. Задумчивая добыча, как пчела с медом... словом, бутерброд. Чем не подарок для бомжующей чайки?!

Лягушонок крепко зажмурился, и в башке тут же включилась темнота, нарастающий раскат грома обернулся ревом двигателей, высоко-высоко над их озером серебряный крестик тянул белую паутинку.

– Эй! Эй-ей! – с берега надрывался во все горло Филька. – Эй-ей! Вы мне обещали!

– Мы ему обещали, – повторил Жаб.

– Да. Ничего не поделаешь. – Лягушонок вздохнул, поймал комара, подержал во рту и выплюнул. – Ничего не попишешь. Поплыли! Нет, стой! По-твоему, мечтающий лягушонок для кого-то бутерброд из лягушонка и мечты?

– Фантазиями сыт не будешь, мечту всегда во что-нибудь надо заворачивать или на что-нибудь намазывать, – ответил Старый Жаб, перебираясь с коряги на берег. Он подождал, пока подплывет Лягушонок, и вместе направились к Фильке.

Ядовитейший из всех жуков, Филька ждал их в выемке под стволом упавшей березки.

– Я всю ночь глаз не сомкнул, – сказал он. – С тех пор, как вы мне пообещали, я места себе не нахожу.

– Ну пообещали. И вот... – Жаб оборвал предложение на самом загадочном месте, протиснулся вглубь.

– Обещали, значит пообещали, – добавил Лягушонок и примостился рядышком.

– Хорошо! Просто удивительно, как чудесно!

Так втроем и просидели до вечера, до ночи...

«Заморить бы червячка», – мечтал Жаб и представлял, как свивает червяка в пружинку.

«И зачем выплюнул комара?» – корил себя Лягушонок.

Филька был счастлив и до краев голоден.

Ровное дыхание ночи убавкало Лягушонка. Ему снилась бабочка с круглыми черными точками на белых крылышках. Старому Жабу приснилась белая цапля с темными перьями в хвосте. Фильке – белое поле, а по полю ровными рядами цифры...

Такие вот березовые сны.

День, как день

Лягушонок топал в сторону Нижнего Болотца и разговаривал сам с собой:

– Учиться? Ну кто любит учиться? Никто не любит! Может, Старый Жаб любит? Так это он от старости! А что еще остается старым делать – учиться остается. А мне зачем учиться? У меня и времени на учебу нет. У меня пальцев не хватает пересчитать все заботы. Первая – позавтракать, вторая – нырнуть до самого дна, третья – очень секретная, четвертая и пятая – обед и обед. А спеть «квакушки»? А поиграть? А...

– Кто там растопался? Кто так расшумелся? На все два леса! Пора огнем жечь да камнем бить!

Лягушонок замер. Огляделся. Но вокруг только муравьи да мошки. Он чуточку забоялся, и подумал: «Чей-то противный голос делает замечания, и ты затыкаешься. Как такое возможно? И как может голос быть сам по себе? Утка крикает, лебедь гекает, жаба гургучет, цапля грычет, комар пищит, – голос всегда живет в теле, маленьком или большом. Так где же тело? А что рассказывала Старуха Лягуха? Хоть тресни, не вспомнить! И зачем пропустил ее уроки. Ну да ладно, семи смертям не бывать». Он собрался с духом, закрыл глаза и со всей мочи прыгнул в сторону невидимки.

– Ой, ой, – заорало под ним. – Ты что? Совсем?! Отвали от меня!

Под Лягушонком корчился распомаженный жук Филька. Лягушонок от неожиданности скакнул в сторону и принялся вытирать лапки: «Мало того, что жук ядовитый, так еще и какой злющий! А грязный... Фуу!» Лягушонок перевел дух. Посмотрел на приятеля и обомлел: яркий наряд сместился по спине жука вбок, вместо пяти пугающих красных точек остались три розовые, с длинных усов исчезли колючие щетки, а кончики лапок никак не походили на обоюдоострые кинжалы.

Филька уловил перемену в настроении приятеля.

– Каюсь! – сказал он.

– Не понял, – ответил Лягушонок.

– Ладно, – продолжил жук, – друзей не едят!

– Съедобных едят. Если их не есть, знаешь, сколько набралось бы друзей? До луны!

Филька сменил тактику:

– Может, съедобных и едят, может, съедобных и в друзьях не держат, но если вначале подружился, то это прежде всего – Друг. Понимаешь? С большой буквы!

Лягушонок как будто наяву увидел большую букву в тетрабочке Старого Жаба и переспросил:

– Раз ты с большой буквы, то тебя и не съест?

– Держи! – Филька сунул Лягушонку косметичку. – Сотри все и нарисуй заново. Ну что застыл, как муха на куче? Тюнингуй!

Тот как под гипнозом послонявил волоски на кончике соломки, обмакнул кисточку в ореховую скорлупку и, собрав с донышка краску, стал возвращать Фильке смертельную ядовитость.

К вечеру того же дня Лягушонок объявился у Нижнего Болотца.

– Что-то ты припозднился? – Старый Жаб виртуозно ловил и между слов отправлял в рот одну за другой земляных ос.

– Ну ты и жрешь! – Лягушонок закатил глаза. – Билайн должен подарить тебе самую дорогую трубку.

– Нет лучшего средства от старости, чем пицца, сдобренная ядом, – объяснил Жаб.

– Помогает? – удивился Лягушонок.

– Отвлекает, – повинился Жаб.

– Но если ты не боишься глотать смертельно опасных ос, то почему не съел до сих пор Фильку? – Лягушонок тревожно замер.

– Хм, – начал Старый Жаб, – так он же твой Друг! – и неожиданно с отчаянным храпом уткнулся носом в планету Земля. Погрузился в сон. Яд сделал свое дело. И тут Лягушонок окончательно вспомнил, как Жаб, высунув язык от старания, выводил в тетрабочке жирную-прежирную букву, похожую на шалашик на ножках, – «д», потом букву, похожую на веточку с круглым цветком, – «р», потом вырисовывал веточку-рогульку – «у» и в самом конце ставил закорючку – «г».

Дин-нь

Лягушонок терпел изо всех сил. Жук Филька сказал: «Набери полную грудь воздуха и не дыши», – а сам убежал.

Силы у Лягушонка кончились, он не выдержал и выдохнул. Потом вдохнул. Выдохнул – вдохнул, желто-синяя пелена исчезла, глаза вернулись на свои места: перед ним совсем рядом Старый Жаб что-то сосредоточенно записывал в тетрабочку левой лапой.

Лягушонку захотелось удивиться, и у него получилось:

– Ты же правша?

Старый Жаб сменил лапу и застрочил правой.

Откуда-то сверху послышался «дин-нь», повисел над полем, взобрался

повыше, и все еще был слышен. А когда от него остался в памяти хвостик «ннь», возникло новое «дин-нь». И прозвучало не с самого-самого начала, а можно было подумать, что это тот самый первый «дин-нь».

И так несколько раз.

– Ты слышишь? – спросил Лягушонок.

– Я не глухой, – был ему ответ

– Тогда скажи, этот «дин-нь» каждый раз новый «дин-нь» или тот же самый?

Лягушонок от нетерпения подпрыгнул.

– Тот же самый! – категорично буркнул Жаб.

– Но... – начал было Лягушонок.

– Просто, «он» отворачивается!

– Ничего не ясно! – растерялся Лягушонок. – Разве может звук отвернуться?

– Звук – нет, а твой Филька с колокольчиком – да! Колокольчик оказался тяжелым, но он справится.

Жаб закончил писать и устался на Лягушонка.

Через дин-нь, дин-нь, дин-нь объявился Филька с самым настоящим колокольчиком. Запыхавшийся и очень довольный.

– Дотянул, – первое слово, что он выговорил.

– Он же два тебя, – выпалил Лягушонок.

– Точнее, колокольчик в два раза больше Фильки, – поправил его Жаб

– И меня, – тут же нашелся Лягушонок, – мы же с Филькой размер в размер.

– Похоже. – Старый Жаб улыбнулся и тут же спрятал улыбку. Ну, во-первых, жабы никогда не улыбаются, а во-вторых, если жабы и улыбаются, то только в случае, когда их никто не видит.

Жук Филька спиной прислонился к спине Лягушонка и громко крикнул: «Дин-нь!» Не успел звук замереть, как выкрикнул свой «дин-нь» Лягушонок.

Жаб убрал тетрадочку, поднял колокольчик и легонько качнул: дин-нь, дин-нь...

– Дин-нь, дин-нь, дин-нь... – несло над полем, над озером, над болотом.

Крохотный мышонок задрал мордочку:

– Мам, смотри, солнышко поет!

Мама улыбнулась.

– Как же я могу увидеть? Разве что услышать...

– А ты всеми глазами посмотри! – настаивал сын.

Два леса слушали «дин-нь, дин-нь», что пели друзья. И пока вечер не уступил место ночи и Землю окутала тишина, тогда и закончился еще один фантастический дин-нь.

День

Лягушонок замер. Он увидел, что Старушка Цапля готовится цапнуть и проглотить Старого Жаба.

Она склонила голову набок, чуть согнулась, примерилась и... ничего не произошло. Громко клацнула клювом, качнулась и с независимым видом сделала шаг, выпростала крылья, выполнила два маха и с третьего перелетела на другую сторону озера.

А Старый Жаб как сидел преспокойненько на самой верхушке берегового камня, так и остался сидеть, обдуваемый всеми ветрами мира, раздумывая о чем-то жабьем.

Лягушонок по-пластунски вылез из-под кучи старых веток и решал, как побыстрее добраться к другу: проплыть, а потом в один скок долететь до камня, или пропрыгать весь путь по замечательному прохладному песку.

Но не тут-то было! Объявился Филька. Раскинул в стороны лапки и заорал:

– Обнимашки! Будем делать обнимашки!

Он бросился тискать Лягушонка:

– Как же я соскучился, – приговаривал он, почти задушив в объятьях приятеля. – А где Старый Жаб? Я и по нему, тоже соскучился! – И снова с неистовой силой прижал к себе Лягушонка.

Лягушонок медленно приходил в себя. Все тело ныло, на лбу лежал мокрый лист подорожника. Сбросив его, он тут же был накрыт новым мокрым листом.

– Лежи! Лежи! – приказал голос. – Ты так мне обрадовался, что свалился в обморок. Теперь я спасаю тебя. Эй!!! Ты куда? Так не договаривались!

Несколько длинных-предлинных прыжков по мокрому песку, и Лягушонок очутился перед Старым Жабом, перевел дух и внимательно взгляделся.

Жаб как сидел на вершине булыжника, так и не стронулся с места. Были в нем голливудская притягательность и земноводная отчужденность, а в глазах... В глазах все еще отражалась Старушка Цапля.

– Если никогда-никогда не закрывать глаза, не есть, не баловаться, не спать, а все время смотреть и смотреть, можно увидеть что ТАМ, далеко впереди нас. – Жаб несколько раз закрыл и открыл глаза. – Мир, отданный тебе, никто не вправе отнять! – Старый Жаб замолчал, окончательно прогнал из глаз цаплю и спустился к Лягушонку.

Вскоре к ним присоединился Филька.

– Совсем забыл! Совсем забыл о спектакле! Поздравьте меня! Целых две роли: пса-рыцаря и обколдованного влюбленного.

– Через Интернет, – стал объяснять Лягушонок Старому Жабу, – это все через Интернет! Филька сам придумал и организовал. Выбираешь персонаж, придумываешь ему несколько реплик и – на пробы. У них даже старая осина играет.

– А она кого играет? – Старый Жаб был искренне ошарашен.

– Старая осина играет старую-старую осину, – подробно объяснил жук.

– Как же, – сокрушался Жаб, – старая осина играет старую осину, немыслимо догадаться!

Тем временем жара расплавила воздух, над озером повисло марево. Другим ничего не оставалось, как схорониться в размытых корнях берез, что вкривь и вкось торчали по самому краю берега.

– Что можно было углядеть Старому Жабу такого-растаккого далеко впереди себя? – размышлял Лягушонок. – Даже Старушка Цапли не тронула!

– Кажется, я надеялся увидеть, что ТАМ. А ТАМ – понедельник! А здесь – воскресенье. А раз я в понедельник, то меня как бы и не было, я исчез для цапли, – гадал Старый Жаб.

– Как все они любят о чем-то помолчать, – бормотал Филька, – и как же я ненавижу думать! Он попробовал подумать про себя, но получилось то же самое: «Как же я ненавижу думать!» Вспомнил, что чем сложнее поведение животного, тем сложнее у этого животного мозг, и к удивлению друзей, постоял на голове. Позже перебрался по корням повыше, до самого ствола дерева и бросился головой вниз – оказалось ошибкой. Все еще лежа поискал глазами Лягушонка – тот сладко спал. Скосил глаза влево – и Старый Жаб спал. И Филька сам не заметил, как провалился в сон.

Долгий-долгий день

Жук Филька читал вслух: «Сон – это старый дядька с железной палкой».

Прервал чтение, посмотрел на изумленного Лягушонка и продолжил: «Светает. Озеро как упало посреди берез, осин и елей, так и не шелохнется. Никто не гуркнет, не квакнет, не переступит с ноги на ногу. Одни успели уgomониться, другие вот-вот проснутся и перевернут все с ног на голову, но пока светает – самый сладкий сон, самый мир... Все это знают. Но каждое утро находится бестолочь, которая толкнет рядом спящего или заорет во сне с перепугу, вывалится из гнезда или прикусит лапу и заночует. И как только тишина стронется, старый дядька с железной палкой набросится на виноватого и начнет бить, и рычать, и гургукать, и квакать, и крякать, и треск от обломанных веток под его ногами разорвет воздух, и тогда точно не услышите... а разве что увидите круги по воде от рассерженных ударов рыбьих хвостов...»

– Бейте нарушителя! Навалайте ему тумачков! Что он себе думает? Какое же счастье проснуться!»

– А нам не влетит, что без спроса читаем? – спросил Лягушонок.

– А кто знает, что мы умеем читать? – И Филька отложил тетрадочку Старого Жаба. – Ты умеешь читать?

Лягушонок покачал головой.

– И я не умею, – заорал Филька, – и я не умею! И много чего не умею! Кстати о жабах... Жаба, чтобы ты знал, может съесть маленького лягушонка запросто. Ам-ам!

Лягушонок стал думать.

– Ты хочешь, чтобы я забоялся? – выдавил он. – Или лишь бы потрепаться?

– Как ты догадался? – удивился жук.

– Додумался.

– Надо же!

Филька решил, что пришло время поудивляться, может, тогда Лягушонок забудет жестокою правду. Ну сморозил, и сморозил. И не сходя с места решил, что исправится, станет хорошим, добрым... Но, конечно, не самым-самым добрым, а то, пожалуй, его не узнают и здороваться перестанут.

– Мне плохо, – пожаловался Лягушонок.

– Дальше будет хуже! – ляпнул Филька и тут же осекся. – Это как же получается – перед тем, как брякнешь слово, надо еще и подумать?!

– Если меня съедят, никогда ее больше не увижу, – плакался Лягушонок, – никогда!

– А старого дядьку с железной палкой видел? – Жук встал на задние лапки, поднял передними веточку и что было мочи влепил Лягушонку по носу. – Видел?!

– Аа-аа-а! – вздохнул заорал Лягушонок.

– Ну прости! Я тебе как жук жуку объяснил. Да успокойся ты, а то в лес будут бояться ходить.

Лягушонок притих. Филька с вниманием оглядел распухшие губы приятеля и остался доволен.

– Ты показывал Старому Жабу свой подарок?

Вопрос застал Лягушонка врасплох.

– Какой подарок?

– Забыл про трухлявый пенек? – Филька искренне удивился. – А у тебя самого были в детстве игрушки?

– Нет! – едва слышно признался Лягушонок.

– А деревянная цапля? – допытывался жук.

– Никто ничего мне не дарил. Некому было. Совсем некому.

– Как же у всех одинаково, – расчувствовался Филька, – и любовь, и не-любовь, и... и войны за территорию. Все, как у змей... Или других гадов. Пошли! – И он подтолкнул Лягушонка. – Подобрал нюни и вперед!

– Что еще за нюни? – уперся Лягушонок.

– Сопли! Сопли подобрал, и пошли.

– Какой же ты, Филька, ядовитый. – И Лягушонок, скрыв улыбку, оттолкнул Землю и устремился в небо... Шмяк! Опять в небо. И опять: шмяк!

Во всем лесу никто, казалось, не слышал, как друзья отправились на поиски Старого Жаба. Кроме одной изящной змейки, которая пригнула голову к земле и устремилась вслед.

Старого Жаба нигде не было. Ни у Нижнего Болотца, ни на заброшенном поле, ни у озера.

Ошеломляющая новость: потерялся!

Жук Филька замер с поднятой лапкой.

– Что? Что такое? – забеспокоился Лягушонок и вдруг как-то странно вытянулся вверх.

– Хватит нам бегать! – приказным тоном начал Филька. – Мне вспомнилась фраза из тетрадки, Жаб пишет: «Все старики живут на островах, и я в том числе». Ты понял? Остров!!!

– Нет.

– Ну и дурак! Что тут непонятного? Мы его везде искали? – Везде! Нашли? – Нет! А на острове искали? Я тебя спрашиваю, искали?

Филька не дождался ответа и ответил сам:

– Нет, нет и нет! И что из этого следует? – Филька аж запыхался.

– И что следует? – невозмутимо повторил Лягушонок.

– А то и следует, что надо поискать Жаба на его острове. – Жук сдерживался уже изо всех сил.

– А остров где? – преспокойненько спросил Лягушонок.

– Ну, ты и завопросил! У тебя в голове вообще что-нибудь крутится? Типа арифмометра?

Лягушонок открыл, было, рот, но Филька уже бился в истерике:

– Не спрашивай меня, что такое арифмометр! Не спрашивай! Помолчи наконец!

Помолчали. Жук неторопливо протер лапкой правый ус, пошевелил им, потом протер левый ус и тут сообразил, что Лягушонок давно пялится куда-то ему за спину, и резко повернулся.

Над желтым цветком вспархивала и снова забирала его в объятия белокрылая ладошка.

Что-то похожее он уже видел или, может быть, слышал об этом... Но подул ветер, и белые паруса, сменив галс, проплыли рядом и исчезли в открытом небе.

Лягушонок опомнился. Напряг память и пересчитал: один, два, три, четыре... четырех съеденных им комаров – но это было утром. Напряг память сильнее и как во сне увидел Старого Жаба. Тот вдыхал запах спелого яблока с червячком. Вот ОНО! Остров!

– Нашел! – заорал он не своим голосом и окончательно выпрыгнул из мечты о прекрасной бабочке. Выпрыгнул высоко-высоко. – Нашел! Этот остров, он находится... он... – но не закончил: в двух прыжках от них изящная змейка готовилась к нападению.

– Тикаем!!! – еще до приземления успел выпалить Лягушонок. И друзья исчезли в наступивших сумерках.

Четыре дня подряд

У Старого Жаба изнуряюще ныло плечо, и при малейшем движении острая боль пронзала лапу до ладошки. Даже сделать запись в тетрадочку не представлялось возможным, даже громко сказанное слово нарушало связь с миром. Все это без спешки он объяснил Лягушонку.

– А что такого особенного не можешь взять на заметку, чтобы так расстраиваться? – полюбопытствовал тот.

– А температура воздуха? – тихо молвил Жаб. – Она сегодня нормальная. Самая-присамая летняя.

– А какая еще бывает температура? – переспросил Лягушонок и сам испугался своего вопроса. А вдруг Старуха Лягуха все объясняла, а он ни на одном занятии не был и теперь выглядел в глазах друга полным идиотом.

– А еще температура... бывает ненормальная, – строго указал Жаб и поморщился. – И тогда я отмечаю, что температура воздуха ненормальная.

От такого разнообразия температур у Лягушонка закинуло мозг. И в этот момент объявился Филька.

– Ну и кислые у вас физиономии, а я сегодня школу окончил. Целых два! Целых два класса. Можно сказать, жизнь безжалостно сократил на целых два. И не депрессию!

Он внимательно оглядел приятелей, обошел вокруг каждого и обратился к Жабу:

– Ты очень печальный, а сзади вообще... грустный-прегрустный.

– Мне что, задом улыбнуться тебе? – раздраженно буркнул Жаб.

Лягушонок попытался разрядить обстановку и протянул Фильке лапку:

– Привет!

– Мы когда с тобой познакомились, тогда и поздоровались. Зачем нам новое «здрасьте»? – и жук как бы не заметил дружественного жеста.

– Выходит, – рассудил Лягушонок, – если скажу «спасибо», получится, что я на всю жизнь тебе спасибо сказал? Это как лентяй умывальную воду искал: умылся – и на всю жизнь?

– На всю жизнь хорошо только друзей иметь! – вздохнул Старый Жаб.

– Моя жизничка! До чего сегодня все придурковатые. – Жук искренне расстроился и решил смотаться...

– У него плечо в лапу отдает, – поспешил сообщить Лягушонок, – а нам ничего не придумывается.

– Как не хочется, чтобы болело! – со стоном вырвалось у Жаба.

– Вот! Слышал? Болит, как нехочется! – и Лягушонок аж всхлипнул.

– Все проще простого! – Филька победно оглядел друзей. – Такая болячка называется бобер!

– Сам ты бобер! – и друзья постарались объяснить, что бобер это животное и что когда-то были в лесу Нижние Ручейки, а эти самые бобры понастроили плотины, и получилось Нижнее Болотце.

– Хватит с меня уроков! Если не бобер, значит барсук!

И барсук оказался тоже животным. И лучше никому с ним не встречаться: съест и глазом не моргнет. И так далее, и тому подобное.

– На вас не угодишь, – совсем расстроился Филька и тут же предложил: – Остается – бурсит! Точно! И как это я сразу недотумкал?! Заморочили голову своими «здрасьте» и «спасибо». А природа она же это, которая, сами понимаете... Короче, объявляю больному покой! Никаких движений, пусулек, и рот на замок!

Все замолчали, даже перестали дышать.

– И что дальше? – не выдержал напряжения Лягушонок.

– Дальше? Кормить будем! – не подумав, объявил Филька.

Целых четыре дня жук Филька и Лягушонок с утра и до поздней ночи ловили и таскали Жабу еду. Друг, к удивлению, оказался лакомкой и привередой. Ценой невероятных усилий они уговорили огромную зеленую гусеницу самостоятельно приползти к Жабу. Но вместо того, чтобы наестся до отвала и дать им передышку, Жаб с гусеницей разговорился, разоткровенничался так, что пришлось кормить и гусеницу, самую прожорливую тварь на свете.

– Как же я люблю что-нибудь брякнуть, не подумав, а потом отдуваюсь, – корил себя Филька. – Хочешь анекдот? – И не дожидаясь согласия, рассказал. – Укусила Лягуху Старуху змея, а она училкой оказалась. Змея тут же сдохла. – И захихикал.

Отсмеявшись, с сожалением посмотрел на притихшего Лягушонка, на стрекозу, на цветок клевера, на торчашую из земли шляпку гриба, перевел взгляд на бегущие облака, прислушался и припустился бежать. Скоро и следа не осталось. Как будто потерялся.

Полдень

Старый Жаб слушал музыку. Она бралась ниоткуда и вдруг. Он не мог ее как-то обозвать, не мог повторить или объяснить друзьям; она оставалась в памяти, как время, как солнечный день или лунная ночь. Зримо, чудно и волшебю.

– Выздоровливает, – шепнул Жук Лягушонку. – А ведь какую боль терпел, рядом стоять было нельзя. Больше самого Жаба боль. Представляешь? Эй! Ты меня не слушаешь!?

Лягушонок задумчиво молчал. Если такое возможно, что боль в какой-то момент делается нестерпимой и перерастает тебя, это же в точности, как любовь. Значит, любовь может раздуться, как облако, и все-все, кто находится рядом, поймут, что влюблены...

– Молчишь?! Я что, на паузу нажал? – с досадой вопрошал Жук.

Нет, не раздулась, как облако! Лягушонку сделалось смешно. Нет, никто не влюблен! И грустный голос приятеля тому подтверждение. Любовь не переросла Лягушонка. Тогда на поле, среди цветов, она вонзилась в самое сердце и закупорила все выходы, щелочки, дырочки. И пока не воскреснет в ком-то ответная страсть, и с места эта любовь не стронется. Легла на самое донышко.

И опять Филькин голос...

– А ты знаешь, что вчера было четырнадцатое? – Жук выпятил нижнюю губу с щупиками.

– Ты когда воображаешь, такой становишься некрасивый. – Лягушонок про себя нахмурился. – И конечно, я не знал, что вчера было четырнадцатое число.

– День взятия Бастилии! – Жук помолчал. – Все знают! – Жук снова помолчал. – Четырнадцатого числа взяли Бастилию. Праздник! А ты меня даже не поздравил.

– А кто ее взял? – Лягушонок не ожидал от себя, что задаст вопрос, а спросив, не был уверен: он что, сморозил глупость, а если даже сморозил, то, может, не заметили...

Но тут же получил ответ:

– Французы!

– Не люблю французов! Они лягушек едят! – и выпучил глаза, впервые почувствовав себя едой. И едой, которую глотают не аисты или цапли, а самые настоящие французы, которые взяли Бастилию. Лягушонок представил себе их длинные клювы.

– Знаешь что?! – выкрикнул он. – Не буду я тебя поздравлять с Днем взятия Бастилии! Лучше не жди!

– И не надо, – спокойно отозвался Филька, – мы теперь вместе не будем любить французов. Я уже не люблю!

«Странно! Очень и очень странно, подумал Лягушонок, я так сильно-пресильно люблю, но любовь никак не перерастает меня, ни на сориночку. А когда не люблю, то и Филька «не любит». Получается, что нелюбовь, как и боль Старого Жаба, может перерасти тебя самого. Как все непросто в нашем лесу».

– Хочешь анекдот? – И, не дожидаясь ответа, Жук рассказал: – Кусает Старуху Лягуху пиявка и думает, а вдруг она училка, тогда мне смерть. И смерть тут же приперлась.

Жук долго смеялся. А отсмеявшись, посмотрел на Лягушонка, на Старого Жаба и пожелал:

– Ну, вы выздоравливайте, а я как-нибудь забегу.

И был таков.

Вечер. Ночь. Утро. День

Весь вечер и всю ночь Лягушонок наблюдал из болотной топи за падающей звездой. И пока наблюдал, она все падала и падала и никак не хотела упасть совсем. А он загадал!

Загадал, чтобы бабочка наконец-то обратила на него внимание. А успеть загадать желание – это же целое искусство. Если звездочка исчезнет, до того как ты решил подумать: «хочу, чтобы...», а она бац и погасла, – значит не успел. А если поторопишься, все мысленно выскажешь и только после этого звездочка сгорит, тогда совсем другое дело: задуманное сбудется.

Лягушонок загадал, для верности повторил, немного подождал и добавил некоторые подробности, а звездочка все не падала.

На утро рассказал обо всем Фильке. Тот сразу врубился и подробно объяснил об искусственных спутниках. Полюбопытствовал, что такого особенного можно желать, сидя по горло в болоте?

Но идея полета спутника настолько захватила Лягушонка, что обо всем остальном на свете он забыл. Он раздумывал: как же так, спутник (он своими глазами видел) падал... А оказывается – не падал! И вообще они не падают. Тогда чем они там питаются? И не едят ли они лягушек?

Филька попытался вернуть друга на Землю.

– Послушай! Пошла Лягуха Старуха погулять, а тут пожар случился. Огонь собрался болото пожрать и до дна высушить, но увидел Лягуху-Старуху и думает: «Прыгает в точности, как училка, да ну ее» и быстренько погас. Так училка не успела огню двойку поставить. Очень досадовала.

– Ну как тебе?

Приятель как и не слышал. И повисла тишина, готовая породить громы и молнии, но Филька сдержался. Досчитал до одного – раз! Перевел дух, подбежал к открытой воде, глянул на свое отражение скосил глаза на Лягушонка:

– Сколько живу лучше себя никого не знаю!

И успокоился. Вернулся и решился на последнюю попытку:

– Меня под самое утречко Загадка поймала

– Как это поймала? – Лягушонок очнулся и с восхищением уставился на героя.

– Ка–ак?! – передразнил жук. – А так! Загадка тебя ловит, – и он вцепился Лягушонку в горло, – и как начинает душить, как начинает... И душит, и душит... И если не отгадаешь – все!!! Прощайся с жизнью! С лесом, полем, бабочкой...

Лягушонок, как ему показалось, с трудом высвободился из цепких лапок, проквашался, прочихался.

– Опять пугаешь?

Жук Филька расправил хитиновый панцирь, мастерски крутанулся три раза на одном месте, так что от его красных и черных точек зарябило в глазах, и припустился, что было мочи.

Жаб, дремавший в зарослях земляники, был окончательно разбужен возней приятелей и теперь наблюдал за оторопевшим Лягушонком.

Еще бы! Лягушонок в который раз надеялся поиграть, а Жук ни с того ни с сего уносит сломя голову, ищи-свищи его.

– А ты подрос! – отметил удивленно Старый Жаб, приник к земле и прыгнул. – И здорово подрос!

Жаб провел ладошкой над головой приятеля и как бы прочертил линию до своей груди:

– Вот до каких пор дорос! Мне по грудь! А я еще подумал, когда наблюдал за борьбой: если бы ты умел злиться, ты покалечил бы Фильку.

Лягушонок вспомнил свой испуг: – Так он меня... так он же меня чуть не задушил. Кха-ква, – закашлялся он.

– «Чуть» не считается, а то, что ты стал в два раза больше Фильки, – считается. И не обижайся, что он не поиграл с тобою. Ему некогда. У него подружка появилась... Удивительного в этом ничего нет, так что захлопни, пожалуйста, рот, а то засохнешь.

Лягушонок закрыл рот, но тут же и открыл:

– А если бы цапля тебя съела? Ну тогда! Помнишь? Ему давно хотелось спросить об этом друга, но все как-то неудобно, как-то неуверенно, да и вообще... А здесь сам Жаб отметил ладошкой, как он вырос. Значит и вопрос по росту.

Жаб пожевал губами и сглотнул.

– Ты спросил, что если бы цапля меня съела? – Он глянул вниз на спешащего муравья, слизнул его и ответил:

– Значит, съела бы! – посмотрел в глаза Лягушонку. – Однако не съела! И получается, что жизнь состоит из съеденных и несъеденных. Она все вместе. Ясно?

Лягушонок помолчал. Помолчал еще. И еще помолчал.

– Это ты сказал, что я вырос. Даже показал на сколько. Но я прослушал ответ, и он мне не по росту. Ни к берегу, ни от берега. Выходит нужно еще подрасти. И если ты не против, мы могли бы поиграть. Тогда и расти быстрее.

Жаб согласно кивнул, но прежде достал тетрадочку и записал: «Мир – красивая обложка книги про войну. Но Лягушонку это ни два, ни полтора». Закрыв тетрадочку.

Остаток дня они играли в прятки, в догонялки, в «Кто самый зеленый?»

Выигрывал все время Лягушонок. Он был по-настоящему счастлив.

По-настоящему счастлив оставался и Старый Жаб.

Через два дня

Цветок был махонький-примахонький, просто крошечный. Желтая точка сердцевинки, и вокруг белые реснички – младшенькая дочка ромашки. Лягушонок не мог глаз отвести.

После сумасшедшей ночи с оглушительными громами, молниями, мощным ливнем, где каждая капля величиной с голов... Пережить все это, забыть сном и вернуться в сияющий мир солнца, а перед тобою... Он протянул лапку и цапнул за стебелек. Цветок кивнул, и нежный аромат поплыл невидимым облачком, позволив себя вдохнуть и выдохнуть... «ква-а»!

Ничего более слабого, ненужного, несъедобного Лягушонок и представить себе не мог. Но это был подарок.

Так сказал Филька.

Подарок от бабочки.

Значит он все верно загадал на падающую звездочку. И на него обратили внимание.

Вновь объявился ядовитейший из ядовитых. Подозрительно оглядел обалдевшего Лягушонка с ромашкой в лапке:

– Спорим на слона!

– Что значит спорить на слона? – Лягушонок аж оторопел.

– Ну, если выигрываю, делаю тебя слоном.

– А если я выигрываю? – выпалил Лягушонок.

– Тогда не делаю тебя слоном.

Филька задрал лапку и посмотрел из-под нее далеко-далеко.

– Ну что? Будем спорить? – почти пропел он.

Лягушонок часто задышал. Спорить с тем, кто окончил школу. Целых два! Явный проигрыш.

– Не будем. Не будем спорить.

Друзья помолчали.

– А кто или что значит «слон»? – разомкнул тишину Лягушонок.

– Это самый высокий, самый большой, самый сильный зверюга. Уши, как огромные лопухи и до самой земли нос.

Лягушонок попытался представить диковинного зверя, но, как ни старался, воображение рисовало или большие лопухи или длиннющий придлиннющий нос – вместе не умещались.

– Да, – пришлось ему согласиться, – очень большой зверюга, в голове не укладывается.

– А что я тебе говорил! – Филька старательно выпятил грудь.

– А еще ты говорил, что своими глазами видел, как бабочка принесла цветок. Надо было тут же меня разбудить.

– Бестолку! Я тебя целых два солнца будил. Маленький, а спишь как слон.

– А как я скажу ей «спасибо»? А подарок? Мне тоже надо сделать подарок. Ну, не знаю! Как теперь быть?

– Закакал. Как? Как? Да никак! Улетела!

У Лягушонка отвисла нижняя губа. Филька замолчал, потер один глаз, потом другой и уже неторопливо продолжил:

– Лето кончается. Улетела. Одни улетают, другие уходят. Пришла пора и мне уходить.

«Все когда-нибудь кончается», – от этой мысли Лягушонку сделалось тоскливо.

– А тебе куда уходить?

Спросил и представил себе: два леса, Большое поле, Нижнее болотце и ни одной бабочки. Ни одного жука, осы, муравья, ни одной цапли, ни Старого Жаба, ни комара...

Филька оценил выражение на лягушачьей мордуленции как горе. И восстал:

– А давай-ка мы Старому Жабу подарим компьютер. Ноутбук. Согласен? Прямо сейчас возьмем и подарим!

У Лягушонка из головы, как вытекло. Но заполнить предложенным компьютером пустоту не получилось, так как ноутбук неоткуда было взять. А как вручать-то чего нет? Лягушонок с отчаяния прыгнул.

– Вечно все овеществляешь, – с раздражением буркнул Филька. – Учись смотреть в корень! Мы решили подарить ноутбук?

– Решили, – робко подтвердил друг.

– Ответ принимается. Мы так и скажем ему.

– Сказать-то скажем, но где подарок?

Лягушонок развел лапы и внимательно поискал между ладошками.

– Разве это главное? – перебил Жук. – Подумай хорошенько! Ты спрашиваешь, где ноутбук? А представь: если бы мы не решили подарить его Жабу, он был бы? Может, лежал бы и ждал? Нет! И еще раз нет! Его бы просто не было. Он появился, как только ты и я решили его подарить. Значит подарим! Разущем Старого Жаба и подарим.

И они опрометью бросились искать приятеля.

Ночь. Утро. День. Луна.

Старый Жаб досмотрел сон. Проснулся, проверил, в каком месте на небе Луна, убедился, что до рассвета далеко, и сомкнул веки. Он пересмотрел тот же самый сон во второй и четвертый раз. От начала и до конца. Просыпаться не торопился. Решил поразмышлять. Когда думаешь с закрытыми глазами, ничего не мешает, даже сам не можешь себя отвлечь, тебя как бы нет рядом. Конечно, ты есть, но в то же время тебя нет. Ты здесь и не здесь. Ты не проснулся в этот мир, ты не открыл в него глаза, не включил звук.

Пока сплетались и расплетались мысли, сон стал забываться. А когда Старый Жаб спохватился от сна, остался самый кончик: остров Мадагаскар.

«Вот оно! Наконец-то все сложилось! Отправим Фильку в посылке. И никаких промозглых осенних дней, никаких заморозков на почве, которых ни один жук не смог бы перенести. Упакуем, надпишем адрес и ... пусть поживет в тропическом климате. Ядовитейший из ядовитейших»

– Эрибуза!

Неожиданно прозвучавший голос заставил Старого Жаба подпрыгнуть. В отличие от лягушек и жаб, у жуков нет языка. Потому и голос у них похож на... если потереть камень о камень или просто стукнуть камнем по голове.

Жаб прислушался, Филька поучал Лягушонка:

– Эрибуза какая-нибудь тукнет тебя в морду, и ты не герой. Такое с каждым может случиться. А чтобы подобного не произошло, ходят в школу, набираются ума-разума, как я, например. И Эрибузу близко к себе не подпускают.

– Все! Убедил! – стал отбиваться Лягушонок. – Как проснусь, так и пойду. И пойду... А сейчас, если ты не забыл, мы ищем Жаба.

– Проснешься? Можешь не просыпаться: каникулы начались. И никуда не пойдешь и не пойдешь. Недопрыгнуть.

– Не повезло! – Лягушонок демонстративно закатил глаза. – Какая досада! Сердце надрывается, как хочу в школу!

– Но каникулы закончатся, – Филька выдержал паузу, – и закончатся очень скоро.

Лягушонок выдохнул весь воздух:

– Хоть не просыпайся!

– А будешь уроки пропускать – затупишься! Снаружи растешь, а мозгов на один раз...

Филька не успел договорить: Лягушонку так надоели нравоучения насекомого, что он неожиданно для себя навалился всем телом на жука и полностью отгородил от мира. Досчитал до двух: – рраз! два! – и отпрянул. Жук не двигался. И вообще не подавал признаков жизни.

Такого казуса Лягушонок не предвидел. А тем временем события набирали обороты: скрученная в колечко веточка распрямилась и оказалась изящной змейкой. Змея подняла голову, и вот уже уставились глаза в глаза. В одном дыхании ветра промелькнули прожитые дни и ночи и ... густая серая пелена накрыла мир.

– Филечка, дружище, беги, – прошептал Лягушонок, – змея!! Ничего не вижу...

Больше не понадобилось ни буквы. Филька подскочил как ужаленный, сообразил, что бежать поздно, и вот тогда-то: злость на судьбу за то, что он маленький, что он не ядовитый, злость на друга, что тот собирается пропускать уроки и жить дурак дураком, злость на то, что в последней игре он застрял на третьем уровне... И тут все злости сложились. Сложились в жуткую ЗЛОБУ с ушами, как огромные лопухи, носярой до земли, и выстрелила она во врага грубыми, бранными, оглушительными словами.

– Тра-та-та...

Змеюга извернулась, словно оказалась в высоковольтной зоне линии электропередач, и, о, чудо, к Лягушонку возвращалось зрение. И тут что-то невообразимо огромное рухнуло с неба. Между змеей и друзьями собственной персоной возник Старый Жаб. В каждой лапе он держал по заостренной с двух сторон палочке орешника.

Враг тотчас же испарился. Был – и не стало. События постепенно сбавляли обороты. Филька решил, что время «дарить» ноутбук не совсем подходящее, и принялся с повышенным вниманием осматривать заостренные палочки. Трогал и представлял их в действии.

– Это «воткнутики», – пояснил Старый Жаб. Их придумали в Андалусии*. Там каждый Жаб мачо.

За пятнадцать вдохов и выдохов Лягушонку открылось, что это их верный друг брякнулся сверху, а не ужасная Эрибуза. Еще пять вдохов и выдохов придали Лягушонку смелости задать Старому Жабу вопрос мучивший его не один день.

– Скажи, откуда взялся клоп?

– От других клопов, – поспешил ответить Филька.

– Это я сам знаю. А самый первый? Самый первый клоп откуда взялся? Филька, как и Лягушонок, застыли в ожидании.

Было покойно. В расплзающихся сумерках ярче и ярче разгоралась луна. И не заметили, как в их головах любопытные сны заняли лучшие места.

И снова день

Мелководная часть озера за лето успела зарости камышом и осокой, и лягушки облюбовали новое местечко, но и на новом месте перебивали старые сплетни. Ловили редких теперь комаров, похвалялись друг перед другом в том, что было и чего не было. Так одну и ту же историю приходилось слушать тысячи раз – сколько лягушек, столько и римейков одной лягушачьей жизни.

– И как им не надоедает! – возмущались все нелягушки.

Филька молчал. Не видя разницы между пустой болтовней и осуждениями, он увлеченно мастерил что-то наподобие воткнутиков Старого Жаба. Не получалось, хоть вовсе не смотрел.

– Эх-хэ-кэ, – приговаривал он, безуспешно пытаясь заточить кончик прутика о серую каменюку.

Лягушонок терпеливо ждал, когда на него обратят внимание, но на пятой, стертой в пыль, палочке не выдержал:

– Не понимаю! Почему в минуту крайней опасности ты не сделал меня слоном? Я точно бы затоптал змеюку. Я бы... – и Лягушонок вобрал в себя весь видимый ему мир.

– Даже в страшном сне не смогу представить себя болтуном, как эти квакушки, – ушел от ответа жук.

– Ты жизнями рисковал! – взорвался Лягушонок.

– Хочешь правду? – Филька промолчал несколько слов и закончил вслух, – Я ее пожалел!

Червяк, которого в любой момент могли слопать, перестал вгрызаться в землю. Паучок, мирно качавшийся на тарзанке, с размаха ударился о ветку. Кузнечик повалился в траву и сучил ножками.

– Ты в своем, это... – у Лягушонка отключился и снова включился мозг, – в своем уме? Как можно пожалеть ЗМЕЮ?!

– А представь!! – Жук напустил на себя солидный вид.– Я сделал тебя слонем. Огромным! Большеухим! Длинноносым! И ты втаптываешь до мантии Земли, – выдержал паузу,– маленькую, голодненькую гадинку? – Жук выдержал еще одну паузу. – Своими вонючими грубыми ножищами? А?

И Филька развел в стороны лапки, приглашая дикую природу в свидетели.

– А вот и стал бы! Еще как стал бы! И так ее! И так! И вот так! – Лягушонок явственно представил себе все перечисленное и в ужасе зажмурился.

– Стоп! Стоп! Уже затоптал! Остановись! Вспомни, пожалуйста! В тот момент в тебе кричал дикий страх. Ты готов был убить. И убил бы... Но страх прошел. Прошел, я спрашиваю?

Мир молчал. Молчали лягушки в озере. Без единого звука метались по небу птицы. С дерева сорвалась засохшая ветка и падала, и падала, и падала...

– Ну что, «СЛОНИЩЕ», в молчанку будем играть?

Лягушонок разожмурился и разжал кулачки:

– Похоже, ты прав. Слонем я бы ее точно пожалел. Да я бы ее и разглядывать не стал. Я же вон был бы какой!

– А будучи маленьким, убил бы?! М-м? Ну?...

У бедного Лягушонка пересохло во рту. «Что за пытка? Чему их там в школе учат, что они всегда правы? Даже когда не очень».

А Филька рушил последние сомнения приятеля:

– Дело вовсе не в том: справишься ты со змеей или нет. А в том, чтобы не испугаться. Вспомни Старого Жаба. Змея точно приняла его за СЛОНА, только ее и видели.

И жук футбольнул бесполезные прутики.

– Как они мне надоели!

После холодной ночи

УЛягушонка болел живот. Мучительно долго. До слез нестерпимо. Старый Жаб притащил с солнцепека плоский черный камешек и втиснул под Лягушонка. Тепло горячей волной растворило и утащило боль.

– Как же у меня грызло в животе, – первое, что вымолвил он, когда очухался.

– Маяться животом в молодости можно счесть за удовольствие – хмыкнул Жаб и стал натирать зернышком бузины пяточки друга – левую, правую...

– А разве в старости живот не болит? Это ж здоровски – дожить до такого счастья!

– В старости болит все! – возразил Жаб.

– Э-эй! Вы меня искали?! – Громкий, бодрый голос Фильки никак не вялся с медленными движениями его лапок. – Надо же так обломать... бац, и лапки кверху...какая холодная, промозглая ночь! Так и солнце остынет, последние денечки греет.

– Зато, когда солнышко улыбается, на душе становится радостно. Боль в животе исчезла, и Лягушонка умиляло все на свете.

– А если солнце и холодно до смерти? – рассердился Филька.

– А если холодно и солнце одновременно, получается «холодная радость», – нашелся Лягушонок.

Жук повернулся к Жабу:

– Ты понял? Нет, ты понял?!

Старому Жабу совсем не улыбалось оказаться в роли арбитра. Он посмотрел на желтый лист, который из последних сил держался за ветку, перевел взгляд на одинокий ком земли – без букашек, муравьев, без единой травинки, прикинул в уме, сколько раз за свою бесконечную жизнь все это уже видел, и, как бы подытожив, отрицательно мотнул головой: «не понял».

– А тогда кто в твоей тетрадошке наваял, что «наступят страшные времена, когда умные будут не нужны дуракам?» Получается – допрыгались? Ни в школу не ходит, ни меня не слушает. Сам с усам! У него, видите ли, «холодная радость»...

– Погоди ругаться! Мы тебя наперегонки искали! – Старый Жаб чихнул. – Правду говорю. И Лягушонок искал, и я. Торопились, чтобы до холодов, до заморозков отправить. На Мадагаскар! Там всегда тепло...

– И там на таких умных никто не обижается, – скороговоркой добавил Лягушонок.

– А найдешь, кому помощь предложить, – уже не одинок! – закончил Жаб.

Черная туча затянула полнеба. Лес, из которого солнышко вставало, был все еще в свете лучей. Зеленые иглы, желтые, рыжие, красные листья фантастическим костром отражались в озере, второй лес, в нем солнышко укладывалось спать, потемнел и уже раскатывал потемки на весь мир.

Порыв ветра обрушил на друзей мелкий, колючий дождь, в мгновение остудив воздух.

– Мордадон! – объявил Жук. – Он приходит с последними дождями. Ужасно колючий и холодный. Вгоняет все живое в спячку. Ему даже сны послушны. Случается такой красоты сон, что и просыпаться незачем.

От внезапно наступившего холода больше не хотелось ни разговаривать, ни думать, ни шевелиться. Ветер сник, дождь прекратился. Тишина звенела в ушах. Оба леса укутались в ночь.

Маленький день

Небо, как вода в озере, – синее синего. Хотелось нырнуть в него, но нырять вверх ни у кого не получалось, хотя некоторые пробовали.

«Некоторыми» был сам Лягушонок.

Иногда он подолгу всматривался, не мелькнет ли нос какого-нибудь более удачливого лягуша, сердце замирало в ожидании, но ни носа, ни хвоста, ни пузырьков, ни тени...

– Ты что в небо уставился? – Бесцеремонно вторгся в мечты Филька. Мало этого, что-то тяжелое ударило Лягушонка по лапке.

– Я тебе телефон приволок. С автоответчиком. Дозвониться в Мадагаскар – дело стремное.

– Чего-чего? – не понял Лягушонок.

– А ты подумай! Ну кто из нашего леса догадается позвонить в Мадагаскар? Можешь дальше не думать!

Филька посмотрел вверх, вниз, снова вверх и предложил, уже не глядя на друга:

– В общем, как только отправите меня посылкой, оглянуться не успеете, как холода подкатят. Жабы успеют попрятаться, зарыться, Старый Жаб так на самое донышко Трухлявого пня, тебя сморит сон под какой-нибудь корягой. Но прежде чем придет сон, сделается так тоскливо, хоть не живи... А грустно, как мне сейчас. Вот тогда вспомни наш разговор и включи автоответчик! Ясно?!

– Ничего мне не ясно! – Лягушонка рассердило, как все было не ясно. К тому же – голодно. Есть хотелось без всякой грусти и автоответчика. В голове мелькнул сон о комарах и мухах.

Утро давным-давно отступило, но солнце не спешило прогреть воздух, даже для стрекоз – зябко. Совсем перехотелось нырять вверх.

– Вот вы где! – Старый Жаб подпрыгнул поближе, разжал одну лапку, и все увидели двух осенних мушек. – Лопай, пока не улетели!

Лягушонок слизнул с ладошки угощение. Жаб разжал другую лапку, и паучок без подсказки отправился догонять мушек.

– Вы не живете! Вы едите! И получается, что правильнее говорить не «жабы в неволе живут до тридцати шести», а «жабы жрут до тридцати шести».

– Слышь, ученый! – Стрый Жаб обтер лапки о землю. – Пошли упаковываться!

И Жук Филька, и Лягушонок отправились за Старым Жабом.

Только к середине дня добрались до огромного преогромного дерева.

– Дуб, – указал Жаб, – самое крепкое дерево.

Казалось, они растратили все силы, но предстояло самое главное: отыскать пустой желудь. И нашли. Жаб снял с него шляпку и заостренной веточкой ткнул в малюсенькую точку, расширил до дырочки и высыпал из скорлупы труху, к великому удивлению непонятно откуда достал чистенького, беленького яблоневого червячка и запустил через отверстие в желудь.

– Обещал, ему, что не съем, если вычистит плод, – объяснил он Фильке, открыл тетрадочку, нашел адрес и тут же переписал на орех: «261 Мадагаскар».

Червяк высунулся сообщить, что все готово. Из белого и чистого он превратился в грязно-коричневого.

– Вылезай! Я свое слово держу! – Старый Жаб вытряхнул его на желтый лист, и пригласил Фильку занять помещение. Оба застыли: на их глазах Лягушонок слизнул яблоневого червячка, провел лапкой по брюшку, а на осуждающие взгляды ответил:

– Он меня от голодной смерти спас. И он в точности так же подумал.

Старый Жаб громко кашлянул и подтолкнул Фильку:

– Не дрейфь! Там тебя ждет вечное лето. Пролезай!

– Успеть бы насладиться! – И Филька протиснулся внутрь.

Жаб смолой залепил вход, оставив почти незаметную щелку для воздуха.

Солнце опустилось до верхушек деревьев второго леса, когда посылка была отправлена. Странное чувство нахлынуло на друзей. Не сговариваясь, они попрыгали в разные стороны. Скоро нельзя уже было расслышать ни мощных шлепков Жаба, ни мелких шлепиков Лягушонка.

Доброго денечка!

Свет то брезжил, то пропадал, холодный ветер с удвоенной силой гнал туму, и где кончался день и начиналась ночь, можно было не гадать – одинаково холодно.

Невидимая сила вдавливала спину в живот и прижимала к земле, лишая возможности прыгать.

Лягушонок устал. Он бесконечно долго полз, упираясь задними лапками в любой комочек, травинку, ямку или трещинку. Он в тысячу последний раз напрягся... и провалился в мышиную норку. Сверху посыпались камни, земля, песок. Ветер прекратился, голова кружилась, хотелось спать.

Поиски Старого Жаба ни к чему не привели. Стало быть, Филькино письмо останется тайной и много-много буквочек перезимуют непрочитанными. И Лягушонок почти пожалел, что не научился складывать из них слова.

Ему впервые не хотелось есть. Он почти насильно представил себе толстенького, щекастого, медлительного комарика и тут же прогнал из головы. Улыбнулся. Улыбка позвала улыбку, и он рассмеялся: вспомнились Филькины анекдоты про училку. «Старею – подумал Лягушонок, – смеюсь над тем, над чем раньше не смеялся».

Смех придал сил, и он протиснулся вглубь норки. Подвернулось удачное местечко, можно было освободиться от письма (его он положил справа), от колокольчика, что остался как память о волшебном дне (его он поместил слева), от автоответчика...

Лягушонок нажал на клавишу... и Филькин голос поплыл по всему под-земелью:

– Вы не дозвонились до своего друга по лучшей из причин: он отправился приветствовать солнышко, крикнуть ему «доброего нам денечка»!

– Доброго нам денечка! – повторил Лягушонок и сладко зевнул...

День или ночь

Верхний слой трухи был влажным. Изрядно повозившись, Старый Жаб смог-таки закопаться почти до нижнего слоя, где от березового пня отходили могучие корни, почти не тронутые гниением.

Две личинки майского жука и одна бронзовки подвернулись весьма кстати и поддержали силы: быть сытым и в спасительной прохладе – это ли не удача перед долгим зимним сном.

Жаб перебрал в уме картинки. На одной – он и Лягушонок отправляют посылку на Мадагаскар, на другой – он спорит с Жуком.

Да, жаркий получился спор. Рыжие муравьи сгрызли заветную тетрадку. А Филька заступился:

– Прочешь книжку или ее съешь, главное, чтобы от нее польза была, – вот и все его аргументы.

– А муравьям очень даже понравилась. «Сытная книженция».

И Старый Жаб задумался о разнице в обучении в школах: в его время (как же давно это было) и сегодня.

И еще одна картинка: Филька, напрягаясь изо всех сил, притащил малюпусенькую ромашку, подложил под бочок спящему Лягушонку. Потом расскажет, что сама Бабочка оставила Лягушонку подарок. С одной стороны, Жук наврал, но с другой... Уж и не вспомнить, что он тогда записал в своей тетрадке.

Истомный покой. Старого Жаб переполнила благодарность, и он ее подумал: «Лягушонок пообещал и сдержал слово». Сердце переключилось на

самую низкую скорость, и мир, как другая планета, больше не требовал к себе внимания. Даже сны улеглись рядом. В ту ночь березовый пень припорошило первым снегом.

Неподалеку, в лабиринте мышиных ходов, сладко похрапывал Лягушонок. Перед тем как смежить веки, он воздал хвалу всему, что познал. Попросил Неизвестно Кого, чтобы оберег Фильку, а Старому Жабу...хрр...хрр...

А дальше далекого, на самом Мадагаскаре, Жук Филька рассказывал Зеленой Гадюке о своих «друзьях-полярниках». Как и вчера и позавчера и позапозавчера, на самом интересном месте он обрывал повествование колдовскими словами «дослушаешь завтра» и спокойно засыпал. Он твердо запомнил, что главное не в физической силе, главное – не струсить.

Игорь ХАРИЧЕВ

ОТКРЫВАТЕЛЬ ТАЙН

В обществе царил страшный переполох – Гуппи тридцать первый заявил, что наш мир, возможно, существовал не всегда: он мог появиться когда-то. И в этом случае не исключено, что он когда-то исчезнет. Не меньший переполох случился тогда, когда Гуппи тридцать первый сделал открытие: доказал, что пространство мира, в котором мы живем, замкнутое. Для этого он плыл по линии, являющейся продолжением его тела. И, стартовав в одной точке, он через некоторое время вернулся в нее. Это было поразительно: никто до него не думал об устройстве мира, в котором мы живем. Он первым задумался о свойствах пространства и смог доказать его замкнутость. Ох, уж этот Гуппи тридцать первый, он вечно что-то открывал, будоража общество. Он умудрился объяснить те странные картины, которые мы – рыбы – видим, подплывая к некоторым границам нашего мира. Он предположил, что там другой мир, непохожий на наш и недоступный нам. Возможно даже, что в этом мире нет воды, что там нечто иное. До этого считалось, что непонятные картины абсолютно никакого отношения к реальной жизни не имеют – видения, не более того. Потому что они абсолютно никаким образом не влияют на нашу жизнь.

Стоит отметить, что до вмешательства Гуппи тридцать первого эта жизнь протекала спокойно и размеренно. В нашем мире обитают разные рыбы. Прежде всего, Гуппи. Это – самые неприхотливые и самые смысленные рыбы. Правда, самки Гуппи не могут похвастаться яркой окраской, но вот самцы блистают всеми красками. Особенно красив хвост. О, какие у Гуппи великолепные хвосты. А еще Гуппи – живородящие рыбы. Этим мы отличаемся от всех других рыб в нашем мире. Я, Гуппи двадцать девятый, рад, что принадлежу к этим рыбам.

А еще у нас обитают Жемчужные Гурами. Они тоже довольно красивые рыбы, хотя не в меру капризные. И немного странные: туловище у Гурами овальное, с боков сильно сплюснуто. Основной фон светло серебристый, с фиолетовым оттенком, по телу разбросаны белые перламутровые точки. Кому-то подобный окрас может нравиться. Еще есть Барбусы вишневые. Они крайне боязливы, постоянно прячутся в зарослях водорослей – им спокойнее с мелкими видами рыб. Самец имеет достаточно яркую окраску, красные с черной оторочкой плавники, а у самки плавники желтые. А в таком окрасе тоже не стыдно плавать в обществе. Есть также Неоны простые. У самки Неона более полное брюшко, поэтому у нее довольно привлекательная голубая полоса вдоль тела изогнута, а у самца она прямая. А кроме этой полосы Неон ничем более похвастаться не может. Есть Сомики золотистые – неприхотливая и очень миролюбивая рыба, но с весьма скучной окраской. Самцы немного мельче самок и имеют более острый спинной плавник. А еще у Сомиков есть усы, которые нам, другим рыбам, кажутся не слишком уместными. Да и с таким окрасом я бы, честно говоря, постеснялся плавать. Наконец, есть Кардинал – весьма подвижная рыба. Также миролюбива и неприхотлива. Молодые рыбки достаточно красивы: от головы до хвоста проходит яркая, мерцающая полоса, но она пропадает по мере взросления Кардинала. Самцы стройнее самок и имеют более яркую окраску, но куда им до нас, Гуппи.

Вообще самцы многих рыб окрашены ярче самок. Так устроен этот мир. Почему? Этого никто не может знать. Но Гуппи тридцать первый попытался и здесь сказать свое слово: так самцы привлекают самок – утверждал он. Однако, подобная трактовка никак не объясняла того факта, каким образом самцы смогли получить более яркую окраску? Наверно, они имели ее всегда. Однако Гуппи тридцать первый взялся доказывать, что именно потребность в привлечении внимания самок была причиной возникновения яркой окраски. Разумеется, все восприняли это утверждение как полнейшую нелепость. И, вдобавок, наглость. А как иначе называть опровержение общеизвестных вещей?

Он, конечно, странный, этот Гуппи тридцать первый: привык заплывать в небольшое круглое пространство, которое расположено вблизи от песка, покрывающего нижнюю часть нашего мира, и подолгу находится там, предаваясь размышлениям. А уж если вылетал оттуда в возбуждении, значит с какой-то новой идеей. Как-то он заявил: «Это хорошо, что есть разные рыбы. Мир от этого только лучше. И мы должны хорошо относиться друг к другу. Потому что все рыбы – братья». Мы, конечно, за добрые, мирные отношения между разными рыбами, но каждому из нас рыбы нашего вида важнее и ближе других. А тут: все рыбы – братья. Заявление вызвало полное непонимание в обществе, что вполне объяснимо.

Не встретив отклика на свои изыскания, Гуппи тридцать первый принялся изучать окружающий мир. Он начал со странных картин, видимых у некоторых границ нашего мира: там возникают порой какие-то размытые фигуры, не похожие на рыб, замирающие на месте или движущиеся. Но это никак не сказывается на нашей жизни. То есть эти фигуры – одна видимость, не более. Но Гуппи тридцать первый предположил, что там другой мир, совсем непохожий на наш. И попытался доказать это. Знаете, как? Сначала он заметил, что появление еды в кормушке непременно связано с приближением темной фигуры. То есть, не всегда приближение фигуры связано с появлением еды, но всегда появление еды происходит при появлении фигуры. Когда все стали сопоставлять одно с другим, они смогли убедиться в наличии этой удивительной взаимосвязи. Вслед за тем Гуппи тридцать первый и высказал свою идею о существовании другого мира, устроенного совсем иначе. И недоступного нам. Согласиться с таким было невозможно: какой-то другой, непонятный мир! Как его существование могло вытекать из того факта, что еда появлялась только при обязательном приближении неясной фигуры? Не удивительно, что общество не захотело принять эту идею и даже осудило ее. Зачем выдумывать всякие несуразности? Тем более, что они могут вызвать у молодых, неопытных рыб неправильное отношение к окружающему миру, а это просто недопустимо.

Тогда Гуппи тридцать первый решил заняться изучением пространства, в котором мы живем. Пробыв некоторое время в своем излюбленном месте, он выплыл оттуда в явном возбуждении и, выбрав направление, в котором менее всего препятствий, поплыл по линии, являющейся продолжением его тела. Натыкаясь на границу пространства, он делал поворот таким образом, чтобы линия продолжалась на новой поверхности границы пространства. И так он вернулся в ту точку, из которой стартовал. Немедленно им было созвано все общество. И он повторил совершенное несколько раз под присмотром всех рыб, населяющих наш мир. Он неизменно возвращался в ту точку, из которой стартовал. И все, кто повторял его действия, возвращались в точку отплытия. Это вызывало изумление. И недоумение. Никто не понимал, почему так получается. И тогда Гуппи тридцать первый сообщил, что полученный результат доказывает замкнутость пространства, в котором мы обитаем. Тут уж с ним никто не спорил. Не потому, что ему поверили – просто смирились с его объяснением.

Через какое-то время он опять выступил с идеей другого мира. На этот раз он стал доказывать, что старые рыбы, которые больше не могут жить, не исчезают, а уходят в другой мир. То есть, когда жизненные силы покидают их, что-то хватает их и уносит в тот другой мир, который существует рядом с нашим. И там они продолжают жить. Так что непонятные фигуры, скорее

всего, принадлежат рыбам, которые покинули нас давно или недавно и которые смотрят на нас из другого мира. Это объяснение устроило многих. По крайней мере, оно объясняло, куда исчезают старые рыбы, лишившиеся жизненных сил. И оно было приятным. Поэтому на этот раз идею другого мира приняли, хотя и без особого шума. Просто так получилось, что через короткий период все поверили в другой мир и в то, что в нем обитают покинувшие нас рыбы. Но Гуппи тридцать первого все равно продолжали считать чудачком, хотя уже прозвучало: открыватель тайн.

Первым это сказал один из двух сомиков, тот, который пообщительнее: Гуппи тридцать первый – настоящий открыватель тайн. Его слова были подхвачены, прежде всего, молодыми рыбами, которые проще принимают новое. Но для взрослых рыб Гуппи тридцать первый оставался прежде всего чудачком, пусть невредным, имеющим определенные заслуги перед обществом, но чудачком. Слишком часто он взрывал общественное спокойствие.

Он, конечно же, подтвердил, что является и открывателем тайн, и чудачком – выступил с предположением, что наш мир, скорее всего, существовал не всегда. Ведь если мы появляемся на свет и потом исчезаем, то и наш мир тоже мог появиться когда-то. И в этом случае он когда-то непременно исчезнет. Надо сказать, что с первой частью предположения многие готовы были согласиться, но не со второй. Глупо допускать, что когда-нибудь исчезнет мир, который существует. Куда он пропадет? И каким образом? Это казалось полной глупостью, хотя молодые рыбы ухватились за столь сумасшедшую идею. Им бы только противоречить взрослым. «Мир исчезнет, мир исчезнет», – повторяли они, совершенно не думая о том, что произойдет в этом случае с ними.

Самое непонятное было в том, что Гуппи тридцать первый не обращал никакого внимания на реакцию общества: его не расстраивало неприятие весьма смелого и спорного предположения взрослыми рыбами, равно как и не радовала поддержка со стороны молодых рыб. Он был полностью погружен в свои размышления. Какие еще идеи успели явиться ему, мы теперь не узнаем. Скорее всего, вследствие непрерывных размышлений он почувствовал себя плохо, жизненные силы стали покидать его, и настал момент, когда он исчез из нашего мира.

Думаю, Гуппи тридцать первый был настоящим открывателем тайн. Он доказал, что пространство нашего мира замкнутое. Это поразительно: никто до него не думал о устройстве того мира, в котором мы живем. Он первым задумался о свойствах пространства и смог доказать его замкнутость. Это важное открытие. Но о нем почти уже забыли. Как и о его странных идеях. Молодая поросль давно не носится с утверждением: «Мир исчезнет».

Осталась только вера в существование другого мира и в то, что в нем обитают покинувшие нас рыбы. И что непонятные фигуры, порой возникающие на границах нашего мира, принадлежат рыбам, которые покинули нас давно или недавно и которые смотрят на нас из другого мира. Я давно понял: для живущих рядом со мной вера куда важнее знаний.

Наша жизнь протекает совсем спокойно. Хотя мне порой жаль, что Гуппи тридцать первый покинул нас так рано.

Сергей КАРАТОВ

ПОДСТАВИЛ

Лида Колесникова мне нравилась с первого курса, особенно с тех дней, когда начались консультации перед экзаменами. Обычно она ходила на занятия в стандартной школьной форме: в платье коричневого цвета с белым воротничком и в черном переднике. Хотя в педучилище такая форма выглядела анахронизмом. Лида сидела неподалеку от меня, и мы часто переглядывались, и улыбались друг другу. Мой товарищ и сосед по парте Дима заметил это и стал советовать, чтобы я пригласил девушку в кино. Я все откладывал и в итоге дотянул до конца первого курса.

На одну из консультаций, кажется по истории, Лида пришла в коротком летнем платье и буквально очаровала меня. Ее веселые карие глаза, темные брови и пышные каштановые волосы стали особенно притягательными в этом простом платье луговых тонов. А когда после занятий мы всем курсом высыпали на улицу, и я увидел ее красивые ноги, то все мысли об истории тут же улетучились напрочь: я понял, что окончательно влюбился в свою однокурсницу.

Конечно, экзамены с божьей помощью были сданы, а вот Лиду я был обречен не видеть целых два летних месяца. Но если бы я даже и видел ее, то подойти к ней я бы все равно не смог – настолько стал нерешительным и скованным.

С первых же дней сентября нас, второкурсников, целых четыре группы, посадили на грузовики с деревянными сиденьями и повезли в совхоз на уборку картофеля. Парням, которых в каждой группе было всего-то от двух до пяти человек, поручили возить воду на гужевом транспорте. Совхозный конюх на-

скоро обучил нас запрягать и распрягать лошадей, велел загрузить пустые молочные бидоны, по пять-шесть на каждую телегу, и отправил нас заливать их у колодца. Бидоны с водой мы везли за несколько километров, ставили их среди убирающих картошку девчонок, а сами отправлялись на другие поля, где можно было разжиться золотыми початками кукурузы, отменной репой или крупной и сладкой морковкой. Времени было предостаточно, и мы поворачивали лошадей к речке, чтобы помыть овощи. Нам очень понравилось оказывать знаки внимания своим девушкам, которые при нашем приближении оставляли работу и сходились на сладкое угощение. Мне особенно было приятно одаривать Лиду, видеть ее благодарную улыбку, наблюдать, как она изящным движением рук прячет под косынку выбившуюся прядь волос.

Обед привозили на машинах, в больших термосах, и прямо из кузова начинали раздавать алюминиевые чашки с дымящимися щами, после чего накладывали огромную порцию гуляша и наливали большую кружку компота. Мой товарищ и напарник по водовозке Дима так и старается пристроить меня поближе к Лиде. Я не сопротивляюсь, и мы, лежа на опушке леса, нежмся в последних теплых лучах солнца, беседуем, строя планы на будущее. А оно кажется таким огромным, как это сентябрьское синее небо с большими березами и пролетающими на легком ветерке паутинками.

*Голос нежен, румянец зарделся,
Усмиряет подол на ветру...
Изо всех на одну загляделся,
Вожделенно включившись в игру.*

*Сколько радости в ней, сколько света!
Каждым взглядом ее дорожу.
В те луга, в то волшебное лето
Постоянно за ней прихожу.*

Я говорю о чем угодно, но никак не могу решиться и позвать Лиду в сельский клуб или просто побродить вечером и полюбоваться закатами.

Почти с самого начала учебы Лиду и меня включили в самодеятельность, которая всегда процветала в нашем педучилище. Дима уже на первом курсе выходил на сцену и, надо сказать, отличился на этом поприще. Но в этом году его почему-то не было среди собравшихся в драмкружке.

Руководил работой самодеятельности Петр Андреевич Ковязин, человек очень деятельный, несмотря на возраст. Вообще-то он преподавал фото-кинодело. А самодеятельность была его общественной нагрузкой. Тем более, что он когда-то, по молодости, выступал на городской сцене.

На занятиях Петр Андреевич любил закрываться в фотолаборатории с девушкой поинтереснее и побойчее. Если дверь была заперта изнутри, а в узкую щель пробивался в коридор красный свет, то мы, парни, на этот счет меж собой говорили так: «Опять наш дорогой Ковязин с юной фотолюбительницей пленку проявляют». Подходившие девчонки спрашивали:

– Какую пленку? Ту, что летом в походе снимали?

– Да, да, ту самую... – говорили мы и дружно хохотали. Девушки, уходя, перешептывались и тоже начинали хихикать.

Так вот, собрал нас на сцене актового зала наш многоуважаемый Петр Андреевич и стал спрашивать, как мы подготовили розданные накануне тексты. Конечно же, тексты почти никто не прочитал, и первая встреча не получилась деловой; разговор был о прошедшем лете. Это была моя инициатива подбросить летнюю тему: я сгорал от любопытства, где провела каникулы Лида, которая уехала сразу же с последнего экзамена, не оставшись даже для участия в общем летнем походе. Оказалось, что родители отослали ее к тете в Карелию, где она прожила в поселке, на берегу большого озера. Когда мы расходились, я помог надеть пальто Лиде, напевая: «Долго будет Карелия снится...»

Через несколько дней интермедия, наконец, была прочитана и после некоторой раскочки все участники начали проникаться игрой в будущем спектакле. Конечно, не хватало ни умения, ни решительности. По условиям пьесы я должен был обнять Лиду и крепко поцеловать. Это у меня явно не получалось. Тогда Петр Андреевич отстранил меня, бросился к Лиде и грациозно обнял ее.

– Гриша, – обратился ко мне педагог. – Вокруг столько девушек, неужели ты не целовал ни одной из них?! Видишь, как свободно я это делаю...

– Куда мне до вас, Петр Андреевич, – сказал я, потупившись.

– Так ведь учиться надо! Тебе предоставлена возможность. Вот и действуй!

И я начал действовать. Правда, все равно по-настоящему крепкое объятие с поцелуем получились только с шестой или седьмой попытки, но все-таки это уже был успех.

В конце репетиции Петр Андреевич обратился ко мне и Лиде:

– У вас в целом получается неплохо, но сценку с поцелуем вам надо непременно подрепетировать, – сказал Петр Андреевич и втихаря подмигнул мне.

Мы переглянулись с Лидой и закивали в знак согласия...

На другой день в классе, после большой перемены, Дима, садясь рядом за парту, сказал:

– Видел я, как ты шел с Колесниковой, держась за руку. Молодец, старик. Значит, дела пошли на лад?

Я многозначительно выдержал паузу и боднул его головой.

Улыбнувшись, Дима продолжил:

– Ты, Гриша, между прочим, и знать не знаешь, что это я затащил вас на сцену. Убедил Ковязина, что в тебе зарыт огромный сценический дар. Эдакий Щепкин нашего времени... Таким образом, благодаря тебе я смог удрать из драмкружка.

– Ну, ты и прохиндей, Дюмон!

Я погнался за товарищем вниз по мраморной лестнице. На улице мы маханули с крыльца, сделали круг около аллеики и, перебежав через дорогу вниз, оказались на берегу пруда. На мокром прибрежном песке я подхватил плитку и запустил ее далеко вдоль зеркальной поверхности. Сделав несколько скачков по воде, камень разбежавшимися кругами исказил отраженные в пруду облака.

От бега стало жарко. Расстегнув пиджак, я подошел и положил руку на плечо Димы:

– А вообще-то я тебе благодарен, старик. Если бы не сцена...

ПОЭЗИЯ

Ирина ВАСИЛЬКОВА

Я ЗВУК И СЛУХ, Я БЕЛОЕ НА БЕЛОМ

* * *

*Вдохновлюсь всерьез пейзажами законными –
Золотое-червонное (ишь ты!) еще висит –
и зайду в аптеку купить шампунь с феромонами,
а ехидная дева предложит «Новопассит».*

*Тили-тили, стояла березка во поле...
На газоне узором листья – сойти с ума,
не по детски жгут... Это с клена, а если с тополя –
то уже облом. Сбой программы. DELETE. Зима.*

* * *

*Узкоглазый лучник снимает цель попаданием точным,
оперенье стрелы дрожит, тетива поет.
Мир сместился, борей сменился юго-восточным,
и углом к горизонту ястреб ушел в полет.
Я в гудящие струи ступаю, не зная брода,
и на тех путях, что Бог надо мной простер,
мне опять по нраву родина и свобода,*

горловое пенье, голых степен простор.
 Срифмовалось все – *alma mater*, восторг, атака,
 лисий промельк рыжий, колчан на сухом плече.
 Я иду на звук – там пустой коридор химфака
 г-образен, как ход коня, и в косом луче,
 бьющем из-за угла, клубятся такие тени,
 что стрела времен закручивается в кольцо,
 и пространство глючит, и мраморные ступени
 выбегают в степь, где пружинит ветер и пыль в лицо
 зренью жадному уступает такую малость –
 черный крестик птицы в мареве золотом.
 Нас настигнут любовь и ярость, смирит усталость
 и утешит старость – но это потом, потом.

Из «Египетского файла»

Сюда залетаем дуриком, дней на пять,
 и, окрестности взглядом схватывая моментальным,
 в свои холода возвращаемся – фотографии тасовать,
 о себе вспоминая не в первом лице, а в третьем,
 и то не вполне реальном.

Как они здесь живут, не захлебываясь в тоске,
 с порогов своих лачуг ежедневно глядя
 на дворцы и царства, растворяющиеся в песке,
 так что даже кругов расходящихся не различить
 на спокойной глади?

На разливах Нила зацикливая календарь,
 мотыжат свои клочки с мечтой о скромном гареме,
 будто можно в сегодня влипнуть, как муха в янтарь,
 будто можно играть по законам другой игры,
 не замечая, как проваливаются миры
 сквозь дырявое время.

* * *

А чужая жизнь горяча, как ром,
 и павлиньим блестит пером,
 отливает золотом-серебром
 над когда-то родным ребром.

*Ох, наладил дудочку крысолов –
умыкнул вас без всяких слов,
только ветер шныряет поверх голов,
только зарево меж стволов.*

*И не жаль того, что пустеет дом,
возведенный с таким трудом,
если время одной оставаться в нем
и холодным гореть огнем.*

*Соблазненных жаль – до чего просты!
До сияющей той черты
сквозь клочки ликующей темноты
побредут – и меж ними ты.*

*И сквозь музыкачку эту вам глядя вслед,
я молчу, затаив секрет,
что за той чертой – ничего там нет,
лишь последний спящий свет.*

** * **

*Эксцентричная леди медитирует над прудом,
ею же вырытым. Ланшафтный дизайн – отчасти
анестезия, а вовсе не хобби. Построить дом –
необходимо, но недостаточно для достижения счастья.
Бригада шабашников лепит новый хозблок,
обещая – под ключ. Живая бетономешалка,
таджик, фактурный, как зороастрийский бог,
подмигивает, играя бицепсами... Ей становится жалко
себя, но это проходит. Ерошит пальцами колоски
недокошенного газона, рассеянно отмечая,
что депрессия близко, но на каждый приступ тоски
есть таблетки, коньяк и немного чая
с садовой мятой. Еще – надежда на новый душ,
и даже забор, если денег подкинут дети.
Что еще в списке плюсов? Внук. И декоративный муж,
словно муха в меду, тоскующий в Интернете.
Лепесток пиона рассматривает на просвет...
Ей кажется – все куда-то ушли, а ее забыли.
Красавца зовут Бахром – почему бы нет?
И немного свербит в носу от цементной пыли.*

* * *

*если б лето длилось еще сорок тысяч лет
мне б донашивать впредь стрекозиный лесной наряд
а они твердят не сезон выключают свет
а они смеются все кончилось – говорят*

*ждет беда по ночную сторону той черты
лед в затылке и страх слюдяной воронье перо
но из хвойной подстилки жалящей темноты
возгоняется ртуть альбеде лунное серебро*

*в четырех стенах тишина забивает рот
заливает слух но вибрирует телефон
там подруга уже перешедшая реку вброд
без ума ото льдин – какой был хрустальный звон!*

* * *

*Сухую пыль апрельский ветер гонит
И тусклый воздух светится весной.
Какой-то моль проснулся на балконе
И мотыляет весело за мной.*

*Мы с ним такую зиму пережили,
Такую яму – Бог не приведи!
И жмуримся от солнца и от пыли,
И чувствуем, что лето впереди.*

*Сквозь стену мы пробились, словно в танке,
Вот почему я искренне скажу:
Он мне теперь – товарищ по землянке,
Окопный друг, собрат по блиндажу.*

*А значит, в пору ведер, губок, щеток,
С которых начинается весна,
(В победный час побитых жизнью теток,
Ведущих бой за чистоту окна),*

*Я мокрой тряпки в дело не пускаю,
Но, повторяя пушкинский пароль,
Опять «на волю птичку выпускаю
На светлом празднике»... Лети, мой верный моль!*

* * *

*Эта дура с косой так и ходит рядом,
и понять бы надо, каким ей медом
тут намазано – то ли безвольным взглядом
притянула, то ли неверным ходом.
Я страшусь носить в себе эту порчу,
излучать смертельные феромоны,
изучать ее роковую почту,
поминальные предвкушая звоны.
Чем спастись – ровных огней гореньем,
по свече на тех, кто меня обидел?
Написать прощанье-стихотворенье
и спалить дотла, чтоб никто не видел?
Полюбить – убить – угостить обедом?
Воспарить в зенит и сорваться в ересь?
Или в лоб спросить – что ты бродишь следом,
да не может статься, чтоб мы не спелись! –
и в товарки ей навязаться, что ли?
Но понять ухмылку ее немую
и собрать в кулак все остатки воли,
выходя на финишную прямую.*

* * *

*Октябрь переламывается пополам
перед разжалованным золотопогонным строем
осенних парков, и ветер трубит героем,
сметая с лица земли уцененный хлам
галунов, петличек, кокард, боевых наград,
чистому драйву рад.
Ключья заслуг, обрывки доблести летят лавиной.
Мы с тобой тоже из октября, из второй его половины,
из воронки, втягивающей который год
в водоворот.
Помнишь? – спрашиваю.
Да нет, не помню.
(Что сохраню, если едкой влагой глаза наполню?
Ничего).*

Ничего страшного – такая пора,
ветер с утра до вечера, с вечера до утра,
монотонно гудящим дьявольским пылесосом,
не бежать же за помощью к рощам простоволосым,
почти уже лысым,
не сходить же с ума –
скоро зима.

Жизнь нудней терпеливого педагога –
осенний урок, римейк – от огня до стужи,
но я тупа, как подросток (или упряма, что еще хуже),
и смутно верю – во что? В негэнтропию? Бога?
В стрелу времени, повернувшую вспять?
В тебя?
Если бы знать...

* * *

Расщелинами розовых садов,
прижатыми к изножью вечных льдов,
клянусь тебе, что смерть нежней и строже,
чем кажется, что пагуба времен
не лиц не сохраняет, не имен,
и сон долит, и прах пылит, и все же –
флейтиста не минует благодать,
и музыка отправится блуждать
в пространствах перекрученных, где можно,
поить ее, как бабочку с руки,
считать ее воздушные витки
и, крылья выправляя осторожно,
пускать вперед, идти на темный звук,
пренебрегая радостями тела,
и полый шар, трехмерный мир из рук
роняя ради звездного предела.

Усталый странник хмур и козлоног,
он свил ремни натруженных дорог
в тяжелый пояс, охвативший чресла –
ему б не рвань, а бархат и парчу,
но я смотрю на это – и молчу
о том, что умирала и воскресла,
о том, что все предсказано во сне,

о том, что на обратной стороне
нет ничего от зависти и страха,
что там он светел и неодолим,
и небо благосклонное над ним
расцвечено, как царская рубаха.
Он вздрогнет, ухватясь за эту нить,
он голову захочет приклонить
к моей груди с отчаяньем и верой,
но я еще смогу поймать сквозь сон,
как дым течет сквозь пурпур и виссон,
и пахнет серой.

Одиссей – Пенелопе

Ну, встречай же мужа! Считаешь, я
сам вернулся? Да нет, это ты – змея,
паучиха – расставила нити, сети,
намагнитила воздух – твоя взяла! –
а закрытого от ворожбы угла
просто нет на свете.

Нагулялся, веришь, пришла пора?
Черта с два! Медея тебе сестра –
ад крошечный в обмен на одну потерю.
Вам бы с ней, как сучьям, трещать в костре –
подыграй же, сучка, своей сестре –
да не плачь, не верю!

Верность? Дудки, мир не стоит на ней –
вечный бой для мужа куда важней.
Если был я счастлив (признаюсь бабам!) –
то лишь там, во сне, где, тебя убив,
переписывал ненавистный миф
в назиданье слабым.

В Ойкумене сотни таких Итак –
лишь ручей каменистый, иссохший злак
и твои амуры.
А меня не в таких еще царствах ждут!
Да куда я денусь? Ну тут я, тут.
Раздевайся, дура!

Полнолуние

1

*На зимний город, тихий и печальный,
течет луна – тяжелая вода.
Сомнительный полет трансперсональный
приму за аксиому – и тогда
сквозь лунный обод, чуточку овальный,
в пустые бездны проскользну – туда,
где зев ее зеленый, слюдяной,
как зеркало, охотится за мной.*

2

*Луна блажит – неведомо о чем –
над миром ледяным. Но если сутью
считать развертку крыльев за плечом,
не белизной, а оловом и ртутью
мерцающих – давайте иссечем
каналы слуха, превратив в лоскутья.
В них лунная тоскует амальгама –
ей не дается солнечная гамма.*

3

*Гудящим тембром вспарывает душу
ее фагот, сходя на инфразвук
и затухая между ребер глуше,
чем сердца отлетающего стук.
Сказать по правде, я немного трушу,
но нити ариадниной из рук
не выпускаю – и по злему льду
под перьями свинцовыми бреду.*

4

*Твою обузу чую на спине,
Пегас, неумолимая лошадка –
свинец, и олово, и ртуть тройне
гнетут, вминая в плоскость без остатка.*

*Быть может, лунный диск доверит мне
неощутимый смысл миропорядка?
Как пренатальных страхов подоплека,
дрожит архетипическое око!*

5

*Под этим фосфорическим прицелом
я распадусь на тысячу монад –
я звук и слух, я белое на белом,
и ледяной огонь, и звездный сад,
и парапет, где с видом обалделым
коты оцепенелые сидят,
не зная, в слюдяной уставясь глаз,
что он и я – одно на этот раз.*

6

*Луна поет. Ее раскрытый рот –
большое “0”, серебряная глотка,
магнитный ход, свистящий световод,
нуль-перелет, спланированный четко.*

*Рвануть бы! ... за спиной моей сомкнет
разрыв четырехмерная решетка
и, тяжким снегом падая за ворот,
свинец и ртуть укроют спящий город.*

Илья ФАЛИКОВ

ТЕМПЕРАТУРА СТИХА

Пой над отечеством...

*Наши края соловьи́сты, лосисты,
много волков и овец.
Пой над отечеством, мой голосистый,
самый народный певец.
Русские дети сидят на диете.
Третьего Рима не стало на свете.
От Филомелы известия эти
примет монах Филофей.
Неразложимо сольются в дуэте
колокол и соловей.*

*Колокола упоенно запели
в поле, за лесом – в горах
зверь из-под дуба, тротил из-под ели,
в каждом укрытье Аллах.
Волки, герои, орлы, финансисты,
гранатометчики, рецидивисты,
братья Саддам и Сосо, баасисты,
плещут кровавой росой.
Пой над отечеством, самый басистый,
тридцатитонный Сысой*.*

* Имя колокола

*В штатном режиме рифмуется с летом
лермонтовский лейтмотив.
Мы вразнобой распеваемся следом
за песнопеньями див –
в Тигр и Ефрат, полыхая устами,
гурии входят гурьбой.
Дышит космической бурей в пустыне
великолепный ковбой.*

*Тени проносятся – пеший и конный –
над Валериком, рекой.
Не переписываются законы
оной музыки – на кой?
Жизнь продолжается. Вопли и стоны,
бешенство и мордобой.
Пой над отечеством, тридцатитонный,
самый басистый, Сысой.*

Тамань

*В самом скверном из приморских городишек
вьется по ветру лиловый ломонос,
чесет в баню строй матросов-коротышек,
от жары ли, от муштры ли безголос.
Нет ни песен, ни победной эйфории
на суворовском подмытом берегу,
веет ветер по холмам Фанагории,
казаки решают темы на кругу.
Как придут сюда и сядут на Тамани,
дабы голос на лимане не ослаб,
и воздвигнут бронзу, песнь об атамане,
активисты Толстопят и Косолап.
Левый ус ему отхватит вражья пуля,
но народ ему приварит новый ус.
Из-за печки выйдет слава, карауля
прибывающий по морю левый груз.*

*Заночует ветер в крыше камышовой,
волны вечности в тумане шелестят,
и следят с надгробий эллинские совы*

за течением людских и конских стад.
Отшипят в прибое пушечные ядра.
В синем море или прямо на земле
отпирует ушаковская эскадра
и Геракл отдастся женщине-змее.
Отдымится на земле сквозная рана.
Посреди наложниц, как заведено,
в затемненном помещении кургана
хлещет скиф неразведенное вино.
Никому не миновать земного лона.
Из-под лапы беломраморного льва
возникая, ионийская колонна
ткань летящего подхватит Покрова.

Никому я ничего не завещаю
за отсутствием чего-то, а пока
в белой мазанке всецело замещаю
штаб Тенгинского пехотного полка.
В царском городе ведет себя неловко
одаренный мальчик, норов обретая,
а в глуши юнца отыщет помилровка
по царапине от первого бритья.
Надо выкопать, наверно, новый ерик
или печку в старой бане затопить.
Влип в историю заезжий офицерик.
Обобрали и пытались утопить.
Остальное, разумеется, в тумане,
потому и звезд невидимых не счесть.
И за это ставят памятник в Тамани.
Скульптор Бродский. В этом тоже что-то есть.

Стояние под музыкальным киоском

Если поднимешь лицо к небесам,
в морду получишь: дождит.
Взгляд, пламенеющий по пустякам,
молнию опередит.
Льется невидимый зрителю пот,
свечки заоблачной воск.
Гроном небесным исполнен, поет
мой музыкальный киоск.

Террористический вечер настал,
а не стреляет никто.
Льется доступная водка «Кристалл»,
перед атакой – по сто.
Из дому скрипку выносит пацан,
как на помойку ведро.
Вера Засулич и Фанни Каплан
входят на пару в метро.

Над головой нависает Генштаб,
слезы полковники льют –
черные розы надели хиджаб,
и соловьи не поют.
На музыкальном киоске навес,
а под навесом – герой,
пиво «Эфес» и протечка небес
связаны между собой.

Все перекошено. Правильный мент
ходит прямее штыка.
Нужен мне лишь музыкальный момент,
температура стиха.
Не на что сетовать, или пенять,
или вертеть головой.
Черт его знает, как это понять –
радуга над Москвой.

Встань, посмотри на часы – четыре утра.
Это галдеж за окном. Все молодежь виновата,
будит ни свет ни заря, однако вчера
что-то произошло сверх ожиданий и штата.
Ах, звонил телефон. Говорил не слон.
Не было в трубке, там, и посудной лавки.
Мой переулок цел. Отменили слом.
Правильно поступили в каком-то Главке.
С кем говорю? Неважно. С собой, с тобой,
и с золотым миллиардом, и с третьим миром,

*и Провидение сотовой пользуется трубой,
и серафим не ограничивается эфиром.
Кто там висит на проводе? Не в петле,
слава те господи, и не на худшем сайте.
Сам я – сорвался, в общем варюсь котле.
– Будем дружить не против других? – Давайте.
Это не к нам залетает голая суперстар,
и не слепит глаза нам солнечевская каморра.
Кто-то звонил ко мне. Одинок и стар.
Крик за окном – продолжение разговора.*

Полнолуние

*Не хочу уходить, уезжать, прощаться.
Волчий глаз – единственный папарацци.
Можно жить одному, тайком.
Можно долго жить, потому что время
относительное, прямо скажем, бремя
по сравнению с вещмешком.*

*Позвоночник выпрямится, допустим,
и другие телу грехи отпустим.
Прямо в будущее влеком,
ствол сосны вовек не имеет право
плохо выглядеть, загнивать коряво.
Дятел ходит по нем пешком.*

*Раздается стук, на часы похожий.
Ты опять о времени, Господи Боже,
не Тебе говорить о нем.
Шаровая вселенная – Божий выдох
с незаметной стрелкой на общий выход
под невидимый метроном.*

*На дверях, еще помню, была филенка,
были двери засвечены, как фотопленка,
стерлись тени, ходя вдвоем
по маршруту, начавшемуся у порога,
на котором махала платком тревога
и платком покрывался дом.*

*Ничего, дорогая. Поплачь в платочек.
Там останется след запятых и точек,
обнаруженных под кустом.
Дева русская вправду была красива,
особливо там, где растет крапива
и полынь своим чередом.*

*Горы белых медведей при полнолуние
стали стадом сугробов, седых, как луни,
горе стало березняком.
Оставляя на стеклах рассветный иней,
продолжительный вздох о большой секстине
выбивает из горла ком.*

В Абиссинии

*В Абиссинии нет ни волков, ни пантер.
Не идет европеец на лов
черных львов, демонстрируя детям пример.
В Абиссинии есть Гумилев.
У него там семья и лачуга своя,
и ручной крокодил на реке,
и река, молодых бегемотов жуя,
говорит на его языке.*

*У него там семья, то есть несколько жен
и потомков не менее ста.
Каждый сын Абиссинии вооружен,
но похож на живого Христа.
Не похож на Христа лишь один Гумилев,
ибо рос на пещерном плюще
и привык перешагивать тыщи голгоф –
через горы шагать вообще.*

*У него есть привычка – не видеть гвоздей,
вбитых в руки и ноги людей,
ибо он предпочел разводить лебедей,
лебедей, лебедей, лебедей.*

*Ибо хобби его дерзновенью равно
мореплавателя и стрелка,
над которым течет золотое руно,
переделанное в облака.*

*Говорят, тяжело заболел Менелик,
говорят, у него паралич.
Гумилев говорит: не печалься, старик,
нынче Пасха, откушай кулич.
В той стране, где я весело жил до того,
крестный путь никого не влечет,
ибо в ней беспрерывно царит торжество
воскресенья, а гибель не в счет.*

*Говорят, Менелик не поверил ему
и в сердцах указал на вокзал,
но вердикт, обещавший суму и тюрьму,
Гумилева вовек не смущал.
Не указ ему негус, акула, нарком,
и, совершеннолетний на вид,
машет саблей, играя с любимым сынком,
деревянной – она не горит.*

*За полынью, выросшей на камне,
женская покажется рука мне,
вьющаяся на сухом ветру.
Если поцелую эту руку
да еще приму за мать-старуху,
губы от нее не ототру.*

*Потому как по одной из линий
восхожу к серебряной полыни
и рожден на камне, как не все.
В этой элегической балладе
нет, заметь, ни звука об Элладе
или о кровавом колесе.*

*Не затем, чтоб тучи слезы лили,
корни роз и луковицы лилий
на Казачьем рынке продают.
Или дело в запахе полыни?
В жили-были? По другой причине
чаще всего тучи слезы льют.*

*Но и мною высосано право
на тебя, великая держава
и победоносная латынь.
На седой санскрит, на дойч и руссиш.
На камнях, которых не раскусишь,
не имеет запаха полынь.*

*Никаких претензий. Никаких
просьб и пожеланий.
Ожиданий тоже никаких
в перспективном плане.
Никого на свете. Ничего
за душой, в кармане,
в важном интересе: кто – кого?
Видимо, Армани.
Подиум! А всякие козлы,
прочие уроды,
морды вроде нас, не доползли
до высокой моды.
Никаких претензий. Все о'кей.
В домодельной торбе
никаких товаров, никакой
горечи и скорби.*

Об авторе: Илья Зиновьевич Фаликов – поэт. Автор десяти книг лирики. Книга «Сто стихотворений» (М., «Прогресс-Плеяда», 2012) отмечена почетным дипломом премии «Московский счет» в номинации «Лучшая книга года».

Ирина ЕРМАКОВА

КОРНЕВАЯ МЕДЬ

Представляем десять отобранных автором стихотворений из новой книги «Седьмая», выходящей в издательстве «Воймега».

Стихи сборника «Седьмая» ранее публиковались в журналах «Арион», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь».

Объяснение

*Щелк! – из книги, распахнутой неосторожно,
сиганул кузнечик и строит рожи.*

Никому ничего объяснить невозможно.

Все – другие. Даром, что так похожи.

*Все другие – за ним по столу и по шторе
кувырком, стучат по ушам колени,
верещат-трещат, как сухое горе,
убегают, будто от объяснений.*

*По рукам, по воздуху – взять их нечем,
угрызают слух, звенят плотоядно.
Несравненный толмач, иероглиф-кузнечик,
объясни мне то, что и так понятно.*

*Тишина скрипит. Голова пустая.
Ничего никому никогда без ошибки.
Звук молчит и строится, наезжая
с невозможной точностью дальней скрипки.*

Барнаул

1

*Сугроб ревел всю ночь. До самой крыши
засыпал сон, и синий свет в доме
откапывали утренней лопатой
с полоской жести на боку квадрата:
ворочался в окне кудлатый слон,
огромный, деревянный, настоящий,
подкованный гвоздем, таким блестящим,
что свет, скрипя, менялся слой за слоем,
за взмахом взмах – густое, голубое,
глухое – Божий мир смежен,
теплее, гибче – свет уже трепещет
в ресницах клейких, проступают вещи
по клеткам комнат – шах! – топочет слон,
и первый луч раскалывает сон.*

*Там свет еще, там снег еще валит,
там ходит деревянная лопата,
зарыт в сугробе ферзь, блистает гвоздь,
раскопки продолжают, нас ищут,
свет переменчив, но всегда светло,
и с валенок у печки натекло,
и к варежке салазки примерзают,
язык – к железу – шах! – и свет в слезах,
и солнечные мальчики в глазах.*

2

*А качели прибиты в дверном проеме,
потому что – горло, вечный мороз,
потому что жизнь происходит в доме,
угольком отмечается зимний рост
от последней прогулки до первой прогулки
в неизбежном пуховом платке крест-накрест,
мимо трех собак в Страстном переулке,
в край поселка, по кромке хрусткого наста,
где встречает нас молочница Настя
и хлопочет, обухом вышибая*

*голубую глыбу со дна ведра,
где она сама на свет – голубая
в гуще снега и млечных осколках двора,
где мычащий пар из щелей сарая...*

– Ты идешь?

– Сейчас!

– Ну, идем.

Идем.

Напрямик. Домой. Молочным путем.

*Синий лед в авоське. Тепло, легко
тянет за руку бабушка, рассекая
в небесах замерзшее молоко.*

Рябина

*Вот стою, качаясь, ломаю ветки,
надувает снегу в разломы ветер,
а как жарко пели меня соседки
в барнаульском детстве в метельный вечер
за чекушкой теплой, под воскресенье,
головой склоняясь на стол с клеенкой,
нежно-хриплый, грудной и рябинно-тонкий,
невозможность, сила и наваждение.*

*До утра за стенкой втроем гудели
на хвосте недели, после работы,
заводили в пятый, десятый, сотый,
будто нету песен других, а этой –
что душе свободной от вашей свободы
в деревянном огнеопасном теле:*

*ой летит в метели беда на горе
а вьюга ягой а пурга ордой
Обь-река горит в ледяном загоне
бродит магма под вечною мерзлотой
рябь коры и красные грозди кори
рев корней и эхо в стволе и кроне
годовые кольца в смоле густой –*

*словно горло сдавлено широтой,
словно жизнь – дубовая авантюра,
словно в этой рябине назло счастливой –
вся великая русская литература*

(с бесполезной женской инициативой).

Фонарики

Тане Бек

*Я усну на левом
носом в колени
как без памяти
как запятой эмбрион
и войдут с припевом
пилигримы-калеки
снова клянчить свое
забывая сон*

*Всем-всем-всем
чего-нибудь не хватает
легионы локтей
и ртов и глаз
сводный хор
фрагментов людей
распевает
что история человечества
не удалась*

*Что затея жизни
не состоялась
что идея ночи
жало дня
я сжимаюсь в ноль
в раздраженье
в жалость
каждый первый встречный
жалит меня*

*И в каждом горит
разноцветный фонарик
и каждый просит
и все должны
попрошки земной
огибает шарик
как воздушный
с легкой
ночной стороны*

*Чередой живую горящих точек
в чрево ночи Господи в чрево ночи*

*Посмотри же
вот я
точка
земля
голая глина
идеальный калека
Ты начни сначала
лепи с нуля
вырасти
сделай из меня человека*

*Своего человека
хоть одного
целого веселого летнего человека
кому
не надо ничего*

февраль 2005

*шух-шух ветер шурует в травах
пыльные стебли путая переплетая
делит по ним идущих на правых и правых
делит лежащих под ними на атомы рая*

*в реках подземных гудит корневая медь
и, распрямляясь, трава начинает звенеть.*

*Так пустота в пустоте играет зазывно,
чистый звук из ничего извлекаая,
верткий репей прыгает припевая,
мелкий сухой свидетель Большого взрыва*

*Жизнь не движется
стоит себе в одной точке
переминается с ноги на ногу чешет репу
а кругом господитвояволя птички-листочки
так и чиркают-чирикают по зеленому небу*

*А она ежится озирается словно
первый раз на свете живет и впрямь сробела
как сиделец кровный выпущенный условно
в этот день белый из смерти осточертелой*

*За спиной вечная вечность и все что было
впереди вечная вечность и все что будет
сквозь нее время со временной своей силой
а внутри нее море-море и люди-люди*

*Люди добрые! добрые люди? переживая
эту жизнь как ужас или привычку к чуду
или как всегда как лучшую здесь минуту
это я в зеленом небе стою живая
и машу – беги!
и я тебя!
не забуду!*

*у Марсия крепкая кость а копытца медны
а долгие острые уши не всем заметны
и сам он почти не заметен в толкучке воскресной
в январском гремучем Коломенском в музычке местной
лишь встречный флейтист припадая к волшебному пиву
пригубив прилично увидит прозрачную спину
прикрытую буро-кудрявой щетиной когда-то
а Марсий идет вдоль ларьков заводных до заката*

*и чутко вибрируют уши его ножевые
фильтруя ударные струнные и духовые
а Феб замечает врага и краснеет от гнева
и жизнь обнажаясь от скользких асфальтов до неба
краснеет краснеет и длится и длится краснея
и Феб шаролицый ревниво клонится над нею
в аллеях цепных карусели визжат улета
смеются разводят руками разит шашлыками
на лавочках парочки смерзлись в кустах перепалка
о жизнь моя красная что тебе музыки жалко?
да сам он не знает любовью горит или злобой
вон луч снегирем забарахтался в лоне сугроба
вон смотрит на солнце закатное красный прохожий
свободно
как всякий счастливец без кожи*

Жаль земного поселенца!

Баратынский

*Легкий друг мой, залетный друг,
маленький веселящий дух,
ранний свет вокруг трепыхающий,
дух, захватывающий дух
хрустом в горле, сверлом в виске,
хитрой скрипочкой вдалеке,*

*дай, пока не трубят: пора,
надышаться тобой с утра.*

*Над попавшею в сеть землей
сквозь ячейки-узлы вестей
бранный вихрь, ураганный сбой
отряхает листву людей,
солнце катится на восток,
эхо – долгое, как в горах,
о, позволь мне хоть раз, браток,
поболтать с тобой просто так.*

*Уморительный дух живой,
зажигательный вестовой
крутит огненную восьмерку
над развинченной головой –
золотая моя юла,
дай мне тихо сказать: ура,*

*что б там ни было впереди,
не печалься – лети.*

Сахалин

*Только по воздуху. Воды здесь
рыхло-ухабисты, кряжисто-серы,
воздух висит, не касаясь терры, –
веры и электричества взвесь.
Пока беззвучная взвесь.*

Иди

*по этому воздуху на этой нитке,
в замкнутой глухо стеклянной кибитке
с красно прилипшим листом впереди,
выше всех городских крыш,
крон, и маковок, и антенн, –
фуникулер выправляет крен,
дрожит, ныряет и режет тишь,
в провод вытягивая звук,
жаркий железный межреберный стук.
Дух перехвачен, охвачен дождем,
сопок загривки распластаны близко
в южных подробностях Сахалинска,
в крупных каплях на лобовом.*

*Дверь отъезжает с пробным щелчком,
вспоротый воздух идет на таран:
именно с этой сдуваемой точки
можно увидеть, как молча топочет,
жизнь гремучую обнимая,
страстно пляшущий океан.*

Оле Добрицыной

Стрелка солнца обломилась
радугой мгновенной
выгнул жилистую спину
лист обыкновенный
и на нем полужеленом
с желтого края
просияла половина
капли золотая
так
что сплавился прозрачно
в половине этой
целый свет и засветились
все детали света
так
что было есть и будет
блик одновременный
в полукапле-полуточке
полудрагоценной
так
что все недо-уменья
недо-разуменья
выжег фокус натуральный
моментальный луч
скандальной
ясностью свеченья
Лист прожженный содрогнется
и легко от края
оторвется капля солнца
длинноклювая литая
на лету сверкая

Об авторе: Ирина Александровна Ермакова – автор шести книг стихов, лауреат нескольких литературных премий.

«ИНФОРМПРОСТРАНСТВО»
2014, № 3 (185)

СМИ зарегистрировано в Московском территориальном
управлении Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ N1-00919 от 20.12.2002.

Учредитель СМИ: *Евгений Моисеевич Бень*.

Электронный адрес: *gazetapros@yandex.ru*.

Телефон: +7 (925) 089 31 61

Формат 60x90/16, бумага офсетная, 100 г/м²,
гарнитура OfficinaSansC, JournalSansC.
Усл. п. л. 11,5. Подписано в печать 08.05.2014
Тираж 620 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер».
115407, Россия, Москва,
Нагатинская наб., д. 54, ком. 4